Б. И. ЕСИН

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

Б. И. ЕСИН

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

/ГАЗЕТНЫЙ МИР XIX ВЕКА/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1983

Есин Б. И. Путешествие в прошлое (газетный мир XIX в.).— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 160 с.

В монографии показано развитие дореволюционной газеты пореформенного периода. «География» прошлого представлена очень широко: здесь и известные столичные газеты — «Русское слово», «Биржевые ведомости» и др., и провинциальный «Астраханский вестник», официальные правительственные издания и подробности деятельности частных предпринимателей, судьба отдельных изданий и статей.

Для журналистов, преподавателей и аспирантов факультетов и отделений журналистики, для издательских работников. Может быть полезна студентам, читателям, интересующимся историей журналистики.

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:
доктор филологических наук,
профессор *В. А. Ковалев,*
кандидат филологических наук
С. Я. Махонина

Е $\frac{4502010000—002}{077(02)—83}$ 141—83

Об этой книге и ее авторе

История русской журналистики — дисциплина, сложившаяся давно, и время от времени издательства (и прежде всего Издательство Московского университета, где много лет успешно работает кафедра истории русской журналистики и литературы) выпускают книги по истории журналистики XVIII и XIX вв. Но ни одна из них не имела еще такого необычного заглавия.

Как можно совершить путешествие в мир газет и газетчиков, давно отживший? Ведь нужны живые впечатления, характерные детали, многоцветные наблюдения... Но для человека, три десятилетия посвятившего истории русской прессы, преимущественно второй половины прошлого века, оказалось возможным как бы увидеть собственными глазами те далекие времена, пройтись по улицам русских городов прошлого века, встретиться с разносчиками газет, познакомиться с читателями, особенностями редакционного быта, понаблюдать за яркими фигурами сотрудников и редакторов газет того времени, заметить драматические сцены взаимоотношений представителей властей и бессильных спрятаться от их холодно-подозрительного взора редакторов и издателей — то робко просящих, то хитрящих по мелочам, то отчаивающихся, то на что-то надеющихся...

В этом году Борису Ивановичу Есину исполняется шестьдесят лет. Более половины своей жизни посвятил он изучению русской журналистики, притом почти четверть века — газетному миру России XIX столетия. Когда в 1959 г. появилась его книга о журнале «Дело», а через год — о Чехове-журналисте, могло показаться, что солидно-традиционное направление в изучении журналистики приобрело еще одного последователя. Но более внимательному взгляду открывалось и другое —

в том же 1959, а затем 1960, 1961 и в последующие годы стали появляться небольшие, иногда в несколько страничек статьи и заметки — то о возникновении первых рабочих газет, то о первых попытках создать телеграфные агентства в России, то о первой артели уличных продавцов газет. Можно было подосадовать — уходит молодой исследователь куда-то в сторону, не может преодолеть мелочно-разыскательского ученического стиля, в то время как пора выходить на простор крупно-масштабного мышления, образцы которого материализовались к тому времени в ряде крупных монографических работ.

Но подобное мнение было ошибочным: ученый искал свой путь. Это оказался период «вживания» в *газетное дело России* (так назывался и его первый самостоятельный спецкурс, который слушали тогда известные ныне преподаватели). Исследования этого периода нашли отражение в небольшой книге Б. И. Есина «Краткий очерк развития газетного дела в России XVIII—XIX веков» (1967) и были продолжены в монографии «Русская дореволюционная газета» (1971), которая получила широкую известность в стране и была переведена за рубежом.

Стало очевидным — складывается новое направление в изучении журналистики, предметом которого явилась русская газета, ранее не привлекавшая внимания специалистов. Четко вырисовывался и индивидуальный почерк автора: предельно глубокое проникновение в материал, доскональное знание фактической стороны дела.

И тут перед Б. И. Есиным встали методологические проблемы. Стало ясно, что простым «наложением» фактов газетной практики на приемы традиционной методологии историко-журналистского исследования ограничиваться нельзя. Возникает смелое решение, к которому подводили ученого и знания многообразной картины газетного мира, и требования практики преподавания на факультете журналистики, ставшие звучать все отчетливее: поделиться с читателем и научной общественностью своими наблюдениями.

Эти методологические подходы в значитель-

ной мере оказались реализованы в докторской диссертации и написанной на ее материалах книге «Русская газета и газетное дело в России. Задачи и теоретико-методологические принципы изучения», вышедшей в прошлом году.

Она символизирует новый этап в научной деятельности Бориса Ивановича. Во-первых, в этой книге относительно полное завершение получило изучение обширнейшего материала. В значительной степени оказалась проясненной весьма сложная для сводного анализа в силу недостатка материала и труднодоступности фактической базы сфера журналистики. Теперь уже история газет так прочно оказалась вписанной в историю журналистики, что просто трудно представить себе, как может быть иначе. Во-вторых, в этой книге ученый выступает как яркий новатор, — не отказываясь от привычных приемов и методов исследования, он разрабатывает и плодотворно применяет новые способы изучения и представления историко-газетного материала. Его исследование основано на принципах многогранного системного подхода к изучению газет — в единстве типологического и социологического, филологического и социально-политического, юридического и экономического, технического и организационного анализа. Благодаря этому перед читателем открывается захватывающая картина жизни газетной прессы, яркими красками окрашиваются исторические факты, становится очевидным практический смысл исследования, творческие «выходы» историко-журналистского знания. Благодаря жизненной приближенности острее ощущается идеологический смысл исторического познания. И наконец, автор щедро набрасывает контуры будущих исследований, характеризует задачи и их направленность, указывает на возможные «неоткрытые области» и методико-методологические основы построения фундаментального знания в сфере отечественной журналистики. Это редкое в современных работах качество стоит отметить особо — заботясь о развитии этого направления науки, Б. И. Есин ищет союзников и последователей. И при том не скрывает серьезных трудностей и в работе с фактическим материалом, и при изучении

газет на основе системной методологии, которая только-только складывается применительно к журналистике. Но это, кажется, и способно привлечь исследователей большой целеустремленности и смелости мысли.

Но и книга «Русская газета и газетное дело в России» не исчерпала всех тех творческих накоплений, которые сделаны Есиным за четверть века историко-газетных штудий. Множество «мелких» заметок и документальных материалов, наблюдений и подборок фактов оказались за рамками строгого жанра теоретико-методологической монографии. Так бывает — и не только у историков или филологов. Вжившийся в газетный микрокосм второй половины XIX в. исследователь располагает огромной информацией, которую можно рассматривать и как «отходы производства», и как бесценные дополнительные штрихи к картине газетной жизни. Тут вряд ли излишне смелой покажется параллель с «багателями» или «листками из альбома» (первоначально «spreu») композиторов прошлого века, которые, с одной стороны, не пригодились им для создания великих произведений, а с другой — привлекают внимание крупнейших исполнителей современности...

«Путешествие в прошлое» можно назвать вот такой же книгой этюдов, самостоятельный интерес которых очевиден, хотя зачастую они являются первичными накоплениями. Но для книги они оказались доработанными и обработанными. Собрание своеобразных историко-журналистских «этюдов с натуры» стало неким самоценным дополнением к монографии о русской газете — дополнением, потому что предмет остается прежним; самоценность же этого дополнения связана с тем, что некоторые детали укрупняются, возникают полутона светотени, абстрактные фигуры приобретают личностные черты, незначительные факты обнаруживают характерность. Пересказывать «сюжеты» отдельных этюдов не имеет смысла. Но в каждом из них — возникновение рабочих газет, уличная продажа газет, история телеграфных агентств, формирование женского «отряда» русских журналистов, портреты таких редакторов и издателей, как

Е. Корш или К. Трубников, цензурные истории и т. д. — читатель обнаружит тщательную детализацию, любой эпизод из жизни газетного мира России приблизится к читателю, и он будет жить ощущением личного знакомства с тем далеким миром, с помощью исследователя совершит действительно увлекательное путешествие.

А когда читатель перевернет последнюю страницу, независимо от того, специалист ли он по истории русской журналистики или журналист-практик, литератор, историк, обществовед, студент или просто любитель старины — возможно задумается: куда же идет, по каким направлениям развивается история журналистики?

Можно смело сказать, что наряду со знанием культурного наследия, знакомством с предшественниками современной журналистики, проникновением в историю политико-идеологических битв прошлого, углублением в реалии литературной жизни прежних времен история журналистики все более захватывает сферы движения творческих форм и журнально-газетного быта прошлых времен, экономики и техники, информационного обеспечения и распространения, читательского спроса и реального влияния на аудиторию, профессионального облика журналистов и творческого метода, индивидуальных особенностей и этических принципов... История журналистики все больше обнаруживает свои возможности благодаря настойчивым исканиям немногочисленных, к сожалению, ее служителей, среди которых столь видное место занимает Борис Иванович Есин. Его усилиями предмет науки и ее значение для читателей, притом не только специалистов-исследователей, преподавателей, аспирантов, студентов, журналистов-практиков, но и для «просто» читателей, интересующихся культурой прошлого, раскрывается все полнее и становится все привлекательнее и профессионально и читательски.

Отмечая шестидесятилетие доктора филологических наук, профессора Московского университета Б. И. Есина, мы вправе рассчитывать, что горизонты науки благодаря его труду будут раскрываться все шире и многограннее.

Профессор Е. П. Прохоров. *1982 г.*

ПЕРВЫЕ РАБОЧИЕ ГАЗЕТЫ В РОССИИ

Развитие капитализма в России, как известно, началось позднее, чем в других европейских странах. Только в середине XIX в. было устранено главное препятствие для капиталистического развития — крепостное право. Крестьянская реформа 1861 г., несмотря на всю половинчатость, создала благоприятные условия для развития производительных сил в стране и, прежде всего, дала промышленности свободную рабочую силу. Вместе с ростом промышленности и городов в пореформенные годы растет и развивается пролетариат. Рабочих, занятых в крупной капиталистической промышленности (на фабриках и заводах, на железнодорожном транспорте, в горнодобывающей промышленности) уже в 1865 г. насчитывалось свыше 700 тыс.

Беспощадная эксплуатация и полное политическое бесправие трудящихся не могли не вызвать протеста. С конца 60-х — начала 70-х годов рабочее движение начинает давать о себе знать весьма ощутимо. В 1870 г. в России отмечена первая крупная забастовка рабочих на Невской бумагопрядильне. В том же году Министерство внутренних дел издает специальный циркуляр о борьбе со стачками. Стачечное движение особенно сильно развертывается во второй половине 70-х годов. В это время создаются и первые рабочие союзы — Южнороссийский союз рабочих (1875) и Северный союз русских рабочих (1878). В создании этих организаций проявилась сравнительно высокая для того времени политическая зрелость и организованность русских пролетариев.

Уже в 60-е годы значительная часть заводских (особенно) и фабричных рабочих стремится к образованию, овладевает грамотой. Жизнь в городе,

капиталистическое производство требовали от работника более высокого уровня развития и хотя бы элементарной грамотности. «В качестве коренных горожан многие заводские рабочие с детства имеют гораздо больше средств к образованию, чем фабричные. Между знакомыми мне заводскими рабочими, — вспоминал Плеханов, — я не встречал людей, совершенно не бывших в школе. Одни из них учились в обыкновенных городских первоначальных школах, другие в школах Технического и Человеколюбивого обществ... Школы Технического общества известны мне очень хорошо. Бедно обставленные, они все-таки недурно делают свое дело, обучая заводскую молодежь чтению, письму и арифметике»[1].

Несколько хуже обстояло дело с фабричными рабочими, приходившими на заработки из деревни, но и они приобщались к грамоте.

Во второй половине XIX в. число читателей из народа растет прежде всего в промышленных районах. Журнал «Книжник» писал в 1865 г.: «В Вознесенском посаде (Влад. губ.), близ с. Иванова, знаменитого по своему огромному производству ситцев и нищенствующему населению, открыта публичная библиотека для чтения. В настоящее время в ней находится до 6000 томов разных сочинений и получаются все лучшие русские журналы и газеты»[2]. Журнал, безусловно, преувеличивал просветительское значение указанного факта, ибо мы знаем, что подбор периодики в библиотеках для народного чтения был крайне тенденциозен. И все же...

Вот еще одно сообщение: «Стремление к чтению за последнее время стало проявляться и среди рабочего люда. Так, по инициативе одного из служащих на карточной фабрике, в селе Александровском, принявшего на себя труд доставлять возможность рабочим фабрики получать с рассрочкой платежа периодические издания, в настоящее время выписывается значительное количество разных журналов и ежедневных газет. Говорят, что приме-

---

[1] Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 138.
[2] Книжник, 1865, № 5, с. 364.

ру карточной фабрики намерен последовать и Обуховский сталелитейный завод»[3].

Безусловно, официальные лица, фабричная администрация стремились направить чтение рабочих определенным образом. Но, независимо от воли предпринимателей и их служащих, просвещение делало свое дело.

Что же мог найти грамотный рабочий в периодической печати 60—70-х годов, где мог прочитать о своем положении, какие издания способствовали развитию его самосознания, поднятию культурного уровня?

Наиболее развитые рабочие черпали интересующие их сведения из толстых демократических журналов, таких как «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «Дело». В частности, передовые рабочие хорошо знали работу Н. В. Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и Франции», опубликованную в журнале «Современник» еще в 1861 г. Рабочая тема в это время смело звучала на страницах газеты «Неделя». Но все эти издания были мало доступны простому рабочему.

Человек из «простонародья» мог пользоваться газетами. То, что рабочие читали газеты, — факт несомненный. Плеханов, например, вспоминал, что в 70-е годы рабочие «с негодованием» показывали ему «газетные сообщения о порках крестьян»[4]. Но почерпнуть сведения о положении народных масс и особенно рабочего класса из газет для «чистой публики» было трудно. Либеральные издатели очень мало места отводили рабочему вопросу и положению людей труда. Кроме того, с конца 60-х годов Министерство внутренних дел стало ограничивать освещение рабочего вопроса в легальной печати. Так, в 1868—1870 гг. в Главном управлении по делам печати было заведено «Дело об изъятии из обсуждения периодической печатью ряда вопросов, в том числе вопроса о взаимоотношениях между предпринимателями и рабочими»[5].

---

[3] Книжный вестник, 1884, № 3—4, с. 118.

[4] Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 136.

[5] Центральный Государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА), ф. 776, оп. 4, ед. хр. 49.

В 1870 г. Главное управление по делам печати сообщало С.-Петербургскому цензурному комитету, что министр внутренних дел предложил редакторам бесцензурных журналов и газет «воздержаться от печатания рассуждений и вообще статей, касающихся несогласий между рабочими и хозяевами, а равно не допускать подобных статей в изданиях подцензурных» [6].

Еще более категорично прозвучало это требование в 1879 г., когда было запрещено печатать корреспонденции о стачках на заводах и фабриках. Подобные распоряжения делались и в 80—90-е годы.

Таким образом, легальная печать, если бы и хотела, не могла дать широкой информации о рабочем движении в стране.

Русский рабочий не мог получить сколько-нибудь полной, содержательной информации из легальных газет и о положении западноевропейского рабочего. Когда в 1872 г. «Иллюстрированная газета» захотела рассказать о судьбе К. Либкнехта и А. Бебеля в заметке «Германские демократы», цензура решительно запретила ее публикацию. Запрещены были и подготовленные для печати портреты немецких социал-демократов [7].

Реакционно-монархическая пресса вплоть до 1885 г., до знаменитой морозовской стачки, вообще замалчивала рабочий вопрос в России, стараясь убедить русское общество, что рабочего движения в стране нет, что рабочему на фабриках и заводах, в селах и городах живется, как в раю (Катков, Страхов и др.).

Однако, публично отрицая рабочий вопрос в России, представители господствующих классов тем не менее чувствовали опасность, которая грозила им со стороны развивавшегося пролетариата, и сами принимали всевозможные меры, вплоть до издания специальных газет и журналов для рабочих, с целью нейтрализовать и обезвредить рабочее движение. Так, в 1875 г. вдова статского советника

---

[6] ЦГИА. Высочайшие повеления и распоряжения начальства, принятые к руководству, 1870, ф. 776, оп. 2, ед. хр. 4, л. 21.

[7] ЦГИА. Дело по изданию «Иллюстрированной газеты», 1863, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 53, л. 136.

М. Г. Пейкер с помощью и при поддержке министра внутренних дел получила разрешение на издание в Петербурге ежемесячного иллюстрированного журнала «Русский рабочий», хотя Главное управление по делам печати считало неудобным и ненужным, «чтобы произведения, предназначаемые для народного чтения, выходили в определенные сроки в форме периодических изданий» [8].

Издание Пейкер только по периодичности можно отнести к журналам. По внешнему оформлению и по формам подачи материала это была многополосная газета размером чуть больше современной многотиражки. На протяжении двенадцати лет Пейкер и ее наследники отравляли классовое сознание рабочих проповедью ханжеского благочестия, смирения, трезвости и благопристойности, прикрываясь заботами об их культурном развитии. В 80-е годы, с развитием рабочего движения, из этого псевдорабочего издания исчезают статьи, затрагивающие бытовые темы, — о домашних животных, полезных растениях, элементарных правилах гигиены. По словам дочери издательницы, «содержание журнала стало носить преимущественно духовно-нравственный характер» [9]. На самом же деле оно совершенно открыто было направлено на развращение сознания рабочих религиозными баснями и сентиментальными сценами из жизни добродетельных тружеников. Но все эти попытки были обречены на провал. Рабочее движение неуклонно росло, и развитие сознания передовых рабочих уже нельзя было задержать такими грубыми и примитивными приемами.

Значительно больше влияла на рабочее сознание массовая городская газета. Увеличение городского населения, повышение его грамотности — все это привело к возможности и необходимости издания массовых городских газет, которые и по-

---

[8] ЦГИА. Дело об издании г. Пейкер «Русский рабочий», 1875, ф. 776, оп. 5, ед. хр. 9, л. 4. На докладе Главного управления по делам печати министр внутренних дел написал: «Г-жа Пейкер мне лично известна и я не нахожу препятствий по разрешению ей издавать упоминаемый журнал».

[9] ЦГИА. Дело об издании г. Пейкер «Русский рабочий», 1875, ф. 776, оп. 5, ед. хр. 9, л. 32.

лучили широкое распространение сразу же после реформы 1861 г.

Многие рабочие, ремесленники впервые приобщились к газете именно через массовую печать, более доступную по цене и часто более интересную для городского жителя. К тому же некоторые газеты (например, «Петербургский листок») печатались на специальной бумаге, годной для изготовления цыгарок.

«Тогдашняя ежедневная пресса, — писал один из организаторов дешевой городской газеты, — занималась преимущественно политикой; местная жизнь с ее вопросами и нуждами почти игнорировалась ею» [10]. Этот пробел и старалась восполнить городская массовая газета, которая обещала вращаться исключительно в среде ежедневных интересов городской публики, говорить исключительно о городской жизни в различных ее проявлениях [11].

К массовым газетам второй половины XIX в. следует отнести «Русские ведомости» (первого года издания), «Петербургский листок», «Петербургскую газету», «Новости. Газету для всех» (до 1880 г.), «Московский листок» и некоторые др. По цене и программе сюда же относятся некоторые еженедельники, например, «Иллюстрированная газета» (с 1863 г.). Для всех этих изданий характерна низкая подписная цена: «Петербургская газета» стоила 4 руб. без доставки; «Новости» первоначально стоили 5 р. 50 к. без доставки, затем 6 р. 50 к., «Московский листок» — 9 руб. с доставкой и т. д., тогда как качественная газета, рассчитанная на публику определенного образовательного ценза, стоила около 17 руб. в год.

Все эти газеты были ограничены в программе: им не разрешалось внутреннее и внешнее политическое обозрение, некоторым — передовицы и судебная хроника. В основном их содержание сводилось к городским и провинциальным новостям. Наряду с заметками о происшествиях и мерах по благоустройству города, информацией о зрелищах,

---

[10] Скоробогатов И. А. «Петербургский листок» за тридцать лет. Спб., 1914, с. 3.

[11] Петербургский листок, 1864, № 1; 1869, № 2.

молебнах, выставках, а также сведениями о приезжих и умерших, бракосочетаниях и разводах, в них освещалось положение рабочих, ремесленников, городской прислуги, мелких служащих. Тема жизни городской бедноты была представлена достаточно широко, хотя не отличалась глубиной постановки.

Все массовые городские газеты, как правило, не освобождались от предварительной цензуры. Правительство рассматривало эти издания как простонародные, и администрация предъявляла им совершенно определенные требования. Когда в 1858 г. Н. Щукин обратился в С.-Петербургский цензурный комитет за разрешением на издание политической газеты «Народные ведомости», ему было немедленно отказано, так как, по мнению Министерства народного просвещения, простолюдинам «вовсе не нужны» были иностранные политические известия [12]. Эта позиция официальных учреждений не изменилась и тогда, когда печать перешла в ведение Министерства внутренних дел.

В отзывах цензоров, журналах заседаний комитета часто можно встретить суждения о том, что «дешевым газетам» «не дозволяется» обсуждать мероприятия правительства, факты голода, действия духовенства, состояние финансов, печатать тенденциозные стихотворения и т. д.

Так, в 1871 г. Главное управление по делам печати обратило внимание С.-Петербургского цензурного комитета на нежелательный «пессимизм» корреспонденций «Иллюстрированной газеты» «о безысходной бедности, заедающей наших мужиков», и других материалов, в виду чего «и принимая во внимание, что это издание дешевое, а потому доступное для недостаточного класса людей» [13], потребовало более строгого наблюдения за газетой.

В 1872 г. через суд был оштрафован издатель газеты «Новости» Ю. Шрейер за перепечатку

---

[12] ЦГИА. Дело по просьбе коллежского советника Щукина..., 1858, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 92, л. 6.

[13] ЦГИА. Дело по изданию «Иллюстрированной газеты», 1863, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 53, л. 82, 83.

фельетонной заметки из «С.-Петербургских ведомостей», затрагивающей вопросы финансов, которую совет Главного управления по делам печати посчитал в издании, «особенно дешевом и распространенном в низшем слое публики, совершенно неуместною» [14].

Цензор, наблюдавший за газетой «Новости», полагал, что научные статьи о половом подборе «слишком циничны для ежедневной вращающейся в кругу полуобразованных читателей газеты» [15].

В 1878 г. С.-Петербургский цензурный комитет, найдя предосудительной в той же газете статью Н. С. Лескова «Об уборе русского духовенства» и доводя об этом до сведения Главного управления по делам печати, писал: «Ругательные выражения... не должны быть терпимы в газете, имеющей в среде своих читателей по преимуществу простой народ, способный соблазниться печатным словом и потерять всякое уважение к духовному сану»[16].

Таких примеров можно привести множество. Но особенно строго следили цензоры за статьями и корреспонденциями по рабочему вопросу. В 1869 г. цензурным комитетом было обращено серьезное внимание на пересказ в «Иллюстрированной газете» некоторых материалов из газеты «Неделя», в частности корреспонденций из Нижнего Новгорода («Неделя», № 16) [17]. Это была статья, в которой, по отзыву цензора, проводилось «враждебное сопоставление рабочего класса с владеющими сословиями» [18].

По поводу перепечатки газетой «Новости» в 1872 г. из газеты «Nordishe Presse» сообщения о беспорядках на Кренгольмской мануфактуре (Нарва) цензурным комитетом было сказано: «Описание возмущения, хотя уже и появившееся во всех

---

[14] ЦГИА. Дело по изданию газеты «Новости», 1871, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 35, л. 81.

[15] Там же, л. 251 (речь идет о статьях по поводу книги Ч. Дарвина «Происхождение человека и половой подбор»).

[16] Там же, л. 290.

[17] ЦГИА. Дело по изданию «Иллюстрированной газеты», 1863, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 53, л. 45.

[18] ЦГИА. Дело по изданию газеты «Неделя», 1866, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 16, л. 30.

бесцензурных газетах, не может быть допущено в подцензурном издании и газете дешевой, каковы «Новости» [19].

В 1873 г., запрещая несколько статей для той же газеты о положении отечественных рабочих, комитет дает такую мотивировку: «Приведены рассуждения по поводу притеснения рабочих хозяевами, что совершенно неуместно в ежедневной, дешевой газете» [20]. А в 1877 г., запрещая перепечатку материала из «Одесского вестника» «о притеснениях, наносимых богатыми фабрикантами бедным рабочим», цензор Смирнов на гранках сделал запись: «Все, что выражает сословную рознь, — для *нас* не годится. Заметьте это на будущее время» [21].

Критическое направление материалов массовых газет пугало администрацию. В заключении Главного управления по делам печати о газете «Петербургский листок» читаем следующее: «Петербургский листок» — издание весьма распространенное между петербургскими чиновниками, купечеством и грамотными простолюдинами. Эта газета не занимается вопросами внешней политики (на что не имеет и права по своей программе), но посвящена ежедневным событиям из петербургской и провинциальной жизни. Она почти никогда не задевает высшие правительственные ведомства и лица, но зато старается подбирать темные стороны из деятельности различных общественных и сословных учреждений, провинциальных чиновников и частных лиц... Все свои взгляды и суждения она подделывает под тон нашей нигилистической литературы» [22]. Предосудительней нигилизма в то время для цензуры ничего не было.

Отрицательные материалы неизменно вызывали репрессии со стороны администрации. Газета «Новости» получила взыскания в 1871 и дважды в 1877 гг.; «Петербургская газета» в 1872 (дважды), 1873 (трижды), 1877 гг.; «Петербургский листок» —

---

[19] Там же, 1871, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 35, л. 111.
[20] Там же, л. 156.
[21] Там же, л. 260.
[22] ЦГИА. Сведения о петербургских повременных изданиях, сообщенные временному С.-Петербургскому генерал-губернатору, 1879, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 402, л. 24.

в 1867, 1868, 1871, 1875 гг. (дважды) и т. д. И все же даже «Московский листок» — наиболее беспринципная из массовых городских газет — с риском для себя давала материалы о положении рабочих, приказчиков, мелких служащих.

В 1882 г. «Московский листок» напечатал репортаж «Побоище в Кельдюшевском лесу», направленный против фабриканта Рабенека. В 1884 г. В. А. Гиляровский дал две корреспонденции о пожаре рабочей казармы в Орехове-Зуеве у фабриканта Морозова, рассказал о бедственном положении рабочих, ютящихся в неприспособленных для жилья бараках. Все фабричные прочитали эти заметки. Московский генерал-губернатор, узнав о корреспонденциях, требовал ареста и высылки их автора [23].

Даже в нашумевшем отделе «Советы и ответы» можно найти не одну критическую заметку в адрес предпринимателей:

«Тимофею Масленному. На станцию Волхов. Будьте поснисходительнее к своим фабричным, не обижайте их, всех слез у них не выжмете, довольно и тех, которые вы у них высосали» [24].

«Мебельщику С-ому на Большую Дмитровку. Вы жалуетесь, что Вам снятся сны неспокойные, погодите — не такие еще будут сниться, если вы только не перестанете обижать и обсчитывать своих рабочих» [25].

«Булочнику Виноградову. Пожалейте своих рабочих, дайте им хоть сколько-нибудь отдыха. Невозможно же с 6 часов утра и до 11 ночи мять тесто и печь всякую всячину; устройте 2 смены, — люди ведь у вас не каторжные» [26].

Гиляровский вспоминал, что репортерам «Московского листка» приходилось ходить в Хамовники, Сокольники или Даниловку «разнюхивать на фабрике, чем кормят рабочих, как они живут и бе-

---

[23] См.: Гиляровский М. Мои скитания. М., 1958, с. 231—232.

[24] Московский листок, 1882, № 2. (Вообще скандальность этого отдела несколько преувеличена.)

[25] Гиляровский В. А. Соч. в 3-х т., т. 2. М., 1960, с. 109.

[26] Московский листок, 1881, № 43.

рут ли с них штрафы. Разузнает репортер, принесет подробное сообщение, а Н. И. Пастухов лично переделает три-четыре строки и хватит в «Советы и ответы» провинившегося фабриканта, назвав его по приметам или по прозвищу... Многим попадало в них ежедневно, а больше всего тем, кто притеснял рабочих, служащих...» [27].

Именно в связи с таким характером отдела (а не с его скандальностью) московский генерал-губернатор и потребовал его закрытия.

Но переоценивать эти печатные органы мы не можем. Их влияние на аудиторию было крайне ограничено. Такие сообщения могли производить впечатление только на впервые потянувшихся к печатному слову рабочих и на городское простонародье.

В 70-е годы революционные газеты для рабочих пытались издавать народники. Факты реальной жизни заставили революционных народников прийти к выводу, что городской рабочий значительно восприимчивей к революционной социалистической пропаганде, чем крестьянство, и это нашло отражение в их практической деятельности. Революционные народники в рабочих начали искать помощников для подготовки крестьянской революции. Лучшие из них в своих изданиях все больше внимания уделяли рабочему движению. Известно, что Плеханов, тесно связанный с питерскими пролетариями, в 1878 г. выдвигал рабочий вопрос в качестве важнейшего вопроса своего времени, хотя и решал его по-народнически, признавая рабочих лишь союзниками крестьян в революции. Внимание революционных народников к рабочему вопросу отразилось и в издании ими ряда газет для народа, для рабочих («Работник», 1875; «Рабочая газета», 1880—1881; «Зерно», 1880—1881).

Все эти печатные органы, несмотря на известные различия, не были подлинно рабочими газетами, а были газетами *для рабочих*. Они ориентировались главным образом на тех пролетариев, которые еще не забыли о своем крестьянском происхождении и в душе оставались мелкими собственниками, лишь на время вытолкнутыми нуждой из деревни в го-

---

[27] Гиляровский В. А. Соч. в 3-х т., т. 2, с. 109.

род. Все перечисленные газеты, приспосабливаясь к уровню этой части русских рабочих, проигрывали в глазах передовой части промышленного пролетариата. Особенно выделялась в этом отношении «Рабочая газета». В то время, когда сами рабочие уже создавали собственные революционные кружки и типографии, весьма примитивным выглядело, например, разъяснение в ее первом номере таких слов, как «типография» (книгопечатня) или «интеллигенция» (люди ученые).

Не понимая исторической роли пролетариата в революции, народники не могли создать подлинно рабочей печати, верно отражавшей интересы передового общественного класса, идеи научного социализма. Они плохо заботились о фактической стороне материалов (в этом отношении особенно отличалась газета «Работник») и распространении газет[28]. Но при всех серьезных недостатках периодические издания, издававшиеся народниками для народа, сыграли свою революционизирующую роль: они дали толчок к созданию настоящей рабочей прессы в России, показали силу печатного слова в организации борьбы против самодержавия. Передовые рабочие использовали этот урок, и уже в 80-е годы были предприняты серьезные попытки издавать свои газеты, независимые от народнических организаций. Первой такой газетой в России был орган «Северного союза русских рабочих» — «Рабочая заря».

«Рабочая заря» явилась попыткой рабочих выпустить газету, отражавшую идеологию не крестьянской демократии, а пролетариев. Издание «Рабочей зари» говорит о сравнительно высоком классовом самосознании передовых русских рабочих того времени.

Основателями «Северного союза русских рабочих» были рабочие В. П. Обнорский и С. Н. Халтурин. В программе «Союза», принятой в декабре 1878 г., говорилось, что его членами могут быть

---

[28] Плеханов метко заметил, что революционные народники «если... и брались за пропаганду среди рабочих, то делали это спустя рукава, мимоходом, без увлечения» (Соч., т. 1, с. 98).

только рабочие и что эта организация по своим задачам примыкает к социал-демократическим западноевропейским партиям.

Большое место в программе «Союза», в целом направленной против существующего строя, отводилось борьбе за политические права рабочих. Народники, которые претендовали на руководство всем революционным движением, не понимали этого. Они «фыркали» на политическую свободу из-за ее буржуазности, указывал В. И. Ленин [29].

«Когда в 1875 г., — писал В. И. Ленин, — образовался «Южно-русский рабочий союз» и в 1878 г. «Северно-русский рабочий союз», то эти рабочие организации стояли в стороне от направления русских социалистов; эти рабочие организации требовали политических прав народу, хотели вести борьбу за эти права, а русские социалисты ошибочно считали тогда политическую борьбу отступлением от социализма» [30].

Самостоятельный характер рабочей организации в Петербурге огорчил, обеспокоил революционно-народнических интеллигентов. В четвертом номере нелегальной революционно-народнической газеты «Земля и воля» народники пытались поправить рабочих, но их доводы «перестали казаться убедительными» [31]. Халтурин, например, в свою очередь очень критически отнесся к газете «Земля и воля» и говорил, как вспоминал позднее Плеханов, что это издание было не для рабочих.

«Под влиянием Халтурина, — писал Плеханов, — и его ближайших товарищей рабочее движение Петербурга в течение некоторого времени стало совершенно самостоятельным делом самих рабочих» [32].

Убежденно защищая необходимость завоевания политической свободы для рабочих и всего народа, члены «Союза» писали в ответ редакции «Земля и воля» (ответ был опубликован в пятом номере «Земли и воли»): «Нас можно было бы еще упре-

---

[29] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 182—183.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 245.

[31] Плеханов Г. В. Соч., т. 3, с. 186.

[32] Там же, с. 143.

кать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни, да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша программа, кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызывала, так как представление о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжется. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас... Мы знаем... что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды...»[33].

Рабочие согласились с критикой в некоторых пунктах (например, в разработке аграрной программы), но в вопросе о политических свободах заняли вполне самостоятельную точку зрения.

«Союз», возникший накануне второй революционной ситуации в России, в обстановке усиления стачечного движения в Петербурге, стремился стать руководящей организацией революционных рабочих во всей стране. Это с неизбежностью поставило перед ним задачу организации выпуска периодического издания. Не ограничиваясь выпуском листовок, руководители «Союза» приступили к подготовке своей газеты. Члены «Союза» признали печатное слово, газету для рабочих «самым важным рычагом» агитационной деятельности.

Несмотря на арест Обнорского, доставившего шрифт для типографии, подготовка к изданию «Рабочей зари» шла полным ходом уже весной 1879 г. Однако отпечатали газету несколько позднее.

Непосредственным организатором выпуска газеты и ее редактором был Степан Халтурин, замечательный человек и беззаветный революционер. Выходец из крестьянской семьи, столяр по специальности, он пользовался большим уважением и любовью питерских рабочих. Лично знавший его Плеханов отзывался о нем с большой теплотой.

---

[33] Земля и воля, 1879, № 5. Цит. по: Куклин Г. А. «Северный Союз русских рабочих» и Степан Халтурин. Женева, 1904, с. 16—17.

Первый номер «Рабочей зари» был отпечатан в нелегальной типографии «Союза» 15 февраля 1880 г. Этот единственный номер газеты представлял собой небольшой листок с обращением к рабочему читателю. Здесь защищалась сама идея свободного слова, говорилось о невыносимом положении рабочих, о необходимости борьбы за свои права, за землю, фабрики и заводы, ибо, писала газета, «ни от правительства, ни от хозяев не ждать нам помощи». «Рабочая заря» призывала рабочих соединяться в союзы для борьбы с угнетателями. «Будущее в наших руках, оно нам принадлежит...» [34], — уверенно заявляла газета.

К сожалению, в марте 1880 г. тираж «Рабочей зари» почти целиком был конфискован полицией при аресте типографии «Союза» на квартире рабочего Смирнова, но несколько экземпляров уцелели и получили распространение.

В. И. Ленин в книге «Что делать?» высоко оценил деятельность Халтурина и политические цели, которые он ставил перед рабочими.

В 1885 г. была предпринята новая попытка выпустить рабочую газету в России, «создать с.-д. рабочую печать», как говорил В. И. Ленин [35]. Попытка эта была сделана одним из революционных кружков, группой Благоева, именовавшей себя партией русских социал-демократов.

Группа Благоева возникла осенью 1883 г. одновременно с организацией группы «Освобождение труда». Основное ядро благоевского кружка составили рабочие и студенты высших учебных заведений Петербурга, бывшие чернопеределыцы (например, Латышев) и лица, сочувствовавшие революционным народникам (Благоев, Харитонов). К середине 1882 г. вера части народников (чернопеределыцев особенно) в общину сильно пошатнулась, померкли основы «русского социализма», постепенно рассеялось и «обаяние» трудов народников о судьбах капитализма в России. Тем не менее бла-

---

[34] Красная летопись, 1922, № 3—4. Цит. по: Сборник материалов к изучению истории русской журналистики, вып. 3. М., 1956, с. 180—181.

[35] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 96.

гоевская группа при своем создании испытала известное влияние мелкобуржуазной идеологии (народничества, лассальянства), которое скоро под воздействием марксистской группы «Освобождение труда» было преодолено.

Благоевцы (особенно Латышев и Благоев) вели активную работу среди петербургских рабочих. Нужды революционной работы заставили их в 1884 г. поставить вопрос о создании нелегальной типографии. В конце 1884 г. такая типография была ими организована на квартире Харитонова, а в январе 1885 г. был отпечатан и первый номер «Рабочего» — газеты «партии русских социал-демократов», как значилось в заголовке.

Номер открывался статьей Благоева «Чего недостает рабочему народу?», в которой были сформулированы задачи новой газеты. Считая одним из наиболее важных мероприятий своей группы революционное просвещение рабочих, Благоев пишет: «Цель настоящей газеты состоит именно в том, чтобы РАСПРОСТРАНИТЬ САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ ЗНАНИЕ НА РАБОЧИЙ НАРОД» (выделено Благоевым. — *Б. Е.*), на «лучшую часть рабочего народа», чтобы она могла стать вождем в борьбе с неправдой. Эта задача названа «насущной целью газеты». По существу здесь ставится вопрос о внесении сознания в рабочее движение, о вооружении рабочих пониманием своих классовых целей. В качестве основных ближайших задач выдвигалась борьба за завоевание политических свобод. «Это — самый насущный *шаг* к счастью рабочего народа»[36]. Это требование сильно отличает благоевцев от народников, многие из которых в 80-е годы отрицали необходимость борьбы за политические права из-за их якобы буржуазности.

Далее в статье указывалось на особую роль рабочего класса в России. «В нашем государстве нет другой общественной силы», которая могла бы взять на себя осуществление необходимых преобразований, «как только рабочий народ в союзе

---

[36] Рабочий, 1885, № 1. Цит. по: Сергиевский Н. «Рабочий». Газета партии русских социал-демократов. Л., 1928.

с лучшей частью нашего образованного общества». Заканчивалась статья призывом к рабочим поддержать новую газету.

Во второй статье этого номера — «Чего добиваться рабочему народу», также написанной Благоевым, была полностью разъяснена программа группы, на которой сильно сказались народнические и лассальянские влияния. Однако это не должно казаться удивительным, как указывал В. И. Ленин, ни в одной стране рабочее движение «не могло родиться «сразу», в чистом классовом виде», а тем более в России[37]. Удивляться можно скорее тому, что в отсталой стране, какой была тогда Россия, эта группа так скоро могла встать на позиции марксизма.

В первом номере были опубликованы еще две статьи: «Рабочий народ и правительство» Латышева и «По поводу фабричных волнений», возможно, принадлежащая члену группы Герасимову.

С весны 1885 г. благоевцы налаживают тесные связи с группой Плеханова «Освобождение труда». Ведутся переговоры о выработке общей программы. Под влиянием критики Плехановым народнических и лассальянских ошибок группа Благоева принимает программу группы «Освобождение труда», а Плеханов и Аксельрод пишут статьи для второго номера газеты «Рабочий».

Второй номер вышел в июле 1885 г. (выпуск его приурочивался к началу студенческих каникул, и студенты-революционеры, разъезжаясь на каникулы, должны были распространить газету по всей стране). В нем была опубликована статья Плеханова «Современные задачи русских рабочих. Письмо к петербургским рабочим кружкам». Чрезвычайно просто и логично, в форме задушевной беседы с рабочим читателем Плеханов доказывает необходимость тесного сплочения пролетариата и самостоятельности борьбы не только за экономические, но и за политические права, которые должны облегчить рабочим окончательную победу над угнетателями; подчеркивается необходимость созда-

---

[37] См.: Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России.— Полн. собр. соч., т. 25, с. 100—101.

ния «рабочей социал-демократической партии» и руководства рабочими всем революционным движением в стране.

Большое внимание в статье уделяется развитию классового самосознания пролетариата как одной из первоочередных задач русских социал-демократов.

Во втором номере «Рабочего» были опубликованы также статьи Аксельрода «Выборы в германский рейхстаг и социально-демократическая партия» и Латышева «Знание и критика»[38], а также «Внутреннее обозрение», написанное Харитоновым.

Кроме того, в номере было напечатано извещение о том, что программа группы «будет изменена» и опубликована в следующем выпуске: речь идет об изменениях в программе в связи с установлением отношений с группой «Освобождение труда». Заканчивался номер новым призывом к рабочим поддержать газету.

Однако газета больше не выходила. Внешней причиной прекращения ее существования явилось то, что еще в 1885 г. Благоев был выслан из Петербурга, Латышев уехал сам, а в январе 1886 г. полиция арестовала Харитонова и раскрыла типографию. Главной же причиной было отсутствие массового революционного рабочего движения в стране. Не были налажены необходимые связи с рабочими, еще не была создана и настоящая рабочая социал-демократическая партия. Отсутствие массового рабочего движения в России, руководящей партии не давало возможности, указывал Ленин[39], широко развиться рабочей печати до 1895 г. Создание такой партии и пролетарской печати связано с именем В. И. Ленина и относится к третьему, пролетарскому периоду освободительного движения в России.

Таким образом, первые подлинно рабочие газе-

---

[38] В книге Х. Харитонова и К. Васильева «Димитр Благоев (биографический очерк)» (М., 1958) утверждается, что статья «Знание и критика» принадлежит Благоеву, но доказательств тому не приводится (см. с. 19). Сергиевский считал ее принадлежащей Латышеву.

[39] См.: Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России.— Полн. собр. соч., т. 25.

ты в России возникли на рубеже 80-х годов XIX в., когда царизм жестоко преследовал революционное движение, когда либеральное общество переживало глубокий кризис, народники делали последние героические попытки осуществить свои утопические идеалы, а рабочее движение только еще становилось на ноги. Но тем не менее именно рабочее движение являлось лучшим преемником революционных традиций прошлого, именно к рабочему классу постепенно переходило руководство всем освободительным движением в стране. Несмотря на то что издание первых рабочих газет было связано с исключительными трудностями организационного, материально-технического и идеологического характера, несмотря на отсутствие кадров рабочих-литераторов, первые рабочие газеты по своему политическому уровню оказались гораздо выше народнических газет для рабочих. И хотя «Рабочей заре» и «Рабочему» не суждено было сыграть значительной роли в политическом воспитании народных масс, в организации их на штурм капитала и самодержавия, они занимают почетное место в истории нашей газетной печати как предшественники той пролетарской журналистики, которая развивалась в полном единстве с авангардом рабочего класса и дала непревзойденные образцы защиты демократии и социализма.

ПЕРВЫЕ ТЕЛЕГРАФНЫЕ АГЕНТСТВА В РОССИИ

Деятельность русских телеграфных агентств как органов газетной информации представляет значительный интерес для изучения развития газетного дела в России XIX в., путей распространения телеграфной информации и ее характера в разные исторические периоды. К сожалению, литература по этому вопросу крайне бедна.

Одной из немногих работ, затрагивающих деятельность русских телеграфных агентств XIX в., является брошюра Н. Г. Пальгунова «Основы информации в газете. ТАСС и его роль» (М., 1955).

В ней сделана попытка свести воедино историю телеграфных агентств как отечественных, так и крупнейших международных. Осветив вопрос о создании первых информационных агентств XIX в. — Гавас (Париж), Рейтер (Лондон) и Вольфа (Берлин), — автор, к сожалению, очень мало говорит об истории первых русских телеграфных агентств. В значительной степени верное замечание о том, что существовавший до революции 1917 г. информационный аппарат являлся «всего лишь посредником между российскою печатью и германским агентством Вольфа», не исключает, однако, собственной истории развития телеграфной информации, телеграфных агентств в России [1].

Россия, втянутая в мировую систему капитализма только после 1861 г., в создании органов газетной информации несколько отстала от наиболее развитых европейских стран. Если датой создания первого в мире телеграфного агентства Гавас считается 1835 г., Вольфа — 1849 г. и агентства Рейтер — 1851 г., то первое русское телеграфное агентство (РТА) было создано в 1866 г.

Первые в мире телеграфные агентства возникли при весьма ограниченных средствах связи (оптический телеграф, почтовые голуби) и потратили много сил на поиски более совершенных технических средств распространения газетной информации. Русские телеграфные агентства возникли при более благоприятных условиях, когда уже широко был распространен современный телеграф. Перед ними не стоял вопрос о решении сложных технических проблем. Однако в условиях царского самодержавия русские телеграфные агентства не смогли выйти на мировую арену и стать достойными соперниками ведущих телеграфных агентств мира, хотя это нисколько не умаляет их роли в развитии отечественной прессы.

Начало функционирования русских телеграфных агентств совпало с расцветом деятельности агентств Гавас, Рейтер и Вольфа. Три вышеназ-

---

[1] Несколько подробнее «элементы истории» русских телеграфных агенств представлены в кн.: Пальгунов Н. Г. Заметки об информации. М., 1967, с. 14.

ванных агентства были монополистами в распространении газетной информации в середине XIX в. Даже американские агентства вынуждены были подчиниться их монополии и ограничивались в 70-е годы распространением лишь внутренней информации. Таково было положение и первых русских телеграфных агентств.

Ведущие мировые телеграфные агентства не упускали случая «погреть руки» на отсутствии хорошего аппарата газетной информации в отсталых странах. Монополизировав мировую информацию, они беззастенчиво эксплуатировали газетные агентства других стран, учреждали в них свои отделения или устанавливали опеку над национальными агентствами, которые пытались стать самостоятельными. Это не исключало, разумеется, отчаянной конкуренции между ведущими мировыми агентствами.

Говоря о первых русских телеграфных агентствах, небезынтересно отметить, что к началу XX в. далеко не все страны имели свою информационную службу. В 1900 г. во всем мире существовало лишь 15 национальных телеграфных агентств. Во многих государствах даже национальную информацию собирали агенты других стран.

В упомянутой выше брошюре Н. Г. Пальгунова автор почему-то называет наиболее ранним русским телеграфным агентством РТА, созданное в 1894 г. [2], тогда как до него существовали и Международное телеграфное агентство (МТА), учрежденное в 1872 г., и Северное телеграфное агентство (СТА), организованное в 1882 г. [3], а первая попытка создать национальное телеграфное агентство, как уже было сказано, относится к 1866 г.

До 1866 г. периодические издания не имели права получать политические телеграммы из-за границы прямым путем. Такие сведения редакции получали только через Министерство иностранных дел, где осуществлялась цензура. Практически

---

[2] См.: Пальгунов Н. Г. Основы информации в газете. ТАСС и его роль, М., 1955, с. 25.

[3] См., например, справочник «Русская периодическая печать, 1702—1894». М., 1959.

большинство периодических изданий черпало такие сведения из официальных газет.

Коммерческие иностранные телеграммы с 1857 г. в небольшом количестве печатались в газете П. С. Усова «Посредник». Вначале это были лондонские телеграммы с указанием цен на русские товары. Затем Усов расширил информацию и стал печатать некоторые телеграммы из торговых центров России, отчеты о состоянии дел на петербургской бирже, сведения о ценах на товары не только лондонской биржи, но и гамбургской, амстердамской.

Усов пытался завязать сношения с Вольфом, а также с Юлиусом Рейтером, воспользовавшись его приездом в Петербург в 1857 г.[4]. В течение трех лет за вознаграждение в 3 тыс. руб. Рейтер снабжал «Посредник» коммерческими телеграммами, стараясь заинтересовать Усова получением и политических известий. Однако расширению связей с Рейтером, обосновавшимся в Англии, помешало соглашение 1859 г. о сферах влияния, достигнутое между крупнейшими телеграфными агентствами: парижским, лондонским и берлинским. По этому соглашению Россия отошла в зону обслуживания берлинского агентства Вольфа.

Политическая и хозяйственная нерасчетливость Усова как издателя «Северной пчелы» привела к таким большим материальным потерям, что

---

[4] «Из разговоров с Рейтером я узнал, что он первоначально занимался книжною торговлею в Германии, затем устроил контору телеграфного агентства в Кельне и, передавая известия, при неимении в некоторых местах телеграфных линий, использовал голубиную почту... Когда возникло Вольфово агентство в Берлине, Рейтер увидел невозможность существования тогда в Германии другого агентства и переселился в Англию, где и стал постепенно развивать свое дело. В 1857 году во время пребывания его в Петербурге я виделся с ним ежедневно... Так как издание «Посредника» требовало приниматься за работу в семь часов утра, то я приходил к Рейтеру рано утром и уже находил, что он написал более десятка деловых писем. В первые годы он вел обширную корреспонденцию сам лично, и вставая ежедневно для того в три часа утра... В 1857 году он занимал небольшую комнату в верхнем этаже гостиницы «Клее» (ныне «Европейская») и рассчитывал каждый рубль» (Усов П. С. Из моих воспоминаний.— Исторический вестник, 1882, № 7, с. 633).

в 1864 г. он прекратил не только издание «Северной пчелы», но и «Посредника». Сообщение коммерческих телеграмм взял на себя К. Трубников, у которого с 1862 г. в Петербурге при редакции «Биржевых ведомостей» было свое телеграфное бюро. К нему же рядовым сотрудником перешел и Усов.

В связи с временными правилами о печати 1865 г., отменявшими предварительную цензуру для ежедневных газет, редакторы всех ежедневных петербургских газет и редактор «Московских ведомостей» 26 января 1866 г. обратились в Главное управление по делам печати с просьбой о разрешении печатать в газетах политические телеграммы, «не подвергая их предварительной цензуре» (прошение было подписано по поручению редакторов газет А. А. Краевским и издателем «Journal de St. Peterburg» И. Каппельмансом). Министерство иностранных дел, как это видно из архивных документов, и Министерство почт и телеграфов не возражали против этого нововведения, однако шеф жандармов кн. Долгоруков, отвечая на запрос министра внутренних дел Валуева, в феврале 1866 г. писал: «Я полагал бы более осторожным не освобождать политические телеграммы от предварительной цензуры» [5].

Вскоре вопрос об освобождении политических телеграмм от предварительной цензуры перерос в вопрос о создании в России специального агентства, телеграфной конторы, которая бы способствовала распространению коммерческих и политических телеграмм в России. Инициатором этого дела оказалась Континентальная телеграфная компания (Берлин), которая через своего представителя в марте 1866 г. просила об открытии своей конторы в Петербурге. Дело в том, что по соглашению между крупнейшими мировыми телеграфными агентствами (Гавас, Рейтер и Вольфа) Россия была включена в сферу деятельности немецкого агентства Вольфа. Этим и объясняется притязание берлинской телеграфной компании.

[5] ЦГИА. Дело по освобождению от цензуры политических телеграмм и изданию телеграмм РТА, 1866, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 497, л. 8.

Министр почт и телеграфов поддержал мысль о создании в России частной телеграфной конторы. Это «было бы, без сомнения, весьма полезно для нашей торговли и промышленности» [6], писал он. Однако русские предприниматели, действовавшие в области газетного дела, стремились сами сделаться учредителями русского телеграфного агентства и принимали меры к созданию такой организации.

После длительного обсуждения тремя министрами (МВД, МИД и МПиТ) вопрос о создании Русского телеграфного агентства был решен. Министр почт и телеграфов 13 мая 1866 г. сообщил министру внутренних дел, что «на основании высочайшего повеления, последовавшего 15 минувшего апреля по всеподданейшему докладу г. Министра почт и телеграфов, ходатайство Берлинской и Континентальной телеграфной компании о дозволении ей учредить в С.-Петербурге частную телеграфную контору отклонено и взамен того разрешено... открыть в С.-Петербурге Русское телеграфное агентство» [7].

Цель Русского телеграфного агентства, по словам одного из ведущих его организаторов, банкира и издателя ряда газет коммерческого характера К. В. Трубникова, «заключается в собирании политических, финансовых и торговых телеграфических депеш» [8].

В соответствии с решением правительства в «Биржевых ведомостях» от 12 мая 1866 г. было помещено извещение о разрешении «биржевым негоциантам, торгующим под фирмами: Густав А. Гауф и комп., Карл Шпигель, Лепенау и комп., коммерции советнику И. Глазову и титулярному советнику Трубникову учредить Русское телеграфное агентство». Участие «негоциантов» в этом деле было связано с необходимостью иметь значительный оборотный капитал — порядка нескольких сотен тысяч рублей. Например, учредительный капитал СТА составлял 400 000 руб. Здесь же в газете были приведены условия деятельности агентства.

---

[6] Там же, л. 12.
[7] ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 497, л. 23.
[8] Там же, л. 22.

Телеграммы РТА признавались его собственностью, в течение 48 часов после их получения, на месте никто не мог их перепечатывать без специального соглашения и соответственно оплаты в пользу РТА. Для организации своей деятельности агентству разрешалось иметь отделения и агентов в разных городах страны. В условиях был также пункт, предусматривавший, что в случае каких-либо нарушений со стороны РТА телеграфных постановлений и законов о печати правительство имеет право вовсе прекратить действие РТА «без всякого вознаграждения учредителей». Позднее отношения телеграфных агентств с правительством регулировались условиями аренды, но в это время РТА действовало еще без арендных условий.

Через пять дней после разрешения деятельности агентства редактор «Биржевых ведомостей» Трубников обратился в Главное управление по делам печати с просьбой о разрешении издавать бюллетени РТА. В связи с этим вновь встал вопрос о цензурном досмотре за бюллетенями РТА, и после переписки и переговоров трех вышеуказанных министерств было решено, что цензура телеграмм будет возложена на специального чиновника центральной телеграфной станции, назначаемого от МВД, и «каждая депеша, пропущенная центральною станциею для включения в бюллетень, будет считаться разрешенной в цензурном отношении»[9].

В июне 1866 г. РТА получило, наконец, возможность печатать бюллетени и рассылать их подписчикам. В условиях издания бюллетеней телеграмм говорилось:

«1. Бюллетени будут выходить от 2-х до 3-х раз в день, а в воскресенье и праздничные дни от 1-го до 2-х раз под названием «Телеграммы русского телеграфного агентства».

2. Программа бюллетеней ограничивается телеграммами, получаемыми агентствами через посредство Министерства почт и телеграфов»[10].

---

[9] ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 497, л. 27. Цензоры провинциальных газет не раз запрещали печатать такие телеграммы, явно превышая свои права.

[10] Там же, л. 28.

Была установлена подписная цена телеграмм РТА — 100 руб. в год.

Шесть месяцев понадобилось правительству, чтобы окончательно определить условия деятельности первого частного телеграфного агентства в России.

Как видно из условий деятельности РТА и условий издания его телеграмм, первоначально Русское телеграфное агентство должно было лишь распространять иностранные политические и коммерческие сведения на территории России. Функции его ограничивались передачей информации местным организациям, редакциям газет и частным лицам по особому соглашению между ними. Перед РТА вовсе не ставилась задача собирать информацию внутри страны. Но очень скоро агенты РТА сами стали собирать и сообщать в центральную контору местную информацию. Со временем агентствам было вменено в обязанность собирать внутреннюю информацию и передавать ее как внутри страны, так и за ее пределами. Последнее осуществлялось преимущественно через немецкое агентство Вольфа.

Создание РТА вызвало значительный интерес в России. Газеты охотно пользовались его услугами. Многие города: Москва, Оренбург, Тюмень и другие — не раз возбуждали ходатайства о разрешении издавать на местах телеграммы РТА отдельными бюллетенями. В сентябре 1866 г. Министерство внутренних дел сообщило всем губернаторам о возможности перепечатывать политические и коммерческие телеграммы РТА в «Губернских ведомостях». Правда, политические телеграммы разрешалось печатать лишь тем «Губернским ведомостям», в которых имелись отделы «Политика», а коммерческие — всем без ограничения.

Организация РТА была особенно важна для провинциальной печати, получавшей до этого информацию только из официальных отделов столичных газет («Правительственного вестника», «Русского инвалида»), которые доставлялись в провинциальные города с большим опозданием. Теперь провинциальная печать впервые могла получать те или иные сведения по телеграфу от РТА или его

агентов на местах. Получение скорой информации было крайне необходимо большому числу провинциальных газет. Этим, видимо, и объясняются многочисленные попытки организовать в провинции выпуск бюллетеней телеграмм столичного агентства на базе местных изданий.

Итак, в 1866 г. русская периодическая печать получила организацию, которая, безусловно, способствовала развитию буржуазно-газетного дела.

Однако деятельность РТА на первых порах встречала большие затруднения, в частности неудачей окончилась попытка организовать в 1866 г. отделение РТА в Москве. Правительство не препятствовало созданию таких отделений, но сами руководители РТА предпочли отложить «на некоторое время» и открытие конторы и издание бюллетеней РТА в Москве. Не ладилось с изданием телеграмм и в Петербурге.

В ноябре 1867 г. Трубников значительно снизил подписную цену на бюллетени РТА (до 15 руб. в год без пересылки). Однако в 1868 г. издание бюллетеней РТА прекратилось, и с 1 января 1869 г. агентство утратило право на дальнейшее издание бюллетеней в связи с невыходом их в свет в течение шести месяцев. Но телеграфное распространение информации РТА продолжалось. Агенты РТА на местах продолжали издавать выборочно телеграммы РТА. Так, например, в мае 1870 г. Главное управление по делам печати разрешило чиновнику особых поручений при Тургайском военном губернаторе Ф. Лобысевичу издание в Оренбурге бюллетеня под названием «Листок» для перепечатки телеграмм РТА без всяких добавлений к тексту, с выходом два раза в неделю [11].

В конце 1870 г. Трубников вновь предпринял попытку регулярного издания бюллетеней РТА в Петербурге, но она оказалась безуспешной. Только в 1877 г. после новых хлопот он получил право издавать «Телеграфные бюллетени РТА» и издавал их ежедневно до 1878 г. — времени, когда «Телеграфные бюллетени» были преобразованы в га-

---

[11] ЦГИА, ф. 776, оп. 4, ед. хр. 525, л. 1.

зету «Телеграф». В 1882—1883 гг. Трубников опять ходатайствует об издании бюллетеней РТА.

Успешной работе РТА в 70-е годы мешала деятельность другого русского агентства — Международного телеграфного агентства (МТА), которое, по словам Трубникова, водворило «для русской политической телеграфной корреспонденции монополию в Берлине» [12], постоянно нарушая установленные условия.

МТА — одно из первых телеграфных агентств в России — успешно действовало на протяжении 12 лет. Оно было учреждено 5 ноября 1871 г. и в конце года получило право на издание телеграмм отдельными бюллетенями. Учредителем его был А. А. Краевский. В январе 1872 г. МТА приступило к изданию в Петербурге телеграмм бюллетенями по нескольку раз в день. Ответственным редактором был назначен П. С. Усов, которого в 1875 г. сменил сам Краевский. Цензором на телеграфной станции от МВД был назначен Н. Ф. Крапухин. В программе издания говорилось: «Телеграммы Международного телеграфного агентства содержат в себе известия политические, общественного интереса, финансовые и биржевые. Срок выхода — несколько раз в день, по мере получения их в Петербурге из-за границы и из внутренних мест России». Подписная цена была установлена на год в следующих размерах: на все телеграммы — 150 руб., отдельно на телеграммы политического содержания — 90 руб., коммерческого содержания — 100 руб. [13].

Это агентство, опираясь на опыт РТА, при поддержке агентства Вольфа действовало весьма успешно. Оно имело свои отделения во многих городах России: Москве, Одессе, Киеве, Варшаве, Риге, Ростове-на-Дону, Таганроге, Казани, Астрахани, Архангельске, Туле, Харькове, Саратове, Иркутске и некоторых других. В 70-е годы газеты охотно пользовались услугами МТА, и оно, как мы указывали выше, успешно конкурировало с РТА. Деятельность МТА прекратилась в 1882 г.

---

[12] Там же, оп. 6, ед. хр. 270, л. 12.
[13] ЦГИА, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 95, л. 2.

в связи с новыми условиями, регулирующими деятельность телеграфных агентств в России. Если вначале деятельность агентств регламентировалась соглашением с департаментом телеграфов без ограничения во времени и без выплаты правительству каких-либо сумм, то с развитием деятельности телеграфных агентств правительство установило арендную плату за право деятельности агентства и ограничивало сроки действия аренды 12 годами.

Окончание деятельности МТА породило оптимистические настроения у владельца РТА Трубникова. Однако и МТА и РТА в 1882 г. были вытеснены Северным телеграфным агентством. СТА было учреждено лицами, принадлежавшими преимущественно к русскому купеческому сословию, с капиталом в 400 000 руб. В числе учредителей СТА выступили В. Кокорев, А. Прозоров, директором-распорядителем был назначен П. Сальмонович.

Условия деятельности СТА сходны с условиями деятельности первых агентств. СТА было разрешено иметь отделения и агентов по всей России, печатать специальные бюллетени (и в них — частные объявления по 10 коп. за строку петита). Телеграммы агентства в течение 48 часов по получении их на месте составляли собственность агентства и не могли быть перепечатаны без предварительного соглашения с ним. Деятельность СТА так охарактеризована одним из его агентов — Н. Зеленским (Астрахань): «Оно собирает через своих агентов во всех местах Империи и за границей сведения политического, финансового, экономического и торгового содержания, а также новости общественной жизни и полученные известия *без предварительной цензуры* сообщает внутри Империи редакциям газет и отдельным подписчикам» [14].

Ежедневный текст циркулярных телеграмм был определен в количестве «не менее двухсот слов, с прибавлением по три раза в неделю еще ста слов» [15]. Кроме того, по запросам потребителей агентство рассылало специальные телеграммы (от-

---

[14] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 135, л. 21. Текст печатного объявления.

[15] Там же.

дельно — политика, торговля, биржевые новости), плата за которые устанавливалась по особому соглашению (общая подписная плата за бюллетени СТА —15 руб. в год, цена отдельного номера — 10 коп.).

В 1894 г., когда приближался конец 12-летней аренды СТА, претендентом на открытие нового агентства явился редактор «Вестника финансов» М. М. Федоров и «ходатайство его имело успех» [16], как указано в справке Главного управления по делам печати. Но газеты, узнав о намерении Федорова, через издателя газеты «Свет» В. В. Комарова сами начали хлопотать о дозволении им открыть новое агентство. В хлопотах приняли участие в качестве уполномоченных товарищества издателей петербургских и московских газет В. В. Комаров, А. С. Суворин, О. К. Нотович и издатель газеты «St. Peterburger Zeitung» фон Кюгельген. Министр финансов высказался в пользу учреждения нового агентства газетами, и Федоров от своего намерения вынужден был отказаться [17]. «Министерство внутренних дел нашло возможным, — говорится в указанной выше справке, — заключить условие с издателями столичных газет, указав им... в директоры Агентства бывшего воронежского вице-губернатора Позняка» [18].

В 1894 г. в связи с окончанием срока деятельности СТА было учреждено новое Российское телеграфное агентство, о чем было сообщено в «Правительственном вестнике» от 4 декабря 1894 г. РТА — последнее агентство XIX в. — начало свою деятельность с января 1895 г. Будучи предприятием частным, новое РТА возглавлялось, однако, директором-распорядителем, назначенным Министерством внутренних дел, т. е. приняло полуофициальный характер.

---

[16] Там же, ед. хр. 889, л. 491. Справка «По вопросу о цензуре» в «Деле по изданию РТА бюллетеней».

[17] Там же. Отказавшись от учреждения телеграфного агентства в 1894 г., Федоров, однако, не оставил своей мысли и несколько позднее, в 900-е годы, стал одним из учредителей русского Торгово-телеграфного агентства.

[18] Там же, л. 491. В ноябре 1895 г. его сменил статский советник Алфераки.

Помимо общих положений, на которых строилась деятельность всех предыдущих агентств, в условиях 1894 г. было требование обязательного сообщения за границу информации, собранной агентами РТА. Агентство было обязано войти в сношение с иностранными агентствами: Гавас в Париже, Рейтер в Лондоне, Вольфбюро в Берлине и корреспонденцбюро в Вене. РТА было обязано иметь не только в России, но и за границей своих постоянных и временных агентов. Бюллетени РТА на местах издавались теперь свободно, без особого разрешения МВД. Действовало оно до 1907 г., пока не кончился срок аренды.

Однако Российское телеграфное агентство в 900-е годы не удовлетворяло официальное общество и правительство, так как в его деятельности была заметна подчиненность агентству Вольфа. «Российское телеграфное агентство не сумело ни приобрести равноправия в союзе заграничных телеграфных агентств и войти с ними в соглашение относительно обязательного распространения этими агентствами сведений, сообщаемых из России названным агентством, ни вступить в непосредственные отношения с заграничной прессой», — говорилось в докладе министра внутренних дел в 1904 г.[19]. Поэтому был поставлен вопрос о создании другого, параллельно действующего телеграфного агентства.

Итак, первые органы газетной информации в России возникли в середине 1860-х годов.

Все отечественные телеграфные агентства как выгодные коммерческие предприятия с момента своего возникновения находились в руках крупнейших дельцов от журналистики: Трубникова, Краевского, Суворина, Нотовича, Усова, Комарова и др. Их информация часто была недобросовестной: часть новостей провинциальной прессе сообщалась с опозданием. Деятельность телеграфных агентств целиком зависела от корыстных интересов их руководителей и опекающего их агентства Вольфа. Несмотря на это, первые органы газетной информации в России сыграли положительную роль в раз-

---

[19] Цит. по: Пальгунов Н. Г. Основы информации в газете. ТАСС и его роль, с. 26.

витии газетного дела, обеспечивая прессе достаточно быструю и обширную информацию в то время, когда в условиях бурного развития капитализма в общественную жизнь втягивались новые и новые слои населения.

«МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ» ПОД РЕДАКЦИЕЙ Е. Ф. КОРША

В историко-журналистской литературе нет полной истории газеты «Московские ведомости», как нет и очерка истории прессы Московского университета. История газеты в рамках XVIII в. наиболее обстоятельно исследована профессором П. Н. Берковым. История газеты после окончательной передачи ее в аренду Каткову также нашла своего внимательного летописца — В. А. Твардовскую. Ее книга «Идеология пореформенного самодержавия» (М., 1978) является в значительной степени историей газеты Каткова «Московские ведомости». И только история газеты первой половины XIX в., выходившей все это время при Московском университете, не описана сколько-нибудь подробно ни в учебной, ни в научной литературе.

Так, в первой книге двухтомной Истории русской журналистики и критики, выпущенной Ленинградским университетом в 1950 и 1965 гг., дана характеристика «Московских ведомостей» только за первый год издания, далее лишь указано, что газета выходила до 1917 г. Более о ней не говорится, как, впрочем, вообще о газетах XIX в. Такой подход к исследованию истории отдельных русских газет весьма типичен для учебно-научной литературы[1]. Поэтому сведения о «Московских ведомостях» первой половины XIX в. приходится черпать из самого комплекта газеты, трудов и переписки

---

[1] Так, во втором томе «Истории русской журналистики и критики», подготовленной ЛГУ, «Московские ведомости» упомянуты с 1850 г., с приходом в редакцию Каткова, в 1863 г. навсегда отделившего ее от университета, а точнее от его прогрессивной общественной мысли. Однако в томе нет ни анализа, ни характеристики газеты.

современников, а также искать их в комментариях к собраниям сочинений Герцена, Белинского, Чернышевского, в справочниках периодической печати, хотя эти данные часто нуждаются в уточнении и исправлении.

Так, о газете в канун и период Отечественной войны 1812 г. можно найти сведения в статье И. М. Снегирева, опубликованной в 1854 г. в «Московских ведомостях», в сочинениях Н. Г. Чернышевского; о газете 30-х годов — в переписке и комментариях к собраниям сочинений В. Г. Белинского и А. И. Герцена.

Но по всем указанным источникам мы не составим даже полного перечня последовательно сменявших друг друга редакторов «Московских ведомостей» в первой половине XIX в. (имя редактора не выставлялось тогда в газете). Можно установить только то, что редактором в начале века был В. П. Иванов; после его смерти, с 1809 г., — кн. В. И. Долгоруков (его помощником был М. С. Ильинский), с 1814 по 1817 г. — П. И. Шаликов, в 40-е годы — некто Холопов (но когда именно, до 1843 или после 1847 г. — неизвестно). В 40-е годы редактором являлся и Е. Ф. Корш.

В данном случае нас особенно интересует период издания «Московских ведомостей» при Е. Ф. Корше, друге Станкевича и Герцена, одном из славных выпускников университета. Остановиться именно на этом периоде истории газеты заставляют не только связи Корша с передовыми людьми своего времени, но и характер издания университетской газеты в 40—50-е годы при участии членов семьи Коршей. Это тем более важно на фоне общей картины развития русской прессы с 1842 по 1862 г. Е. Корш редактирует газету с 1843 по 1848 г. — в период общественного оживления в канун европейской революции. С 1848 по 1855 г., т. е. в годы «мрачного семилетия», особенно тяжело отразившегося на судьбах русской журналистики, «Московские ведомости» были отобраны у Е. Корша; новый редактор газеты неизвестен. С 1855 г., по окончании Крымской войны, после смерти Николая I, с наступлением нового подъема в общественной жизни, во главе издания становится млад-

ший брат Е. Корша — Владимир Федорович Корш, который и руководит газетой вплоть до аренды ее Катковым. Указанная смена редакторов в зависимости от общеполитической ситуации в стране и редактирование газеты в периоды оживления общественного движения членами семьи Коршей представляются интересными, а если учесть общественное лицо, публицистическую и научную деятельность братьев, то это обстоятельство покажется еще значительнее и изучение газеты указанного периода окажется весьма актуальным.

Следует считать точно установленным, что Е. Ф. Корш руководил газетой с 1843 по 1848 г. Правда, исследователь русской газеты первой половины XIX в. А. И. Станько, основываясь на печатном тексте Объявления о подписке на газету в 1844 г., утверждает, что Е. Корш заведовал газетой с 1844 г.[2]. Однако наше утверждение может быть уточнено по другим источникам. Так, в юбилейном сборнике 1913 г. газеты «Русские ведомости», в библиографическом указателе сотрудников, приложенном к книге, сказано, что Е. Корш редактировал «Московские ведомости» в 1843—1848 гг. В комментариях к XXII тому Полного собрания сочинений А. И. Герцена в 30-ти томах назначение Е. Корша редактором «Московских ведомостей» с 1843 г. подтверждено ссылкой на «Отчет о состоянии и действиям императорского Московского университета за 1841—1842 академический и 1842 гражданский год»[3], о чем Герцену было известно уже в конце 1842 г.

Участие Корша в издании газеты Московского университета в 1843 г. подтверждается и рядом писем Герцена и Белинского. Герцен в письмах 1843 г. прямо называет Корша редактором «Московских ведомостей»[4]. В письме М. Ф. Корш от 8 января 1843 г. он полушутливо сообщает, что «отдал в переплет «Московские ведомости» с 1 октября 1842 г.»[5]. Это письмо говорит и о внимании Герце-

[2] См.: Станько А. И. Русские газеты первой половины XIX в. Ростов, 1969, с. 196.

[3] Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 22. М., 1961, с. 348.

[4] Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 154.

[5] Там же, с. 139.

на к газете, перешедшей к приятелю, и дает повод предполагать, что уже в октябре 1842 г. Корш начал заниматься делами газеты: принимать дела и оказывать влияние на выпуск последних номеров года. В октябре обычно начиналась подписка, печатались объявления о ее условиях и содержании изданий.

Живший в Москве В. Г. Белинский в письме Краевскому летом 1843 г. также демонстрирует осведомленность о новом назначении Корша [6].

Подтверждается это и содержанием самих «Ведомостей», о чем речь пойдет ниже.

* *
*

Е. Ф. Корш, по мнению знавших его людей, был способным редактором, о котором мечтала демократическая общественность Москвы и Петербурга. Он был активным сотрудником и редактором многих существовавших журналов и газет, его также хотели пригласить на должность редактора многие проектируемые издания.

Нами установлено, что Е. Корш сотрудничал по крайней мере в 10 периодических изданиях («Библиотека для чтения», «Журнал министерства внутренних дел», «Москвитянин», «Московские ведомости», «Современник», «Русский вестник», «Ведомости Спб. городской полиции», «Атеней», газета «Северный вестник», «Русские ведомости»), предполагалось, что он будет руководителем 5-ти планируемых его друзьями изданий («Новый ученый журнал», 1840; «Москвитянин», 1844; «Галатея» или «Ежемесячное обозрение», 1844; «Отечественные записки», 1844—1846; «Путешествия и статистические сведения», 1849). В выяснении этого вопроса неоценимым источником являются эпистолярное наследие Герцена, Белинского, сочинения Чернышевского, наиболее ярко характеризующие Корша как редактора и журналиста, а также переписка других современников.

---

[6] См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч. в 13-ти т., т. 12. М., 1956, с. 167.

Так, Грановский в марте 1840 г. писал Станкевичу о планах издания «Нового ученого журнала», в котором должны принять участие «все порядочные люди в России из нового поколения», и называл его основателей: «Грановский, Корш, Редкин и Крюков»[7].

В письме Кетчеру от 27 апреля 1844 г. Герцен говорит о Корше как редакторе журнала «Галатея», который друзья Герцена собирались приобрести и издавать под названием «Ежемесячное обозрение»[8]. В 1844 г., когда Грановскому отказали в издании журнала, Герцен напоминает редактору «Отечественных записок» о Корше как возможном сотруднике[9].

В письме Кетчеру от 2 марта 1845 г. Герцен снова отдает предпочтение Коршу как редактору передового журнала. Рассуждая о планах приобретения «Библиотеки для чтения», или «Отечественных записок», или «Сына отечества», Герцен отклоняет даже кандидатуру Белинского как возможного редактора и отдает первенство Коршу: «Виссарион имеет прекрасный талант, но что же он за редактор? Я одного редактора и знаю — это Корш (или ты сам), с его умеренностью и Selbsleherschung (самообладанием)»[10].

С этой оценкой своеобразно перекликаются слова Н. А. Тучковой-Огаревой: «Евгений Федорович Корш, тогда редактор «Московских ведомостей», был действительно таким, каким его описывали, — умный и холодный, как сталь...»[11].

Белинский в письме Герцену от 6 апреля 1846 г. как бы повторяет мысль друга о высоких качествах Корша как редактора. Обсуждая положение, создавшееся в журнале «Отечественные записки», он отвергает торговые отношения в редакции с Краевским и продолжает: «Вот другое дело, если б хозяин «Отечественных записок» был Корш, — я го-

---

[7] Оксман Б. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958, с. 240.

[8] См.: Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 183.

[9] См. там же, с. 213.

[10] Там же, с. 232.

[11] Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. М., 1959, с. 72.

тов бы остаться навсегда работником этого журнала»[12].

Позднее Белинский не раз сожалел, что Корш не закончил нескольких статей для «Современника», а Панаев очень рассчитывал на помощь Корша в деле организации конторы «Современника» в Москве[13]. Корш был объявлен в числе постоянных сотрудников «Современника» в 1847 г., а письма Н. Ф. Павлова, опубликованные Коршем в 1847 г. в «Московских ведомостях» с критикой «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя, Белинский настоял перепечатать в «Современнике». Так же высоко оценил в 1847 г., т. е. в канун революции 1848 г., Белинский полноту иностранных известий в газете Корша и ряд других материалов (статьи Грановского, Маслова).

И Герцен и Белинский были хорошо осведомлены о тяжелом материальном положении Корша в бытность его редактором «Московских ведомостей», о трудных условиях работы в качестве редактора официальной газеты. В письмах 1843—1844 гг. Герцен не раз указывает на серьезные материальные трудности Корша, обремененного большой семьей. В приписке Боткина к письму Белинского Краевскому от 8 июля 1843 г. сообщалось, что Корш в беседе признался, что в ожидании доходов от подписки на «Московские ведомости» получает 114 руб. ассигнациями[14] в месяц. На руках у него семья. Чтобы избавиться от голода, принужден брать переводы для «Москвитянина»[15].

Белинский в письме к Герцену от 14 января 1846 г. сравнивает свое незавидное в материальном отношении положение с положением Корша, который, указывает критик, «как и я», питается «насчет собственного поту и крови... Как К[о]рш до сих пор не съел самого себя — не понимаю»[16].

---

[12] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 12. М., 1956, с. 273.

[13] См.: Оксман Ю. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского, с. 454.

[14] Около 35 руб. серебром.

[15] См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 12, с. 167.

[16] Там же, с. 258.

Корш работал тяжело, напряженно. «Откуда материалы? — спрашивает Герцен Кетчера, —... все заняты... Корш в беличьем колесе и в перемежающейся лихорадке «Московских ведом[остей]» [17].

О трудных условиях работы в казенной газете не хуже был информирован и Белинский. В «Современных заметках» (1847), отмечая полноту заграничных известий в «Московских ведомостях», критик указывал, что «при суждении о какой бы то ни было русской газете всегда должно брать в соображение и до какой степени простирается у нас вообще возможность хорошего издания в этом роде, и до какой степени зависит от редактора его совершенство» [18]. Он понимал, что «Московские ведомости», кроме всего прочего, отнюдь не по воле редактора, «свято» сохранили «внешние формы времен Петра Великого» [19]. Годы издания университетской газеты не принесли материального довольства и благополучия Коршу.

Из письма Герцена Грановскому в мае 1849 г. видно, что московские друзья хотели начать специальное издание под заглавием «Путешествия и статистические сведения» для выгоды Евгения Федоровича. «Положение Корша мне щемит душу», соглашается Герцен, но советует просто взять в займы денег для Корша, не связываясь со «Статистическими сведениями», «ибо теперь (1849 г.! — *Б. Е.*) никто ничего не читает» [20]. Да, в годы «мрачного семилетия» трудно было рассчитывать на живой и серьезный журнал, приносящий доход уволенному от редактирования университетской газеты издателю.

Высокую оценку получила личность Е. Ф. Корша как журналиста-издателя в трудах Чернышевского.

В «Заметках о журналах», в «Современном обозрении» 1857 г. Чернышевский весьма положительно оценивает сотрудничество Корша в «Библиотеке для чтения», «Журнале министерства внутрен-

---

[17] Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 232.

[18] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1956, с. 89.

[19] Там же, т. 12, с. 352.

[20] Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 59.

них дел», особенно отмечает статьи Челышевского (псевдоним Корша) в «Русском вестнике» 1857 г. «Русский вестник» в то время стоял еще на либеральных позициях. Но уже через год он правеет. Корш покидает издание Каткова. И Чернышевский не проходит мимо этого факта. В статье «История из-за г. Свечиной» (1860) критик-демократ говорит об отдалении от «Русского вестника» группы сотрудников «вместе с Коршем». Они основали новый журнал (имеется в виду «Атеней»). «... Но оказалось, что у них недостало средств вести его удовлетворительно, и вот уже несколько лет силы этих людей не приносят литературе той пользы, какую приносили до отделения от «Русского вестника», а сам «Русский вестник» заметно ослабел с той поры: в нем уже не было стольких дельных людей, чтобы каждая книжка по-прежнему наполнялась живыми статьями... До отделения г. Корша и его друзей каждый номер «Русского вестника» производил впечатление на публику, возбуждал горячие толки» [21].

Итак, «Атеней». Вождь революционных демократов одобряет выступление Корша в 1858 г. против редакционных статей «Русского вестника», направленных на дискредитацию точки зрения Чернышевского. Отмечая сочувствие к нему «в некоторых из наших публицистов, имеющих наиболее авторитета во мнении публики и моем собственном» [22], Чернышевский, не называя имен, намекал на статьи Корша и Юрьина. Все это проливает дополнительный свет на то обстоятельство, что свою статью «Русский человек на rendez vous» Чернышевский отдал в «Атеней».

Но, пожалуй, самой высокой оценки со стороны лидера революционной демократии 60-х годов удостоен Е. Корш как редактор «Московских ведомостей». «Е. Ф. Корш, — писал критик, — пользуется в публике почетною известностью как бывший редактор «Московских ведомостей», которые при нем сделались лучшею из наших газет,

---

[21] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 16-ти т., т. 7. М., 1950, с. 317.

[22] Там же, т. 5. М., 1950, с. 358.

несмотря на то, что средства, предоставленные ему для ведения этого издания, были незначительны в сравнении с средствами, которыми располагали другие газеты, — несмотря на то, что он должен был бороться со множеством затруднений, от которых избавлены были другие редакторы, стоявшие в положении, более независимом от постоянных вмешательств, препятствующих улучшениям»[23]. Как и Белинский, Чернышевский прекрасно понимает стесненное положение Корша в «Московских ведомостях» — газете официальной. Но тем ценнее его признание достоинств газеты при Корше.

* *
*

Связанный традицией, Корш не мог изменить даже внешний облик газеты. Как и до него, в 40-е годы газета печаталась на четырех страницах в три колонки и имела обширное отдельное «Прибавление», где в обилии помещались казенные и частные объявления. В одном из таких «Прибавлений» к № 81 в октябре 1842 г., а затем и в самой газете было опубликовано «Объявление о подписке на «Московские ведомости» на 1843 год». В нем говорилось: «Начальство императорского Московского университета употребляет все зависящие от него средства, чтобы издание этой газеты сколько можно соответствовало разнородным требованиям обширного круга ее читателей. С такой общеполезной целью предназначены в будущем 1843 году некоторые перемены как во времени выхода «Московских ведомостей», так и в самом распорядке их содержания»[24].

Газета переходила на трехразовый выход: вторник, четверг, суббота (вместо двухразового), несколько видоизменялась заглавная виньетка. Орел был изображен со скипетром и державой. Расши-

---

[23] Там же, т. 4. М., 1948, с. 864.

[24] Совпадение этого октябрьского объявления с решением Герцена переплести экземпляры газеты косвенно говорит еще раз о том, что вопрос о назначении Корша редактором был предрешен именно в эти дни.

рился отдел «Смесь», в него включались наряду со статьями небольшие повести и рассказы, а также библиографические известия об отечественной литературе. Отдел официальных известий и иностранный оставались без изменений, по крайней мере по форме.

В раздел «Разные известия», входивший во «Внутренние известия», были включены описания произведений искусств и материалы словесности, но были исключены имевшиеся ранее «отделения», как-то «литературное», «статистическое», «историческое» и некоторые др.

Газета приняла более современный вид, отводя первые полосы постановлениям и распоряжениям правительства, внутренним известиям из столиц и других городов России, иностранным известиям с широким охватом территории всех стран света и остальную часть — статьям, литературным произведениям, переводам. Немного места отводилось происшествиям и любопытным сведениям из всех областей жизни, репертуару московских театров. В объявлении о подписке на 1844 г. не случайно было подчеркнуто, что редакция будет получать лучшие из заграничных изданий, «дабы следить за всеми общеинтересными явлениями в области наук, искусств и промышленности». Переводов, извлечений из европейских газет печаталось мало.

По-прежнему известное внимание отводилось жизни Московского университета. Публиковались извещения от начальства университета, объявления от книжной лавки и типографии, которая находилась «на валу между Дмитровкою и Петровкою», таблицы испытаний на степень магистра и доктора наук, списки окончивших обучение, защитивших диссертации, объявления о наборе новых студентов, о публичных лекциях профессоров.

Большинство статей и заметок печатались без указания имени автора. Лишь отдельные авторы не скрывали своего участия: Гастев (статьи по истории, статистике Москвы), П. Веретенников (статьи о торговле, выставках, ярмарках), С. Маслов (вопросы сельского хозяйства, промышленности), Л. Самойлов (переводные статьи о промышленности, статьи о промышленности Москвы и губернии).

Изредка встречаются имена Герцена, Грановского, Погодина, Шевырева, Ф. Глинки.

В «Московских ведомостях» периода редактирования Е. Корша получили признание труды и практическая просветительская деятельность медика А. М. Филомафитского, профессоров Я. А. Линовского и Т. Н. Грановского, химика Р. Г. Гейма, который тесно связал науку с производственными нуждами. Его лекции по технической химии были ориентированы на фабрично-заводские потребности и широко рекламировались в газете.

Вообще проблемы развития промышленности в России и европейских странах, рационального ведения сельского хозяйства занимали видное место в газете 40-х годов. Так, например, С. Маслов, автор книги «Историческое обозрение действий и трудов императорского Московского общества сельского хозяйства со времени его основания до 1846 г.», изданной типографией Московского университета дважды — в 1846 и 1850 гг., летом 1843 г. опубликовал в газете три письма Н. А. Бунину — члену общества сельского хозяйства по поводу оценки 3-й Московской выставки российских промышленных изделий, которая проходила с 11 июня до 1 июля в здании Дворянского собрания. В них Маслов защищает развитие промышленности, положительно отзывается об усовершенствованиях на московской фабрике Прохоровых (№ 37). Заслуживают внимания отчеты и путевые заметки Линовского о состоянии сельскохозяйственного производства, животноводства и промышленности в европейских странах. В одной из статей 1843 г. Линовский остро ставит земельный вопрос. Он пишет об отсутствии во Франции земельных латифундий (в отличие от России и Германии) и заключает: «... в малых именьях хозяйство находится в гораздо лучшем состоянии, чем в средних и больших». Однако вместе с тем автор боится и чрезмерно мелкого деления земли (№ 19—24). В эти годы в газете печатается ряд статей о железных дорогах в Англии, Бельгии, США. В № 103 за 1843 г. помещена популярная зарисовка о внешнем виде и движении поезда по рельсам, что было ново для многих русских читателей.

В первых номерах газеты за 1843 и 1844 гг. публикуются статьи о детском труде на московских фабриках (1843, № 1 и 1844, № 6). 7 тыс. детей заняты на 540 московских фабриках и только 1200 из них получают элементарное церковно-приходское образование, говорится в статье «О детском труде на Московских фабриках». Статья о детском труде на фабриках Франции была помещена в № 92 за 1845 г., а в № 142 того же года — статья «О воскресном обучении в Москве» малолетних фабричных рабочих мальчиков и девочек.

Обращает на себя внимание множество статей об Ирландии: «Исторический взгляд на нынешнее положение Ирландии» (1843, № 100), «Ирландцы и их горькая участь» (1844, № 55), «Детские школы в Ирландии» (1844, № 68) и многие другие, в которых говорилось о контрастах землевладения, о бедности и нищете ирландского крестьянина, о политическом бесправии народа, недостаточности грамотности и образования. «Мы уже не раз говорили, — писала газета в 1847 г., — о глубоко-бедственном положении ирландского народа, и, к сожалению, нам, конечно, не раз еще придется сетовать о горестной его судьбе» (1847, № 132).

Интересные сведения приводятся в газете из области культуры. Это статьи «Бенефис Щепкина» (1843, № 18), «Алексей Васильевич Кольцов» (1843, № 24), «Иван Андреевич Крылов» (1844, № 11) (перепечатана из журнала «Звездочка»), статьи об открытии памятника Карамзину в Симбирске (1845, № 106), Державину в Казани (1847, № 114), о трудах Куницына (1843, № 136), сообщение о награждении директора Пулковской обсерватории Струве французским орденом Почетного легиона (1847, № 92), статьи о композиторах и музыкантах: Перголезе, Рубини, Гайдне, Антоне Рубинштейне и др. Материалы о воздухоплавании, о полетах на воздушных шарах (1843, № 116; 1847, № 82) говорят о большой прозорливости сотрудников газеты. Одна из статей заканчивалась словами: «Не будем же смеяться над затеями современных воздухоплавателей, чтобы впоследствии дети или внуки не посмеялись над нашей слишком незатейливой простотой» (1843, № 116).

Известна высокая оценка ряда публикаций «Московских ведомостей» 40-х годов Герценом и Белинским, таких как «Освобождение негров во французских колониях» (1844, № 42—45), полемическая статья Грановского против Хомякова (1847, № 50) и др. Белинский, например, одобрил, как мы уже говорили выше, письма Павлова с критикой «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя. В том же 1847 г. критик хвалит «Летние заметки в Московской губернии» (1847, № 103) С. Маслова, рассказывающие о тяжести труда крестьянской женщины на жатве хлебов. Эти работы достаточно хорошо известны литературоведам, они пересказываются и цитируются как статьи, направленные против крепостничества, в комментариях к сочинениям Герцена и Белинского. Впрочем, одна из них — «Освобождение негров во французских колониях» — нуждается еще в подробном рассмотрении в свете тех требований, которые будут выдвинуты революционной демократией 40 и 60-х годов к крестьянской реформе в России. Все перечисленные статьи действительно характеризуют прогрессивное, подчас антифеодальное, антикрепостническое содержание материалов газеты. Но еще важнее, что эти оценки служат эталоном, как бы ключом к пониманию содержания газеты, и главное — восприятию материалов современниками. Опираясь на них, можно отметить и другие материалы, заслуживающие положительного отзыва с точки зрения их антифеодальной направленности, замаскированного антикрепостнического содержания.

Белинский не случайно в конце 1847 г. отмечает в письмах, что в прессе «проскальзывают там и сям то статьи, то статейки, очень осторожные и умеренные по тону, но понятные по содержанию» [25]. К таким материалам следует отнести статью «О хозяйствах московской губернии. Летние заметки» С. Маслова в номере от 13 ноября 1845 г. Описывая Подмосковье, Маслов пропагандирует рациональное ведение сельского хозяйства, где земля обрабатывается «наемными» людьми, где рожь ко-

---

[25] Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 12, с. 439.

сят, а не жнут серпами, что облегчает труд и увеличивает производительность. Автор выдвигает идею создания подробного описания состояния сельского хозяйства в Московской губернии, ибо многие не знают примеров выгодности наемных рабочих по сравнению с «оседлыми крестьянами».

Сюда же надо отнести серию статей о Японии, и прежде всего первую статью — «Япония как полицейское государство» (1843, № 147)[26]. Направленная против феодального государства, она прямо перекликается с лекциями Грановского и статьями Герцена.

В статье «Япония как полицейское государство» подчеркивалось, что «японское государственное устройство есть феодальная система в полном смысле слова». Всеобщая полицейская слежка, шпионаж — вот характерная черта политического устройства японского государства. «Всякий город, даже всякая деревня делятся на участки, из которых каждый заключает в себе пять домов, и хозяева их взаимно отвечают за поступки всего своего участка; каждый из них обязан доносить... Никто не может переменить места жительства...

Порядок удивительный! Но, конечно, ни одна христианская душа не пожелает такого порядка. Японцы жертвуют ему всем, что ни есть священного в человечестве, и оттого у них выходит не государство, а какое-то полицейское оцепенение или просто обширный смирительный дом» (1845, № 150). Резкости заголовка, остроте содержания приходится только удивляться.

К серии статей о Японии примыкают и статьи о Китае. Все это статьи об «азиатчине». Причем вывод одной из них о Китае констатирует «жалкое общественное состояние этого образца патриархального государства» (1847, № 94).

Обращают на себя внимание острые статьи о Франции, опубликованные в 1845 г. На место перепечаток с обсуждением колониальных дел Франции приходят оригинальные статьи о внутренних неурядицах этой страны. Одна из наиболее вызы-

---

[26] Эта статья атрибутируется нами как статья Е. Ф. Корша.

вающих статей о Франции — «Характеристика парижской полиции» (1845, № 97). В ней подробно рассказывается о составе французской полиции и роли ее в подавлении беспорядков. Самая решительная сила, которая «беспощадно наступает», стреляет в мятежников в отличие от национальной гвардии и линейных войск, — муниципальная гвардия. «Полиция ненавистна народу, — говорится в статье, — и в случае какого-либо мятежа дело может кончиться и совершенным истреблением полиции» (1845, № 97).

И конечно, в ряд с этими и другими подобными статьями надо поставить перепечатку статьи Н. Огарева из «Санкт-Петербургских ведомостей» 1847 г., в которой удивительно ярко и смело проявились антикрепостнические идеи лучших людей 40-х годов. Она называлась «Замечание на замечание г. Чихачева».

В этой статье, написанной с сарказмом, Огарев разъясняет незадачливому помещику, что надо понимать под «нормальными» и «ненормальными» отношениями между помещиками и крестьянами. «Нормальные» — значит правильные, говорит Огарев, т. е. разумные, и попытка подменить эти термины словом «добросовестные» изобличает в Чихачеве сторонника крепостничества. «... Я совершенно уважаю ваше желание прочного союза помещиков с крестьянами и ужасно желал бы считать моих крестьян моими сыновьями. Только я не знаю, с какого права я навяжусь им в отцы? Не знаю тоже, насколько они просты и поверят ли моей родительской нежности, видя себя на деле только моими работниками! Дайте мне нормальное, правильное отношение работника к собственнику, в котором обеспечивалась бы непринужденность найма и ограждался работник и его труд от моих излишних притязаний, — и не нужно мне будет сочинять себе ни сыновей и приятелей, а просто воздавать самостоятельным людям за их труд то, что он стоит» (1847, № 122).

Таким образом, газету Московского университета 40-х годов под редакцией Е. Корша следует рассматривать как прогрессивный орган в системе русской печати, который в силу возможностей вы-

ступал за отмену крепостного права, за прогрессивное развитие страны, нации.

Содержательное наполнение отдела «Смесь» (многие из рассмотренных нами статей печатались именно в этом отделе), стремление к полемике, о чем говорит большое число «замечаний» на статьи, научные труды, публиковавшиеся в «Московских ведомостях», действительно характеризуют Корша как умелого журналиста-организатора, которому удалось оживить «Московские ведомости».

Надо думать, что при подробном рассмотрении не менее содержательной и интересной окажется история газеты Московского университета и в годы революционного подъема конца 50-х годов, когда ею руководил В. Ф. Корш. Чернышевский не случайно писал в 1857 г.: «История «Московских ведомостей», как наиболее распространенного у нас издания, была бы очень интересна» [27]. Но это уже тема новой статьи о газете Московского университета.

ГЕРЦЕН В РУССКОЙ ЛЕГАЛЬНОЙ ПРЕССЕ 60-Х ГОДОВ («НЕДЕЛЯ»)

Находясь более 20 лет, с 1848 по 1870 год, в эмиграции, предельно занятый изданием «Полярной звезды» и «Колокола», Герцен, однако, не прекращал сотрудничества в русской легальной прессе, разумеется, не раскрывая своего имени. Глубоко познав мир буржуазии, Герцен в своем творчестве 40—50-х годов с исключительной точностью отобразил многие отрицательные стороны капиталистического строя, буржуазной нравственности и морали.

Именно этой теме посвятил писатель все свои статьи, опубликованные в русской прессе. Так, в 1856 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» Очкина-Краевского он опубликовал две статьи: «Из писем путешественника во внутренности Анг-

[27] Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 580.

лии» (26 апреля) и «Оба лучше» (20 сентября), посвященные критике европейской буржуазии.

В годы оживления общественной жизни либеральная газета, какой выглядели тогда «Санкт-Петербургские ведомости», не прочь была покрасоваться радикализмом своих суждений, своими связями с революционным публицистом.

Герцен считал весьма знаменательным факт публикации (пусть инкогнито) своих статей в русской газете. 16 июня 1856 г. он не случайно писал М. К. Рейхель: «В «Отечественных записках» моя статья!!» [1]. Эти слова по настроению перекликаются с возгласом другого письма Рейхель: «Новости из России, и не такие узнаете — да, двигается вперед. В «Современнике» говорят обо мне и о Белинском — называют меня автором «Кто виноват?».

Еще запоем мы с вами «Вниз по матушке, по Москве-реке» [2].

Оживление журналистики, сообщения из России о подъеме освободительного движения порождали у Герцена оптимистические настроения и желание активно вмешаться в дела русской журналистики, продолжить критику буржуазной нравственности, морали и правопорядка, которую он так блестяще начал в «Письмах из Франции и Италии» в 1847 г.

К этой теме писатель вернулся и в последних своих очерках, опубликованных в русской легальной прессе под заглавием «Скуки ради».

Очерки «Скуки ради» (под псевдонимом I. Нионский) появились в газете «Неделя» в декабре 1868 — феврале, апреле 1869 гг.

Организованная в марте 1866 г. «Неделя» после закрытия правительством «Современника» и «Русского слова» в течение двух лет была предметом борьбы между правительством и революционной демократией. Министр внутренних дел Валуев поддерживал газету, лестно отзывался о ее изда-

---

[1] Герцен А. И. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 26. М., 1962, с. 12. Краевский принимал участие в издании и «Отечественных записок» и «Санкт-Петербургских ведомостей», чем и объясняется первоначальная ошибка Герцена. Позднее он исправит эту ошибку. См. его письмо К. Фогту от 6 декабря 1856 г.

[2] Герцен А. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 50.

теле — действительном статском советнике Мундте и поощрял его к продолжению литературной деятельности. Направление, которого придерживалась газета в 1866 г., можно охарактеризовать как либерально-консервативное. Она высказывалась за умеренность в проведении реформ, а печать рассматривала как звено, связующее «жизнь общественную с деятельностью государственной». Масса верноподданнических материалов по поводу покушения Каракозова на Александра II в апреле 1866 г. сочеталась в ней с призывами против социалистов.

Однако ровно через год Мундт из-за материальных затруднений, связанных с ограниченным распространением «Недели» ввиду ее непопулярности, отказался от руководства газетой и передал право на ее издание, а затем редактирование, книгопродавцу Генкелю, который почти весь 1867 год посвятил преобразованиям и «радикальным», по его словам, переменам «в составе газеты» [3].

Издание «Недели» возобновилось с 1868 г., причем газета значительно оживилась. Генкель привлек в нее ряд сотрудников «Современника» и «Русского слова», которые надеялись сделать газету революционно-демократической. С 1868 г. в «Неделе» сотрудничали Н. А. Демерт, братья Курочкины, Н. А. Благовещенский, В. А. Зайцев, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров. Д. Д. Минаев, Ф. М. Решетников, Г. И. Успенский, А. К. Шеллер-Михайлов, А. И. Левитов. Активную роль в редакции наряду с Н. Курочкиным стала играть Евгения Конради — представительница демократических слоев русской интеллигенции. Не исключено предположение, что возглавить редакцию должен был Н. А. Некрасов.

Новые сотрудники «Недели», несмотря на бдительность цензуры, сумели придать газете ясный демократический характер. Основное внимание в ней уделялось внутренней жизни страны. В течение года раздел «Внутреннее обозрение» в «Не-

---

[3] ЦГИА. Дело об издании газеты «Неделя», 1865, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 132, л. 50 (текст печатного извещения подписчикам).

деле» вел публицист-демократ Демерт. Уже в 1868 г. цензура не преминула отметить «обличительный характер» его статей [4]. Сравнительно много места уделяла газета положению русских рабочих, хотя сотрудники ее еще не понимали исторической роли пролетариата в общественной жизни. В публикуемых материалах отмечался рост числа рабочих, их тяжелое материальное положение, непримиримость противоречий в капиталистическом обществе.

Прогрессивный характер носили выступления «Недели» и по другим вопросам. На ее страницах велась критика реакционной прессы и литературы. Здесь были опубликованы «Исторические письма» Лаврова — один из первых документов революционного народничества 70-х годов.

Регулярно в газете освещались важнейшие события международной жизни. «Неделя» сочувственно откликнулась на испанскую буржуазную революцию 1868 г., открыто приветствовала свержение монархии во Франции в 1870 г.

При таком положении дел не удивительно, что Герцен охотно принял участие в издании «Недели». Написанные им несколько очерков «об иностранном обществе», с его «безнравственной нравственностью, эксплуататорской благотворительностью и ложною любовью к отечеству» [5], по словам Лаврова, удачно дополняли материалы внешнеполитического отдела.

В упомянутых выше очерках «Скуки ради» Герцен затронул проблему колониализма, показал, отвратительный облик французских колонизаторов, бесчеловечное обращение с арабами в Алжире французских властей, в середине XIX в. завоевавших это африканское государство.

Вызывает негодование изображенный в очерках французский буржуа-расист, с хриплым голосом, «седой, подстриженный под гребенку господин лет пятидесяти, с лицом Пелисье» [6] — реакционер и монархист, который возмущается тем, что

---

[4] ЦГИА. Дело по изданию газеты «Неделя», 1866, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 16, л. 33.

[5] Лавров П. Л. Обозрение периодических изданий.— Библиограф, 1869, № 1, с. 5.

[6] Герцен А. И. Собр. соч., т. 20, с. 448.

французские суды в Алжире приговаривают арабов, этих «извергов» и «людоедов», к каторжной работе, а не к виселице или гильотине.

Удел порабощенных арабов в Алжире — голод и смерть, пишет Герцен. Местные жители доведены до отчаяния, с ними обращаются, как с побежденными на поле сражения. «Сегодня одного расстреливают за побег из какого-нибудь легиона, куда его взяли насильно с обязанностью убивать кого попало. Завтра будут вешать Фатиму за людоедство» [7], а послезавтра для развлечения солдат разорят арабскую деревушку, угонят скот («Деревушка не то чтоб бунтовала — так, не любила нас, ну, мы, разумеется, и усмирили») [8].

Герцен приводит рассказ старого солдата о том, как по приказу полковника был расстрелян ни в чем не повинный «ураб». И это называется «шалостью», а бывают еще и не такие «проказы», замечает писатель.

В русской журналистике конца 60-х годов Герцен был не одинок в осуждении колониализма. Демократический журнал «Дело» в апреле 1868 г. в разделе «Политической и общественной хроники» также откликнулся на положение порабощенного Алжира. Автор хроники заявляет, что французы хозяйничают в Алжире так же, как англичане в Индии. Обе страны ввергнуты колонизаторами в нищету. Гнет французских завоевателей вместе с гнетом местной аристократии — основная причина хронического голода и нищеты местного населения. «Несправедливой» и «нелепой» названа журналом система французского управления Алжиром [9].

Но арабы — народ гордый. Они подчинились силе, однако не смирились с порабощением, что вынуждены признать сами колонизаторы. Герцен с радостью отмечает: алжирцы не выдают друг друга, как бывает среди французов, а наиболее смелые и решительные из них уходят в горы...

---

[7] Герцен А. И. Собр. соч., т. 20, с. 453.

[8] Там же, с. 454.

[9] Дело, 1868, № 4, с. 180. Небезынтересно отметить, что автором хроники был постоянный сотрудник журнала Эли Реклю, француз по национальности.

Беззаконие, жестокость колонизаторов возмущают писателя-демократа. Причину гнета и издевательств над алжирцами Герцен правильно видит в самой природе буржуазного строя Франции. Он справедливо заключает, что нет большой разницы между порабощенным алжирцем и бедняком-парижанином — оба они принесены в жертву буржуазной «цивилизации».

Обращаясь только к небольшой доле литературного наследства Герцена — его последним статьям в легальной русской печати, мы еще раз убеждаемся, что писатель, сыгравший, по словам В. И. Ленина, «великую роль в подготовке русской революции» [10], и сейчас находится в рядах активных борцов за торжество идей справедливости, равенства и братства народов, помогает вести борьбу с буржуазной идеологией.

ЖЕНЩИНЫ ОСВАИВАЮТ ПРОФЕССИЮ ЖУРНАЛИСТА

60-е годы XIX в. характеризовались резким возрастанием числа периодических изданий. Потребности общественного развития, рост распространения грамотности среди народонаселения способствовали росту печати и по номенклатуре названий и по тиражам.

Указанные выше обстоятельства, а также идеи женской эмансипации выдвинули на поприще журналистики новый отряд деятелей печати: женщин-корреспондентов, женщин-публицистов.

Увеличение объема информации, необходимость просмотра в редакциях большого количества газет, рост объема технической работы, в том числе переводческой, работы по корректуре, вычитке, переписке рукописей и проч. — все это способствовало приобщению к журнально-газетной деятельности женщин, имеющих для этого необходимое образование.

Повышение грамотности и образованности среди

---

[10] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 255.

женщин, их стремление к экономической самостоятельности, пробужденное движением за женскую эмансипацию, также способствовали расширению сферы приложения женского труда, в частности участию их в просветительской, переводческой, издательской и прочей литературной работе.

На смену одиночкам-литераторшам из дворянской среды (К. Павлова, Е. Салиас де Турнемир, Н. П. Шаликова) пришли женщины-демократки, женщины-курсистки, как тогда их называли, часто порывавшие со своими состоятельными и даже аристократическими семьями, нередко добивавшиеся свободы благодаря фиктивному браку, лишаясь при этом всякой материальной поддержки родственников. Одни вместе с мужьями, настроенными в духе идей «новых людей», изображенных Чернышевским в романе «Что делать?», пробивали себе дорогу к знаниям, другие самостоятельно осваивали профессии, рассчитывая только на собственные силы. Многие из них пополняли армию «литературных пролетариев», как говорил Шелгунов, испытывая нужду и лишения, трагически теряя здоровье, а иногда теряя и детей. Некоторые уходили в подполье, целиком отдавая себя служению революции.

Среди таких женщин, разорвавших рамки неравноправия, были и Надежда Суслова — первый в России лечащий врач-женщина, и Софья Ковалевская — математик с мировым именем, и Анна Евреинова — первая в стране женщина доктор юридических наук, издательница журнала, и Софья Перовская — профессиональный революционер, член исполкома «Народной воли», гарибальдийка А. Н. Пешкова-Толиверова и Елизавета Томановская — участница Парижской Коммуны.

Многие передовые женщины, видя в образовании единственное средство выбиться в люди и обрести самостоятельность, добивались звания учителя, лекаря, сотрудника издательских контор и типографий, преодолевая на пути к цели различные искусственные преграды и бюрократические уловки. Достаточно сказать, что Н. Суслова, будучи профессором двух европейских университетов, в 1869 г. должна была держать унизительный экзамен на звание лекарского помощника, чтобы зани-

маться частной медицинской практикой в собственной стране.

Вместе с тем были женщины и менее яркой романтической судьбы, рядовые труженицы печати (корректора, переводчики, секретари редакций, статистики, корреспонденты, не очень удачливые издатели и редакторы, книготорговцы). Многие из них довольствовались ролью технических исполнителей, радуясь, что литературная работа давала им интеллектуальное занятие и средства для самостоятельной, независимой жизни.

О них не писали газеты, их имена не называются в воспоминаниях современников. Многие из них так и не рискнули выступить в печати под своим именем, скрывшись под псевдонимом, подписываясь фамилией мужа или помещая свои работы вообще без подписи.

Тем не менее можно назвать около полусотни имен женщин, активно выступавших в журналистике пореформенной эпохи. Это и участницы переводческих артелей, выполнявших задания редакций журналов и газет (Н. А. Шульгина, М. В. Буланова-Трубникова, А. Н. Энгельгардт-Макарова, С. Н. Бажина, жена Г. Успенского А. В. Успенская-Бараева), и секретари редакций (А. А. Давыдова, А. И. Савина, К. В. Назарьева), и издатели (А. Б. Мессарош, В. И. Сахарова, С. М. Макарова, та же Давыдова), и редакторы (С. Г. Рехиевская, Е. И. Есаулова, Е. А. Сысоева, А. В. Сабашникова), и обозреватели (Е. С. Щепотьева), и корреспонденты, в том числе иностранные (А. М. Гальперсон, А. К. Европеус, Е. Н. Янжул-Вельяшева), и др.

Наиболее стойкие и принципиальные из них мужественно отстаивали свою самостоятельность, демократические убеждения и симпатии. Несмотря на то что им приходилось с трудом сводить концы с концами, они не шли на компромиссы, работали или в немногих демократических русских изданиях, или в свободных от цензуры эмигрантских изданиях. Именно среди них выдвинулись наиболее интересные и одаренные женщины-публицистки: Е. И. Конради, Е. Г. Бартенева, С. В. Корвин-Круковская-Жаклар и др. Некоторые в поисках подхо-

дящего издания и заработка приходили в «Новое время», «Биржевые ведомости», позднее — в «Русские ведомости», сентиментальные детские журналы или в конторы коммерсантов-книгоиздателей.

Передовые женщины успешно осваивали «мужскую» профессию публициста, корреспондента, проявляя не только достаточную осведомленность, эрудицию в вопросах общественно-политической жизни, борьбы, но иногда решая некоторые проблемы более вдумчиво, страстно (как было, например, в отношении оценки деятельности и принципов I Интернационала), чем корреспонденты-мужчины, не уступая Боборыкину, Росселю, Реклю или Шассену в достоинствах изложения сложных социальных проблем борьбы рабочего класса за свое социальное освобождение.

В 60—70-е годы легально существовало не так уж много изданий демократического содержания, где бы могли успешно работать женщины-публицистки. В основном это — «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки», «Дело», «Искра», «Неделя» (до середины 70-х годов) и некоторые др.

Статистика участия женщин в печати на протяжении второй половины XIX столетия характеризуется таким, например, фактом. С 1847 по 1866 г. в «Современнике» участвовало около 15 женщин-авторов и переводчиц, причем большинство из них (в том числе и жена Чернышевского) выступили один-два раза, и то чаще всего с художественными произведениями (стихи, повести). В «Отечественных записках» с 1868 по 1884 г. сотрудничало около 40 женщин — авторов и переводчиц, значительная часть которых писала в публицистической манере. Среди них первое место занимает критик-публицист М. К. Цебрикова, опубликовавшая 34 материала; 22 раза выступала на страницах издания Е. О. Лихачева, в 11-ти номерах печатала цикл статей «По деревне» и другие материалы М. К. Горбунова и т. д.

Многие материалы новых сотрудниц, глубокие по содержанию и яркие по форме изложения, не портили «концерта» «Отечественных записок», и Некрасов, а затем и Салтыков-Щедрин — редакторы журнала — хорошо понимали это.

Цебрикова была пропагандистом и популяризатором идей революционно-демократической критики и общественной мысли в области литературы. Не случайно в 1971 г. появилась работа, в которой устанавливалась связь ее статей с принципами и традициями критики Чернышевского[1]. Ее статьи «не столько... литературная критика, — признает современный исследователь, — сколько публицистические тезисы «женского освобождения, высказанные одной из убежденных шестидесятниц»[2].

Родная сестра Софьи Ковалевской С. В. Корвин-Круковская-Жаклар участвовала во французской газете «La sociale», печаталась как беллетристка у Достоевских, переводила I том «Истории цивилизации» Бокля, после возвращения на Родину помогала мужу Жаклару в составлении политических обзоров для журнала «Дело», печаталась в «Северном вестнике». Часть неопубликованных рукописей ее пропала.

Л. П. Шелгунова занималась переводами, взяла на себя обработку литературного наследия поэта М. Л. Михайлова, сосланного на каторгу, и по цензурным соображениям опубликовала ряд его произведений под своим именем. Позднее она была автором интересных воспоминаний.

М. В. Буланова — дочь декабриста В. П. Ивашева, неудачно вышедшая замуж за буржуазного издателя Трубникова, работала как переводчик в «Новом времени», «Биржевой газете», «Санкт-Петербургских ведомостях», в журналах «Живописное обозрение» и «Вестник Европы». Ее знали и ценили как передовую женщину своего времени А. И. Герцен и др.

А. Н. Энгельгардт являлась главным редактором журнала «Вестник иностранной литературы», переводила труды Э. Золя для журнала «Вестник Европы» и материалы отдела политики, сотрудничала в «Отечественных записках» и ряде газет.

---

[1] См.: Кулиш Ж. В. Традиции Чернышевского в литературно-критических выступлениях М. К. Цебриковой.— В кн.: Чернышевский Н. Г. Статьи, исследования, материалы, вып. 6. Саратов, 1971.

[2] Бабаев Э. Г. Лев Толстой и русская журналистика. М., 1978, с. 73.

Активно разворачивалось творчество женщин — иностранных корреспондентов русских газет: Е. Н. Янжул-Вельяшевой, А. М. Гальперсон, Е. И. Лихачевой, В. Н. Мак-Гахан-Елагиной в «Русских ведомостях» и др. В. Мак-Гахан только в 1887 г. опубликовала 12 корреспонденций из Америки.

Особого внимания заслуживает публицистическая деятельность таких женщин-публицисток пореформенной эпохи, как Е. Г. Бартенева и Е. И. Конради, чья публицистика была связана с защитой женского равноправия, с освещением в начале 70-х годов принципов I Интернационала. Мы знаем, как высоко ценил В. И. Ленин Герцена за его обращение в конце жизни к идеям Интернационала, основанного К. Марксом. Тем более следует оценить статьи русских публицисток в газете «Неделя», посвященные I Интернационалу и классовой борьбе рабочих.

Приход женщин в печать был совершенно новым явлением среди многих новшеств бурно развивавшейся периодической печати пореформенного периода. Практика наиболее передовых, прогрессивно настроенных журналисток-демократок 70-х годов явилась прообразом публицистической деятельности нового поколения журналисток ленинской школы: И. Арманд, Н. Крупской, М. Ульяновой, Л. Рейснер, К. Самойловой и др.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ГАЗЕТА ДЛЯ НАРОДА «СЕЛЬСКИЙ ВЕСТНИК»

История русской официозной печати еще не написана. А между тем для верной характеристики всей системы печати второй половины XIX в., глубокого понимания функционирования демократических изданий необходимо не только знать содержание прогрессивной печати, цензурные условия, но и учитывать, что прогрессивная печать развивалась в атмосфере постоянного широкого воздействия реакционной, официальной промонархической прессы на читательскую массу.

Если это справедливо по отношению ко всей истории журналистики, то еще в большей степени приложимо к характеристике газетной печати, а также к изданиям, предназначенным непосредственно для народа.

Вопросы идеологического влияния на народные массы во второй половине прошлого века глубоко волновали власть имущих. Правительственные учреждения весьма серьезно занимались литературой для народа. Так, в Министерстве народного просвещения был специальный комитет по наблюдению и изданию такой литературы. Министерство внутренних дел также уделяло немало внимания периодическим изданиям для народа.

Одной из первых и долговременных правительственных газет для народа, крестьян преимущественно, издававшихся непосредственно под руководством Министерства внутренних дел, является «Сельский вестник».

Газета издавалась еженедельно с 1 сентября 1881 г. в виде прибавления к «Правительственному вестнику», как официально сообщалось тогда в периодической печати [1]. Она предназначалась для бесплатной рассылки волостным правлениям и некоторым лицам провинциальной администрации (губернаторам, уездным исправникам, становым приставам). Этим и определялся ее первоначальный тираж — 15 тыс. экз., что приблизительно соответствовало числу уездов в России. Однако «Сельский вестник» распространялся и по подписке, причем по очень дешевой цене — 1 руб. в год с доставкой через волостное правление и 1 р. 20 к. (позднее — 1 р. 60 к.) с доставкой через почтовую контору. Для городского читателя цена была несколько выше — 2 руб. Если сопоставить цену «Сельского вестника» со стоимостью годовой подписки за другие газеты (от 7 до 14 руб.), то бросовая цена, рассчитанная на привлечение массового читателя, становится несомненной, а это является характерной чертой особого типа массовой газеты.

Газета издавалась размером в пол-листа и имела 8—12 страниц. Всего в год выходило 52 номера,

[1] См., например: Русский библиограф, 1881, № 7, с. 368.

что составляло 600 и более страниц общей пагинации в два столбца мелкого шрифта.

В год основания «Сельского вестника» платных подписчиков оказалось всего 1 тыс. Но затем это число неизменно растет. В 1882—1883 гг. было уже 3 тыс., с 1884 по 1887 г. — от 9 до 10 тыс., в 1888 — 12 тыс., в 1889 г. превысило 14 тыс. платных подписчиков [2], а к 1900 г. газета насчитывала около 70 тыс. платных подписчиков [3].

При всей кажущейся значительности этих цифр, они не говорят о подлинно массовом распространении издания. Подписка 1899 г. — 14 тыс. экз. — означает, что в среднем на одну волость приходилось менее 1 экз. В действительности картина была несколько иная. Некоторые волости получали до 20 экз., следовательно, были и такие волости, которые не получали ни одного экземпляра.

Да и при наличии 70 тыс. подписчиков на одну волость в среднем приходилось по 5 экз. Если учесть, что газета выписывалась не только грамотными крестьянами, но и сельским духовенством, то для многомиллионной крестьянской России подписка оставалась незначительной. Тем не менее тираж ее приближается к самым распространенным газетам в стране, и с ее проникновением в крестьянскую среду нельзя было не считаться, особенно если принять во внимание, что другие периодические издания в деревне вообще не распространялись. Так, библиографический журнал «Книжный вестник», сообщая о тяге крестьян к чтению, отмечал, что в Ветлужском крае трудно достать материал для чтения: «Весьма часто приходится довольствоваться «Сельским вестником»... При разговоре с мужиками на эту тему постоянно приходится слышать один и тот же ответ: «Вовсе почитать нечего». «Сельский вестник» чуть не наизусть выучишь... Хорошего достать негде» [4].

В 1904 г. тот же журнал приводил такое суждение крестьянина Владимирской губернии: «Я по-

---

[2] Исторический вестник, 1889, № 6, с. 680.

[3] Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь, т. 29. Спб., 1900, с. 377.

[4] Книжный вестник, 1902, № 37, с. 1184.

лучаю через волостное правление «Сельский вестник», выписанный на свои скудные средства, а более ничего; если ж какая-либо попадает газета или историческая книга, я с жадностью набрасываюсь читать»[5]. А в № 46 журнала можно прочитать о том, что в деревне газеты, особенно еженедельные, «Сельский вестник» с приложениями, не уничтожаются после прочтения, а сберегаются. У двух человек сохранились «все годовые экземпляры»[6].

Каково же содержание этого еженедельника? Чем интересна история его создания и первых шагов в журналистике? Как начинала газета свою жизнь?

Появление «Сельского вестника» прежде всего связано с событиями второй революционной ситуации в России, активной пропагандистской работой народников в 70-е годы.

Ее издание неопровержимо свидетельствует о стремлении правительственных сфер оставить за собой общественное мнение крестьян, противопоставить правительственную пропаганду — революционной, народную печать — интеллигентской, отделить печать образованных, т. е. привилегированных классов, от печати народной. Об этом красноречиво говорит программное заявление газеты, изложенное в № 1: «Всякий любознательный человек, конечно, желает получать сведения о важных событиях и разнообразных явлениях жизни нашего обширного отечества, о законах и правительственных распоряжениях, благополучном и неблагополучном ходе наших хозяйственных и иных дел, о нуждах и потребностях населения и мерах к их удовлетворению, и проч., и проч. Но не все могут с одинаковым удобством удовлетворять этой любознательности». Далее говорилось, что для интеллигентной публики издается много газет и журналов, но для сельского жителя они недоступны ни по цене, ни по содержанию, публикуемые в них материалы чтецы из народа часто понимают «ошибочно и превратно». «В пересказе эти вычитанные новости еще более искажаются, и таким путем идет в на-

---

[5] Там же, 1904, № 35, с. 997.
[6] Там же, № 46, с. 1321.

род много неверных и даже вовсе неосновательных слухов и известий, которые вводят простых и легковерных людей в заблуждение. Кроме того, в последние годы стало появляться много злоумышленных людей, которые нарочно рассказывают небылицы и даже тайно печатают обманные и возмутительные листки и книжки, чтобы распространять в народе смуту».

Наш вывод о назначении газеты подтверждается и другими официальными и полуофициальными документами, о которых речь пойдет ниже.

С этими редакционными рассуждениями интересно сопоставить отзывы цензоров об изданиях, предназначенных для образованного круга читателей и простонародья. Например, цензор Косович, объясняя свое снисходительное отношение в 80-е годы к журналу «Русское богатство», его беллетристике, в частности, писал: «... издание приняло вид почти исключительно научного периодического журнала. Отделу же беллетристики посвящалось постоянно не более трети размера книги. Такой более или менее специальный характер журнала не только предполагал более ограниченный круг читателей, но даже, что в цензурном отношении всего важнее, требует от них весьма солидного образования. В подобном периодическом издании беллетристика составляет, собственно говоря, балласт и перелистывается теми же солидными, образованными людьми, для которых исключительно и предназначаются такие издания» [7].

Другие цензоры (Смирнов, Лебедев) в конце 70-х годов не раз указывали, что не все статьи, допускаемые в журналах, могут быть пропущены в ежедневной дешевой газете, «имеющей в среде своих читателей по преимуществу простой народ», «полуобразованных читателей» [8].

Таким образом, в практике цензуры и Министерства внутренних дел совершенно ясно просматривается желание иметь журналистику первого и второго ряда, для людей солидных, образованных и — простонародья.

---

[7] ЦГИА, ф. 777, оп. 3, ед. хр. 35, л. 106.
[8] Там же, оп. 2, ед. хр. 35, л. 251, 290.

Создание народной газеты, ее характер, распространение, наилучшие пути проникновения в народную среду серьезно заботили правящие сферы самодержавно-помещичьей России.

Первые же номера «Сельского вестника» стали предметом изучения писателей, состоявших на службе Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения. Интересно, что консервативные писатели, выступавшие в качестве чиновников различных ведомств, были не только строгими цензорами, критиками, разрушителями прогрессивной печати (к чему мы привыкли), но и организаторами изданий для народа, проявляя при этом незаурядное знание законов жизни периодической печати. Они умели, как показывают факты, вести созидательную работу в области печатного слова, развивать и совершенствовать нужную официальным сферам печать.

14 сентября отзыв на первый номер «Сельского вестника» подготовил П. Д. Голохвастов, чиновник Министерства внутренних дел. В обстоятельном письме начальнику Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел князю П. П. Вяземскому он подробно изложил свои замечания об издании «Сельского вестника», опираясь на впечатления от первого номера. Голохвастов проявил незаурядные способности журналиста-организатора, комментируя содержание «Сельского вестника» и намечая пути улучшения и развития этого органа, строго соблюдая при этом интересы правящих классов. Рассудительно и весьма откровенно писал он о содержании газеты, формах подачи материалов, языке, финансовых возможностях и других сторонах деятельности газеты.

Рассмотрим это письмо-записку более обстоятельно.

Первое, чего касается Голохвастов, это заведомая непопулярность любых мероприятий, связанных с официальными учреждениями самодержавия. Даже волостное правление как основное место получения и чтения крестьянами «Сельского вестника», предусмотренное программой, представляется ему нежелательным. «Крестьяне зовут волостное прав-

ление *конторой,* т. е. местом, где, — как во время оно в помещичьей конторе, — секут. Сходиться для чтения они туда не станут. Получать «Сельский вестник» будут волостные писаря и подшивать его, как дела, нумер к нумеру...» [9].

Голохвастов предлагает рассылать газету не по волостным правлениям, а по церковным приходам «с инструкцией священникам: раздавать по очереди крестьянам грамотным или у которых есть грамотные парнишки». В России, продолжает он, церковных приходов 45 тыс., т. е. намного больше, чем волостей, и «абонентов таким образом будет... больше. Что абоненты эти даровые, так ведь казна — не Краевский», т. е. чиновник сознательно идет на значительные расходы ради более широкого распространения официального издания.

Правительство «издает газету не для наживы, а единственно для того, чтобы печатной правдой противодействовать ложным слухам, столь страшным в народе» [10]. При такой цели 30 тыс. лишних

---

[9] Русский вестник, 1904, № 12, с. 786. Заметим, что в своих опасениях Голохвастов был прав. Некто Т. Р. Б. в специальной статье о «Сельском вестнике» отмечал, что чтению и распространению газеты мешает политика местных волостных чинов. «Писаря злятся на тех, кто выписывает и читает «Сельский вестник» («Исторический вестник», 1889, № 6, с. 681). Подтверждается это и служебной перепиской. Так, например, в 1896 г. главная редакция «Правительственного вестника» обратилась к министру внутренних дел с просьбой улучшить распространение «Сельского вестника»: «... в большинстве волостных правлений или оставляли газету без всякого внимания, ни сами ее не читали, ни другим не давая читать, или умышленно скрывали ее от крестьян, не желая, чтобы те знакомились с ее содержанием; а иные даже враждебно относились к крестьянам, выписывавшим газету, всячески затрудняя получение ее через посредство волостного правления,— не принимали подписных денег для пересылки в редакцию, не выдавали или долго задерживали многие нумера, отговариваясь неполучением, или выдавали их в разорванном и запачканном виде и т. п. На все это ежегодно поступало много жалоб. И все это продолжается до настоящего времени... До сих пор едва ли не половина волостей по всей империи не дают ни одного подписчика,— из чего нельзя не заключить, что до сих пор там население вовсе не знает о существовании «Сельского вестника» (ЦГИА, ф. 1291, оп. 40, ед. хр. 75, л. 7 об., 8).

[10] Это утверждение снова подтверждает стремление правительства противопоставить свое влияние революционной пропаганде.

даровых экземпляров и почтовые расходы на них — ничего не значит. Надо, следовательно, заботиться не как бы поменьше, а как бы побольше распространять газету: рассылать ее бесплатно, кроме приходов, еще и во все воинские части... пожертвовать на это в год десяток — другой, да хоть бы и сотню тысяч рублей не жалко»[11].

В связи с этим Голохвастов обращает внимание на необходимость уменьшить подписную плату до 2 коп. за номер, вместо 6 коп., совершенно верно понимая бросовый характер стоимости газеты. Но здесь Голохвастов совершил небольшой просчет. Поскольку «Сельский вестник» стал выходить с сентября, Голохвастов решил, что объявленная подписная плата 1 руб. относится только к четырем оставшимся до конца года месяцам (слишком необычно дешевой была газета), следовательно, один номер еженедельника будет стоить 6 коп. («... как «Новое время» в розничной продаже», — указывал он). Но это дорого для массовой народной газеты. На самом деле редакция, объявляя о стоимости годовой подписки, имела в виду не оставшиеся месяцы, как считал Голохвастов, а все двенадцать. Голохвастов совершенно верно понимает необходимость бросовой, ниже себестоимости, продажной цены газеты, но это же понимали и ее инициаторы.

К вопросу о доверии к официальному органу Голохвастов косвенно вернулся еще раз, когда давал советы, касающиеся содержания новой газеты. Он считал, что приучать народ к чтению правительственной газеты надо постепенно. «Читать правительственные сообщения народ не так-то скоро привыкнет», ибо и здесь существует недоверие: чего хорошего ждать крестьянину от правительства? Поэтому Голохвастов предлагает печатать в начале номера рассказы духовного содержания, например жития святых. Народ, по его мнению, «за жития святых тотчас возьмется, да уж кстати прочтет и правительственное сообщение». Это желание любой ценой сделать газету действительно распространенной, используя даже религиозные предрассудки народа, характерно для политики всех, кто пред-

[11] Русский вестник, 1904, № 12, с. 786.

принимал издания для народа. Например, госпожа Пейкер в 1875 г., издавая журнал-газету для рабочих под названием «Русский рабочий», большое внимание уделяла публикации в нем статей религиозного характера.

Для большего успеха «Сельского вестника» Голохвастов дает еще ряд практических советов. Он одобряет публикацию статей о царской семье, приветствует отдел сельского хозяйства, считает «славной», «гениальной» мысль об учреждении отдела ответов на вопросы крестьян-читателей. Но его беспокоит, будут ли, смогут ли крестьяне писать в газету. Реально представляя себе экономическое и культурное положение простого крестьянина, он спрашивает: «Где возьмет (мужик. — *Б. Е.*) чернил, перо, куверт, как напишет адрес, сдаст на почту? Волостной писарь поможет? Нет» [12].

Голохвастов вновь предлагает вести эту работу через сельское духовенство и считает, что священники лучше могли бы организовать и подписку. По его мнению, целесообразно рассылать по приходам «готовые, с печатным адресом куверты для подписчиков».

Обозреватель рекомендует печатать в газете объявления (которые стыдливо называет «публикациями»), разъясняющие, где купить сельскому обществу пожарную машину, достать сортовые семена и т. п., прекрасно понимая экономическую выгоду подобных публикаций. Они-то и должны помочь широкому бесплатному распространению газеты, покрытию бюджетного дефицита редакции, если такой будет из-за недостатка подписчиков. «Агентура и продавцы будут газете платить и дорого платить за столь распространенные публикации», — указывает автор письма-заметки. При этом публикации не должны иметь вид обычной коммерческой рекламы. Он советует редакции заказывать такие публикации «местным, земским сведущим, авторитетным людям». Сами же промышленники не должны давать рекламы. Голохвастов уверен, что при широком бесплатном распространении газеты

---

[12] Русский вестник, 1904, № 12, с. 787.

расходы окупятся как за счет объявлений, так и за счет платных подписчиков. Чем больше будет бесплатных, тем шире будет популярность газеты, а следовательно, увеличится и подписка. Расчет вполне верный. «Подписываться будут многие: крестьяне, мещане, мелкие купцы; трактирщики все для клиентов своих и вообще всякие уездные люди» [13].

Голохвастов делает также ряд замечаний по языку и стилю народной газеты, направленных на упрощение синтаксиса, исправление неудачных формулировок, устранение оплошностей в употреблении слов из крестьянского обихода, иностранных слов, встречающихся в описании поведения крестьян и т. д. «Необходимый, конечно, отдел сельскохозяйственный, только не надо называть спорынью, ядовитые грибки во ржи, *зернами*. В слоге надо избегать вводных предложений и не русских слов вроде: целесообразные мероприятия. Народу это не понятно» [14]. Крестьяне, удостоверяет он, с удовольствием читают заметки «о государе и царском семействе», только печатать: «Государю поднесли икону, а императрице — коломенскую пастилу» — не годится; в жизни оно очень просто, а в печати выходит странно». Отметил рецензент стилистическое несоответствие и в заметке о царском выезде, в которой было напечатано: «...народ крестил Государя и бросал шапки вверх». Выделив курсивом слова «крестил» и «бросал шапки», Голохвастов указывает на недопустимость подобного сочетания. «Я сам свидетель, — пишет он, — крестили его и ее, молясь и плача, а не... жестикулируя, и оба они... плакали не от вида летающих картузов...»

Стремление уберечь газету от невольного подрыва престижа царской семьи и православной церкви, верноподданнических чувств в читателях проявляется также и в следующем замечании Голохвастова: «Не хочу... привязываться к словам, а все-таки: “в соборе было *краткое* молебствие„ — эпитет совершенно лишний» [15].

В заключение Голохвастов еще раз демонстри-

---

[13] Русский вестник, 1904, № 12, с. 788.
[14] Там же, с. 787.
[15] Там же.

рует свои монархические чувства. Он заявляет: «Орел, на орлёной газете, пусть хоть бы и покрупней был»[16], имея в виду заглавную виньетку.

* *
*

По выходе № 4 «Сельского вестника» Н. С. Лесков, в то время служащий Министерства народного просвещения, выступил в газете «Новое время» с «практической заметкой» о народной газете. Статья была написана, как заявляет сам автор, из «чистого намерения дать молодой редакции образец впечатления, какое производит ее издание на стороннего человека, искренно желающего успеха» «Сельскому вестнику»[17].

Лесков, как и Голохвастов, положительно встретил новое издание для народа, однако, в отличие от Голохвастова, склонен был высоко оценить «казенный», правительственный характер «Сельского вестника». Ему кажется, что это обеспечит солидность, достоверность изданию, вызовет большее доверие к нему. Писатель противопоставляет «Сельский вестник» тем частным изданиям, которые не сумели стать действительно народными изданиями. Насколько Лесков верил в это — мы не знаем, но в печатном отзыве он не мог написать иначе. Голохвастов в своем письме, не предназначавшемся к печати, мог позволить себе больше. Лесков надеется, что «Сельский вестник» положит «конец бесцеремонной наглости литературных попрошаек, навязывавших народу за деньги бездарные произведения своих наемных перьев». Подобные частнопредпринимательские издания он называет «аферистическими». Все, кто до сих пор предпринимал издания для народа, «дело вели очень дурно», хотя некоторые издатели «выражали большой избыток преданности». «Но и в этом случае они доводили дело до пересола, который... скорее вреден, чем по-

[16] Там же, с. 788.

[17] Новое время, 1881, № 2002, 24 сентября (6 октября), второе издание, с. 2. Далее цитируется по тому же источнику.

лезен». Замечания показывают, что Лесков внимательно и не один день следил за народными, вернее, простонародными изданиями, и верно оценивал их.

Вести «печатную беседу» с простолюдинами у этих изданий не было ни таланта, ни цели. Лесков так формулирует основные требования к народному изданию: надо говорить со «всенародством» просто, вразумительно и занятно». Писатель не считает бедой, что в «Сельском вестнике» нет людей, известных большими талантами, «для издания такого листка вполне достаточно сотрудников с простым, ясным умом и с способностью передавать касающееся народа просто, вразумительно, занятно».

Лесков понимает, что «Сельский вестник» — издание массовое, поэтому, как и Голохвастов, уделяет должное внимание проблеме его распространения. Любопытно, что писатель указывает на рабочих как на еще одну группу читателей из народа, о которой Голохвастов умалчивал. «Почему «Сельский вестник» не рассылается на фабрики и заводы?» — спрашивает он.

Возможно, здесь сказался опыт Лескова-журналиста, который он приобрел, принимая участие в редактировании «народной» газеты «Русский рабочий» г-жи Пейкер (1875).

«Сельскому вестнику» должен быть «открыт путь на фабрики и заводы, где простонародных читателей не меньше, чем в селах, и при том они здесь все в куче», считает Лесков. Он верно отмечает большую заинтересованность в чтении газет городских рабочих, особенно рабочих, сосредоточенных на одном производстве, а следовательно, наиболее сплоченных, развитых.

Целесообразность расширения круга читателей газеты, бесплатной ее рассылки, Лесков аргументирует следующим образом: «Субсидированные издатели этим не пренебрегали и находили радетелей к распространению их изданий, — так, например, «Сельская беседа» г. Кардо-Сысоева по воздействию питейно-акцизного начальства обязательно *предполагалась:* по одному экземпляру на каждый кабак и по два экземпляра на винокурню. Такой способ предложения *за деньги* не хорош, но

бесплатная рассылка на фабрики и заводы была бы, кажется, полезна».

Лесков не делает, как Голохвастов, подробного расчета выгод увеличения бесплатного распространения «Сельского вестника», ибо в газетной статье неудобно было раскрывать финансовую подоплеку издания, но и он понимает, что широкая популярность газеты неизбежно приведет к увеличению и платного сбыта. Оба они проявляют заботу о расширении идеологического воздействия газеты.

Заботой о доходчивости, о максимальной приближенности «Сельского вестника» к народной среде, о его популярности, а следовательно, воздействии на читателя, продиктованы и другие замечания Лескова, в частности, затрагивающие вопросы языка и стиля первых номеров: «Язык статей... сух и, при видимом желании редакции сделать его живым, он все-таки чрезвычайно канцелярствен или казенен... Можно принять за правило, что, говоря с простым человеком, всегда полезно адресоваться сколько к его уму, столько же и к сердцу... И потому простой тон всегда лучше «холодных выкладок рассудка». Исходя из этих требований, Лесков делает замечания и по изложению программы издания в первом номере. Писатель считает, что в программе следовало прежде всего и как можно проще подчеркнуть достоверность материалов газеты, внушить доверие к ней. С самого начала надо было заявить, что публикуемые вести «будут справедливы и кто их прочтет, может им верить». В газетной статье это развито не сразу «и притом в следующих чисто канцелярских выражениях: «В тех видах, чтобы в сельское население доходили верные известия и сведения» и т. д. Лесков против употребления в изложении программы казенной формулы о разрешении газеты царем, «согласно положению комитета господ министров» от такого-то числа. Следует писать просто: «Государь повелел», отбросив всю принятую казенную формулу. Сельский человек не видит никакой разницы, проникновенно замечает писатель, между сенатом, министрами, комитетом министров, Государственным советом.

Лесков критикует сухость отчета о юбилее митрополита Исидора, помещенный во втором номере. «Народ... читает только формулярный отчет, не имеющий для простолюдина ни значения, ни цели». Он предостерегает газету от возможных ошибок, неточностей, связанных прежде всего с плохим знанием условий крестьянской жизни. В этом вопросе он как бы полностью солидарен с мнением Голохвастова. «В листке, издаваемом для народа, надо стараться, высказывая советы, беречься, чтобы они не казались легкомысленными». В качестве примера неудачного совета Лесков ссылается на заметку из № 1, в которой рекомендовалось в страдное время присмотр за детьми в деревне поручать старухам. Не стоит писать в газете о том, что крестьяне сами хорошо знают. На примере третьего и четвертого номеров Лесков говорит о необходимости соблюдения максимальной точности в сообщении даже мелких фактов, ибо крестьяне все «дойдут» и усомнятся в достоверности сообщения из-за одной мелкой неточности. Он приводит такой пример: в номере четвертом написано: «В кабаке посидеть попить чаю и водки собираются». Но все знают, что чай пьют не в кабаке, а в трактире.

Комментирует писатель и объявления «Сельского вестника», текст которых, по его мнению, редакция обязана приспосабливать к «крестьянскому пониманию». Например, пишет он, вместо: «рекомендуется пожарная труба прочной конструкции» лучше было бы сказать «прочного устройства» и слова «универсальные мельницы» заменить иными. Народ знает мельницы *крупчатые* и *раструсные,* но что такое мельницы «универсальные» — это для сельского простолюдина совершенно непонятно».

Как видим, эти замечания совпадают с замечаниями Голохвастова, особенно по части употребления слов иностранного происхождения. Нельзя отказать в разумности многих советов и суждений как Лескова, так и Голохвастова. Оба они понимали ряд специфических особенностей массовой народной газеты, издаваемой в интересах правительства. Но иногда их верноподданнические старания слишком откровенны.

Разбирая одну из статей № 4 «Сельского вестника» «Как уменьшить пьянство?», Лесков предупреждает редакцию от неловкой тенденциозности. Зачем, говорит писатель, автор написал: «пьянство довело *теперь...*» Пьянство было *всегда,* а такая фраза подчеркивает неблагополучие именно данного времени, что, по мнению Лескова, неверно. «Нет ничего зазорного говорить о пьянстве, не упрекая им главным образом наше новое время, ознаменованное столь многими благодетельнейшими мерами для народа». О каких благодетельных мерах правительства для народа могла идти речь в 1881 г. — остается на совести автора.

Как видим, оба отзыва в целом проникнуты стремлением видеть газету «Сельский вестник» проводником правительственной политики в народные массы, изданием, рассчитанным на широкое распространение, дешевым, интересным и живым, доступным недостаточно развитым представителям народных масс. Все это говорит о том, что и Голохвастов, и Лесков, и, видимо, многие их современники достаточно ясно представляли себе тип, качества дешевой массовой народной газеты, ее необходимость в стране, вступившей на путь буржуазного развития.

Однако правительство и непосредственный издатель — Министерство внутренних дел — отнеслись равнодушно к целому ряду разумных предложений. Они побоялись или не посчитали нужным привлечь низшее духовенство к распространению и вообще посредничеству между газетой и читателем (впрочем, такая, хотя и в незначительной степени просветительская роль никогда не была свойственна православной церкви); не увеличили бесплатной рассылки газеты, в том числе на фабрики и заводы, как предлагал Лесков. Как показывают факты, царская бюрократия боялась распространения даже такого типа изданий, каким был «Сельский вестник». Консерватизм и косность русской бюрократии были фантастичными. Газета оставалась крестьянской по своей ориентации, сугубо казенной по форме и методам распространения.

Но советы по усовершенствованию идеологического влияния на крестьян в духе монархизма, уси-

ления пропаганды православия были реализованы. Так, например, с 1882 г. в «Сельском вестнике» регулярно печатались жития святых и церковные проповеди. Учтены были советы и по улучшению языка и стиля газеты.

* *
*

Оба литератора, взявшиеся обозревать «Сельский вестник», были серьезно озабочены двусторонними связями газеты и читателя. Их идеологическим контактам должно было отвечать как содержание газеты, так и форма подачи материала. Но особое значение и редакцией и Голохвастовым отводилось отделу ответов на вопросы сельского населения, введенному в «Сельском вестнике». И в дореволюционной литературе (в упоминавшейся выше заметке Т. Р. Б. в журнале «Исторический вестник») и в советской[18] при характеристике газеты много места уделяется ее переписке с читателем. Исследователей умиляло само *количество* вопросов-писем, присылаемых в редакцию «Сельского вестника». Например, Н. С. Вертинский указывал, что с середины сентября 1881 г. по 20 декабря редакция только по вопросу борьбы с пьянством получила 448 писем, из которых 84 было опубликовано.

Конечно, публикация писем-запросов и ответов редакции на них создает впечатление популярности газеты, ее авторитетности среди сельского населения. Однако рассмотрим этот вопрос более внимательно.

В № 1 «Сельского вестника» за 1885 г. была опубликована многозначительная редакционная заметка «Читателям, присылающим в редакцию письма с вопросами для разъяснения». В ней отмечалось, что с 1883 г. в редакцию стало поступать очень много писем, в которых некоторые корреспонденты повторно требуют ответа на поставленные ими вопросы. Редакция уведомляла, что с вопросами в ре-

---

[18] См.: Вертинский Н. С. Газета в России и СССР. М.—Л., 1931.

дакцию могут обращаться *«только подписчики»* и «притом только по делам, которые касаются их самих и относятся до дел крестьянского сословия». Так было внесено серьезное ограничение и в характер вопросов читателей и в их количество. Такая регламентация носила ярко бюрократический характер: «Для удостоверения в самоличности пишущих подписчиков, они должны прилагать к своим письмам адресные билетики, наклеиваемые на бандероли, в коих рассылаются нумера газеты». Как бы невзначай разбудив спящего великана, редакция его испугалась. Разумеется, кроме роли бюрократических рогаток на пути писем читателей, эта мера должна была в известной степени служить сыскным нуждам Министерства внутренних дел.

Повторив несколько раз это уведомление, редакция в № 49 присовокупила к нему перечень вопросов, на которые ответов не будет даваться вообще, а именно не будут рассматриваться вопросы по чужим делам, должностных лиц сельского и волостного управления по частным делам; письма, написанные необстоятельно или неразборчиво, а также по делам не сельского быта. Таким образом, редакция могла игнорировать любой вопрос подписчика, затрагивающий острые проблемы крестьянской жизни, на которые отвечать было невыгодно. Фактически газета декларировала произвол в отборе вопросов. Здесь же было сообщено, что ответы корреспондентам будут печататься в газете и никаких письменных разъяснений редакция посылать не будет.

Чтобы до конца понять политику редакции «Сельского вестника» в освещении крестьянских проблем, сопоставим указанное извещение с заметкой из № 52 за тот же 1885 г. «О чем писать из волостей».

В полном соответствии с направленностью газеты редакция требует таких сообщений, которые помогают «поучаться хорошими примерами». Она прямо заявляет, что ей не интересны «особенно письма о злоупотреблениях и пороках местных должностных и других лиц, до которых никому нет дела, кроме тех, кто их знает, да поставленных над ними властей, к коим и следует направлять по-

добные сообщения...». «Едва ли в какой-нибудь местности нет домовитых, трудолюбивых и предприимчивых людей, которые, живя на той же земле, при тех же условиях, как и соседи их, сумели однако приобрести достаток и довольны своей судьбой, между тем, как соседи их бедствуют и вечно жалуются на какие-нибудь неблагоприятные обстоятельства».

«Довольны своей судьбой...» Много ли таких мужиков было в России до революции?

Эта заметка как нельзя лучше характеризует партийность «Сельского вестника», показывает, что заигрывание с крестьянством, вернее, с его зажиточной частью, лежало в основе широко рекламируемого общения газеты с читателями. Строгий отбор нужных корреспонденций обеспечивался самым неукоснительным образом. При таком принципе отбора материала можно было из 448 писем опубликовать 84, т. е. 18%, которые устраивали бы редакцию, не затрагивали острых социальных проблем и в то же время создавали видимость широкой поддержки читателями правительственной газеты.

И все-таки при всем желании редакция не могла полностью игнорировать тяжелое положение абсолютного большинства крестьян в стране. Это оттолкнуло бы читателя, раскрыло бы политическое кредо, нечестность редакции в освещении жизненных фактов. Слишком очевидной была бедность крестьян. Поэтому в некоторых статьях «Сельского вестника» можно встретить вынужденные обмолвки: «Теперешнее обыкновенное крестьянское хозяйство крайне нуждается в улучшениях, без которых оно представляется безвыгодным, ибо во многих губерниях не может даже прокормить население». Но тут же редакция принималась уверять, что такое положение может быть изменено к лучшему путем правильной агротехники, различных хозяйственных улучшений, развития побочных кустарных промыслов, огородничества, поземельного банкового кредита, наконец, борьбы с пьянством. Разумеется, о малоземелье, сословной неравноправности, кулачестве речи не было.

Даже немногие рассмотренные нами заявления

самой редакции показывают, что предаваться особым восторгам по поводу рубрики ответов на письма крестьян в газете нет оснований. А реалистические описания Голохвастова, что мужику будет трудно реализовать приглашение редакции вопрошать газету из-за неграмотности, отсутствия чернил, пера и конвертов, приведенные выше, окончательно низводят эту инициативу редакции до низкопробного фарса, лишь имитирующего полнокровность связей печатного правительственного органа со своими читателями.

Итак, на примере «Сельского вестника» можно установить, что тип газеты для народа, отличительными чертами которого являются дешевизна и большой тираж, был ясен современникам. А то, что в XIX в. подобные печатные органы в России не достигли уровня и значения аналогичных массовых изданий ведущих капиталистических стран Европы и США, объясняется общей отсталостью русской жизни, бюрократическим засильем и слабостью национальной буржуазии, пресмыкавшейся перед самодержавным правительством.

Только буржуазия периода империализма оказалась способной к изданию распространенных массовых популярных изданий для народа, цена которых была ниже себестоимости, а тиражи исчислялись десятками и сотнями тысяч.

ГАЗЕТНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ К. ТРУБНИКОВ

Имя Константина Васильевича Трубникова связано с русской периодической прессой почти на протяжении полувека, с 1857 по 1904 г. И хотя его деятельность не оставила такого заметного следа, как участие в периодической печати Каткова, Суворина или Краевского, Трубников играл весьма важную роль в истории либерально-буржуазной, а затем буржуазно-монархической прессы. Это была весьма яркая фигура среди деятелей буржуазной формации второй половины XIX в. Как издатель, Трубников был типичным газетным предпринимателем капиталистической складки, всю жизнь мечтавший о первенстве среди других издателей.

Его журналистская судьба, практика газетного издателя, нравственный облик многое проясняют в истории газетного дела второй половины XIX в., в понимании той роли, которую играли русские торгово-промышленные и финансовые круги в развитии ежедневной печати.

Трубников родился в 1829 г. и по происхождению был дворянином. В 1852 г. окончил Московский университет и до 1859 г. был на государственной службе в хозяйственном департаменте МВД, связанном с рядом департаментов Министерства финансов [1].

В конце 1850-х годов, в обстановке общественного подъема, обусловленного окончанием Крымской войны и смертью Николая I, Трубников выступил инициатором ряда торгово-промышленных предприятий: он был учредителем банка и двух пароходных компаний.

С 1857 г. Трубников стал заниматься издательской деятельностью, которую не прерывал до конца жизни. В 1890-х годах он писал о себе, что кроме газет издал «много брошюр и книг, и в том числе с высочайшего соизволения два перевода классических сочинений по политической экономии» [2].

Действительно, в 1880-е годы в Петербурге им были изданы брошюры под названием «Очерки и характеристики. Мир и Война», «Мечты и цель в финансах», в 1890-е годы — две работы, посвященные прессе: «Вопросы печати» и «Печать как власть настоящего над будущим» и другие, общим числом более десяти. Кроме того, Трубников перевел книгу Ф. Листа по политэкономии, не раз издавал отдельными оттисками свои газетные статьи.

В 1870 г. Трубников организовал собственную типографию в Петербурге, в которой насчитывалось 5 печатных машин, 635 пудов шрифтов и 48 рабочих (сведения на 1872 год). Передав это заве-

---

[1] Трубников к 1866 г. дослужился до чина титулярного советника, хотя в делах Главного управления по делам печати он именуется коллежским секретарем (т. е. чином, в котором начинал литературную деятельность).

[2] ЦГИА. Дело по изданию г. Трубниковым в С.-Петербурге газеты под названием «Экономические ведомости»..., 1893, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 780, л. 42, 43 об.

дение в 1874 г. Полетике, он через 4 года приобрел новую типографию (бывшую Ремезова), где печатал свои издания: «Телеграф» и «Биржевую газету»[3].

Трубников был одним из учредителей и первого в России телеграфного агентства (РТА), а также издателем его бюллетеней. За 47 лет журналистской деятельности он основал более десяти периодических изданий, и в их числе — первую в России «Вечернюю газету».

Даже такой краткий перечень конкретных дел Трубникова в газетном мире показывает активное участие его в делах русской печати, делает интересной для исследователя его личность.

В своей журналистской деятельности Трубников стремился представлять интересы нарождающейся отечественной буржуазии. И как все идеологи отечественной буржуазии был крайне непоследователен, робок, тяготел к союзу с монархической властью. С годами этот консерватизм проявился особенно ярко.

Первым изданием Трубникова был еженедельный «Журнал для акционеров» (1857—1860). Журнал был связан с Министерством финансов, и редактировал его преподаватель С.-Петербургского коммерческого училища коллежский советник А. Скачков.

Издание отражало интересы русских коммерсантов. В нем печатались теоретические статьи буржуазных политэкономов профессоров Н. К. Бабста, Н. Х. Бунге и др. Но в основном это было информационное издание, в котором публиковались правительственные распоряжения по акционерному делу, уставы и отчеты русских акционерных обществ, биржевые и торговые известия, вексельный курс и т. п. материалы.

В годы издания «Журнала для акционеров» Трубников приобретал первый опыт издания коммерческой газеты, сбора информации, составлял об-

---

[3] До этого, в 60-е годы, его издания печатались в петербургской типографии товарищества «Общественная польза», а в 70-е годы — в типографии департамента уделов Министерства финансов.

ширные планы общерусской газеты. Все это получило реализацию в организации газеты «Биржевые ведомости» (1860—1875).

«Биржевые ведомости» были разрешены к изданию 30 сентября 1860 г. по официальной просьбе министра финансов. В копии разрешения на их издание говорилось, что по докладу министра финансов император разрешил соединение «Русской коммерческой газеты» с «Журналом для акционеров» с тем, чтобы они выходили под названием «Биржевые ведомости, коммерческая газета и журнал для акционеров» и «чтобы официальная часть соединенных изданий находилась в заведовании особой редакции от департамента внешней торговли»[4]. Такой статус газеты сулил ей материальные выгоды в виде субсидий, обязательных публикаций и обязательной подписки.

Непосредственным инициатором издания был Трубников. Он же взял на себя практическую организацию выпуска новой газеты, которую получил на условиях аренды в свое распоряжение на 10 лет, считая с 1 января 1861 г.[5].

Стесненный в средствах, Трубников еще не рискнул на издание частной газеты, независимой от государственных учреждений, да и не стремился к этому, понимая, что в самодержавном государстве полуофициозное издание будет более прочно и в цензурном и в финансовом отношениях. За Министерством финансов (департамент торговли) оставалось право продлить или расторгнуть соглашение с Трубниковым по истечении 10-летнего срока аренды, а также право печатать статьи в неофициальной части газеты, «когда оно признает это нужным, даже с возражениями против статей, помещенных самою редакциею неофициальной части»[6].

---

[4] ЦГИА. Дело по изданию «Биржевых ведомостей» по выходе оных без цензуры, 1865, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 80, л. 21; там же, ед. хр. 125, л. 1.

[5] В дальнейшем эти условия аренды были изменены и к 1865 г. не действовали. Однако никаких документов об этом, кроме косвенных свидетельств, нами не обнаружено.

[6] ЦГИА. Дело С.-Петербургского цензурного комитета о соединении «Русской коммерческой газеты» с «Журналом для акционеров», 1860, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 125, л. 2.

В конце 1860 г. Трубников широко развернул рекламную деятельность. Он издал отдельной листовкой проспект новой газеты, разослал объявления об издании «Биржевых ведомостей» в журналы и газеты. В декабре 1860 г. такое объявление было напечатано в «Современнике» и других изданиях.

В листовке и в объявлениях Трубников широко рекламировал будущее издание, его возможности, полноту и оперативность информации, стараясь подчеркнуть сходство своего издания с ведущими коммерческими газетами европейских стран: «...доныне не было у нас публичного органа, в котором сосредоточивались бы исследования и сведения по всем частям экономической и промышленной деятельности и, с тем вместе, *ежедневно* сообщались бы свежие известия о замечательных событиях в области кредита и торговли, которыми так решительно обусловливаются все соображения не только лиц собственно-коммерческих, но и производителей мануфактурных, сельских хозяев, владельцев фондов акций и вообще капиталистов, больших и малых.

Напрасно было бы распространяться об общественном значении и необходимости подобного рода ежедневного издания в наше время обширных финансовых и экономических реформ, предстоящего образования повсеместного вольнонаемного труда... в наше время усиливающихся сношений по железным дорогам и быстрого сообщения известий при посредстве телеграфов...

Мы избрали для соединенных изданий... наименование «Биржевые ведомости». Этим наименованием мы заявляем, что, при наших воззрениях, мы преимущественно будем руководствоваться теми мнениями, взглядами и требованиями, которые... всего вернее выясняются в многочисленных свободных совещаниях коммерческих деятелей...»[7].

В составе газеты были обещаны следующие отделы:

---

[7] ЦГИА. Дело о соединении «Русской коммерческой газеты» с «Журналом для акционеров», 1860, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 125, л. 4. Листовка-проспект.

1. Правительственные постановления и распоряжения.

2. Телеграммы о всякого рода важных политических и других событиях, имеющих влияние на состояние цен и коммерческих дел вообще. Прямым телеграфным путем будут сообщаться известия из Лондона, Ливерпуля, Дунди, Парижа, Гамбурга, Амстердама, Берлина, Риги, Одессы, с Нижегородской ярмарки. Впоследствии и из других промышленных центров России.

3. Политика, по отношению к торговле.

4. Статьи теоретические о финансах, кредите и пр.

5. Торговля.

6. Сведения о разных отраслях промышленности.

7. Акционерные общества.

8. Торговое мореплавание и судоходство.

9. Критика и библиография.

10. Объявления.

К этому было добавлено, что одной из главных забот редакции является сообщение самых точных курсов и цен. «Биржевые ведомости», говорилось в конце проспекта, будут выходить ежедневно в формате «Берлинской биржевой газеты». Редакция обещает сделать все, что возможно, «для общедоступности «Биржевых ведомостей» массе публики»[8].

Редактором неофициальной части с 1862 г. был вновь приглашен Скачков, а официальной частью заведовал чиновник департамента внешней торговли Майков.

Нельзя не заметить, что Трубников в шапке и тексте листовки-проспекта, в объявлениях всячески подчеркивает факт помещения свежих телеграфических депеш. В журнальном объявлении он не скрывает, что эти депеши будут поступать «от агентов телеграфического бюро К. В. Трубникова»[9].

Действительно, Трубников одновременно с газетой организовал первое Телеграфное бюро в Петербурге. «С разрешения господина Главноуправ-

---

[8] Там же.

[9] Современник, 1860, № 12, с. 3 (особой пагинации).

ляющего путями сообщения и публичными заведениями, — читаем мы в объявлении, — с 1-го декабря 1860 г. будет открыто в конторе К. В. Трубникова Телеграфное бюро, имеющее целью, подобно таковым же учреждениям Рейтера в Лондоне, Вольфа в Берлине и др., сообщать частным лицам телеграммы о всякого рода событиях...»[10].

Это уже серьезный шаг к созданию в недалеком будущем Русского телеграфного агентства. Этим шагом Трубников вступает в прямую конкуренцию с газетой «Посредник», которая до сих пор монопольно снабжала торговыми новостями заинтересованных лиц и газеты в России. Обращает на себя внимание желание издателя подчеркнуть защиту интересов не только крупного капитала, но и мелкого.

Если верить самому издателю — Трубникову, его усилия не пропали даром. С преобразованием «Коммерческой газеты», писал он в объявлении об издании «Биржевых ведомостей» на 1863 год, число подписчиков увеличилось в 5 раз. Но этого все еще было недостаточно. В конце 1862 г. перед годовой подпиской Трубников вновь идет на широковещательные обещания, чтобы увеличить число своих читателей. Он подчеркивает, что в газете «после многих препятствий» открыт отдел политики, что редакция «заводит» спецкорреспондентов: «редакция полагает время от времени отправлять некоторых из своих сотрудников, наиболее знакомых с современными нуждами России, в качестве путешественников в разные местности России для наблюдения за потребностями сельского хозяйства, мануфактурной промышленности и торговли»[11]. Действительно, с 1862 г. отделы политики и телеграмм расширились.

Вместе с тем Трубников намекает, что его газета — официальный орган департамента податей и сборов Министерства финансов (а в этот департамент входило питейно-акцизное управление) и извещения по департаменту в газете заменяют рас-

---

[10] Там же, с. 6.

[11] ЦГИА. Дело о соединении..., 1860, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 125, л. 19. Текст объявления.

сылку циркуляров по губерниям, т. е. в провинции, чтобы быть в курсе распоряжений правительства по питейной части, выписывать «Биржевые ведомости» было необходимо.

Что касается политического направления газеты в 60-е годы, то сам Трубников характеризует его как умеренно-либеральное, либерально-консервативное. Время проведения реформ 60-х годов толкало его к либерализму, к широковещательным заявлениям о национальных нуждах, о симпатии к народным массам, к критике отдельных сторон новых экономических отношений с позиции мелкого капитала. Но критика эта велась исключительно в целях более правильного, «нормального» развития буржуазного предпринимательства, не отягощенного, с одной стороны, пережитками крепостничества, бюрократией, с другой — предпринимательским ажиотажем, аферами, построенного на разумных теориях буржуазной политэкономии.

В проспекте-объявлении об издании «Биржевых ведомостей» на 1863 год Трубников писал: «Биржевые ведомости» встретились с разносторонними ветхими началами... и они выставили... всю благотворность экономической свободы... весь вред монополии капиталов и несостоятельности откупной системы.

Наша газета поставила себе задачею, во всех случаях, во всех проявлениях общественной деятельности выводить наружу корыстный, частный интерес, облекающийся в личину общего блага, и «Биржевые ведомости» восставали против неправильности действий в торговом посредничестве, разоблачали частные спекуляции в обаяниях акционерного эльдорадо, указывали на мнимые лотерейные обогащения... открыли изъян в мишурной парче наших Крезов, мнивших осчастливить Россию железными дорогами, сооруженными за счет народного здравия и общественной нравственности... Наконец, на нас возлагалась... высшая обязанность, — обязанность защищать интересы большинства, интересы массы, интересы народа. Вот почему в «Биржевых ведомостях» сильно протестовалось против гнета большого капитала над малым и против всякого рода привилегий. Вот поче-

му так близки нам виды новой питейно-акцизной системы... От успеха ее зависит укрепление нравственных и материальных сил народа и вследствие того лучшая степень благосостояния всех классов населения Империи, в особенности же винокуренных заводчиков...»[12].

Этот откровенный заключительный аккорд достаточно хорошо характеризует программу газеты как органа, выражавшего в конечном счете интересы средних слоев русской национальной буржуазии, положение которых было весьма двойственным в полукрепостнической России.

В целом же газета придерживалась официальной экономической политики правительства и почти не затрагивала вопросов политической жизни.

С 1864 г. «Биржевые ведомости» стали выходить 6 раз в неделю. За год до этого в издании активное участие стала принимать жена Трубникова — Мария Васильевна Буланова — известная общественная деятельница, писательница и переводчик, поборница высшего женского образования. Она заведовала в газете литературным отделом, переводами и библиографией. Ее сотрудничество продолжалось до 1869 г.

Реформа печати в 1865 г., при внесении денежного залога отменявшая предварительную цензуру для газет, породила новый прилив энергии у Трубникова. Он хорошо понимал, что «Временные правила о печати» дают немалый простор газетному предпринимателю, если он не будет принципиально выступать против самодержавного строя. Либеральный курс правительства настроил Трубникова весьма оптимистично. Еще в обстановке подготовки реформы, накануне ее обнародования, он приступил к организации «Вечерней газеты», чутко уловив повышенный спрос на информацию. 9 февраля 1865 г. им было получено разрешение Министерства внутренних дел на издание «Биржевых ведомостей» малого формата, чтобы «Ведомости эти малого формата считать вечерним изданием»[13].

---

[12] ЦГИА. Дело о соединении..., 1860, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 125, л. 19. Текст объявления.

[13] ЦГИА. Дело о соединении..., 1860, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 125, л. 15.

10 февраля было разрешено печатать объявление об издании с 1 марта «Вечерней газеты» с выходом в свет «в час по полудни».

В то же время Трубников почувствовал необходимость опереться на массового читателя. Поэтому в объявлении подчеркивалось, что новая газета будет дешевой, доступной для «лиц, располагающих небольшими средствами». Источником финансирования ее должны были стать «Биржевые ведомости».

Трубников понимал, что достичь дешевизны при хорошем содержании можно «только тогда, когда дешевая ежедневная газета будет соединена с распространенным и известным изданием значительной стоимости: потому что подобная газета должна иметь такой обширный запас сведений, такое огромное число разных сотрудников и разнородных корреспондентов, которые для всякой другой дешевой газеты были бы слишком обременительны, чтобы не сказать невозможны»[14].

«Вечерняя газета» — самая доступная, утверждал издатель. Она будет «предупреждать прочие ежедневные периодические издания и сообщать дневные новости в тот самый день, тогда как в других газетах они появятся только на другой день утром»[15]. Рекламный характер объявления несомненен. В «Вечерней газете» обещаны корреспонденции из Москвы, Польши, Финляндии и Прибалтики, Сибири, Кавказа, Урала, Волги, Новороссийского края и Украины, т. е. упор был сделан на внутреннюю информацию.

В октябре 1865 г. было получено разрешение на отделение «Вечерней газеты» от «Биржевых ведомостей», т. е. на существование ее как самостоятельного издания. Главное управление по делам печати легко пошло на это и ограничило в ней лишь судебную хронику, изъяв из программы, представленной Трубниковым, пункт об освещении «замечательнейших юридических процессов». Но «Вечерняя газета» не была освобождена от предвари-

---

[14] ЦГИА. Дело о соединении..., 1860, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 125, л. 15.

[15] Там же.

тельной цензуры[16]. Сами же «Биржевые ведомости» после внесения обычного денежного залога в 5 тыс. руб. освобождались от предварительной цензуры. Вносить второй залог Трубников поскупился.

Однако, став самостоятельной, «Вечерняя газета» не оказалась массовой. В начале 1866 г. она издавалась в количестве до 1 500 экз., в конце года — 2 050 экз., а в 1867 г. по справке типографии печаталась в количестве 2 300 экз.[17].

15 октября 1868 г. Трубников ставит вопрос об освобождении «Вечерней газеты» от цензуры без внесения залога, поскольку она являлась приложением к «Биржевым ведомостям» и отличалась от последних лишь меньшим объемом да иным составом телеграмм. Весь статейный материал брался из «Биржевых ведомостей» двух- и трехдневной давности. Но поскольку газета считалась самостоятельной, Главное управление по делам печати предложило внести денежный залог. Трубников денег не внес, но не отказался от своей идеи иметь второй выпуск «Биржевых ведомостей» без дополнительных денежных затрат и 14 октября 1869 г. добился права (без проведения подписки) на второй выпуск (дневной) «Биржевых ведомостей» по образцу английской газеты «Times».

Конец 1865 и большую часть 1866 гг. он издает обе газеты «Биржевые ведомости» и «Вечернюю газету» без всяких осложнений и недоразумений, если не считать того, что в ноябре 1865 г. в цензурный комитет поступила жалоба министра финансов о незаконном перепечатывании распоряжений по Министерству финансов в газете Трубникова без ссылки на источник, что порождало мнение, будто бы «Биржевые ведомости» «суть орган Министерства финансов»[18]. Трубников был вызван в цензурный комитет, и у него была взята подписка,

---

[16] ЦГИА. Дело по изданию газеты «Биржевые ведомости», 1865, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 81, л. 25 об.

[17] ЦГИА. Дело по изданию подцензурной газеты «Вечерняя газета», 1865, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 83, л. 4, 5.

[18] ЦГИА. Дело по изданию «Биржевых ведомостей» при выходе оных без цензуры, 1865, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 80, л. 12.

что такого больше не повторится. Это было большой неприятностью: Трубников терял часть подписчиков, а также возможность субсидироваться. Он пытался оправдаться и сохранить за собой право на подобные публикации, ссылаясь на условия 1860 г. Но это ни к чему не привело. Отношения с министерством окончательно испортились, последствия чего не замедлили сказаться. Первое серьезное столкновение непосредственно с цензурным ведомством произошло у Трубникова ровно через год после освобождения газеты от предварительной цензуры.

12 октября 1866 г. был арестован № 253 «Биржевых ведомостей» за передовицу, посвященную назначению нового генерал-губернатора Северо-Западного края. Трубникову пришлось выпустить другой номер без этой статьи, хотя небольшая часть тиража разошлась с крамольной передовицей.

К 9 часам утра 13 октября 1866 г., когда полицейские явились в типографию, из 5 000 экз. тиража[19] было отпечатано около полутора тысяч экземпляров и 935 из них уже было отправлено петербургским и иногородним подписчикам[20].

Статья, вызвавшая арест, критиковала русификаторскую политику правительства, в частности, меры, предпринятые против лиц польской национальности, хотя и выражала надежду, что новый генерал-губернатор исправит такое положение. Цензор нашел, что статья содержит недозволенный законом и оскорбительный разбор правительственных распоряжений, «может возбудить вредные страсти»[21], и поэтому потребовал ареста всего номера газеты.

Цензурный комитет согласился с мнением цензора, и номер был арестован. В связи с этим были собраны справки о тираже, подписке и рассылке «Биржевых ведомостей», что позволяет сейчас восстановить некоторые данные о распространении га-

[19] ЦГИА. Дело по изданию газеты «Биржевые ведомости», 1865, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 81, л. 46 об.

[20] ЦГИА. Дело по изданию «Биржевых ведомостей» по выходе оных без цензуры, 1865, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 80, л. 28.

[21] Там же, л. 24.

зеты. Городским (петербургским) подписчикам назначалось 882 экз., в Москву отсылалось 60, за границу 7 экз., 53 экз. рассылалось в ближние Петербургу города: Царское Село, Гатчину, Петергоф, Ораниенбаум, Ригу, Митаву и др. Какое-то количество продавалось в розницу в Петербурге, а остальной тираж расходился по провинциальным городам России. В. Г. Короленко в «Истории моего современника», рассказывая о сотрудничестве своего старшего брата Юлиана в «Биржевых ведомостях» Трубникова, подчеркивал известную популярность этой газеты в провинции, и в Ровно особенно. «В то время он (Трубников. — *Б. Е.*) только что поставил газету «Биржевые ведомости», которую обещал сделать органом провинции, и его рекламы, заманчивые, яркие и вкусные, производили на провинциального читателя сильное впечатление. «Выписал я, знаете, газету Трубникова...» или «Об этом надо бы написать Трубникову...» — говорили друг другу обыватели, и «Биржевые ведомости» замелькали в городе, вытесняя традиционный «Сын Отечества» и успешно соперничая с «Голосом»[22].

На 1867—1869 гг. сохранились сведения о розничной продаже газеты в Петербурге. По справке инспекторов по надзору за типографиями в 1867 г. в столице ежедневно продавалось до 400 экз. газеты, в 1868 г. розничная продажа возросла до 1 500 экз. в день. И надо сказать, Трубников весьма дорожил розницей, прекрасно понимая ее финансовое значение.

В 1867 г. вновь пришлось пожалеть о расторгнутых отношениях с Министерством финансов. Газета была уличена цензорами в «постоянном стремлении редакции» порицать «правительственные распоряжения по части финансового управления, колебать общественное к ним доверие и тем употреблять во зло право обсуждения, предоставленное печати...»[23], за что получила первое официальное предостережение.

[22] Короленко В. Г. Соч. в 10-ти т., т. 5. М., 1954, с. 288.

[23] Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905, с. 227.

Тем не менее Трубников не робеет. В 1868 г. он приглашает в соредакторы «Биржевых ведомостей» опытного газетчика П. С. Усова, а в следующем году привлекает к сотрудничеству в газете Н. С. Лескова [24], добивается разрешения печатать юридические статьи и судебную хронику, выпускает газету два раза в день (без подписки на второе, дневное, издание). «Биржевые ведомости» явно на подъеме. В 1870 г. их тираж достигает 8 800 экз. при тираже «Вечерней газеты» 3 700 экз. [25].

Газета выступала защитницей интересов промышленной либеральной буржуазии. Она уделяла много внимания торговле, промышленности и строительству железных дорог, освоению окраин переселенцами, защищала всеобщее и особенно ремесленное, техническое образование. Она порицала консервативность поместного дворянства, поддерживала земскую реформу. Накопление национальных богатств провозглашалось задачей всех сословий русского общества.

Иногда газета выступала с порицанием цензурной политики, финансовой практики правительства. Много места отводилось иностранным и иногородним телеграммам, биржевому курсу, печатались объявления.

После первого предостережения цензура строго следила за газетой и не пропускала ни одного случая, когда можно было отметить «неодобрительное направление» «Биржевых ведомостей», ее критическое отношение к некоторым сторонам русской жизни и правительственной политике.

Царские администраторы разного положения и ранга время от времени выражали недовольство либерализмом газеты, отдельными ее материалами. Так, например, рижский губернатор кн. Суворов жаловался цензурному комитету на статью Лескова в № 30 от 31 января 1869 г. В статье «Искание школ старообрядцами», — писал он, — ка-

[24] Об участии Н. С. Лескова в изданиях Трубникова см.: Столярова И. В. Н. С. Лесков в «Биржевых ведомостях» и «Вечерней газете» (1869—1871). — Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1960, № 295, вып. 58.

[25] ЦГИА. Отчет инспекторов типографий и т. п. заведений..., 1870, ф. 776, оп. 29, ед. хр. 6, л. 8.

кой-то г. Лесков выставляет меня гонителем раскольников в Риге и противником развития между ними просвещения посредством школ... Как может частное лицо, бог знает, с какой целию, врываться в правительственные архивы, выписывать там официальные бумаги с нумерами и безнаказанно предавать их во всеобщую известность, производя невыгодные толки, как с настоящим случаем, между раскольниками»[26].

Пришлось Трубникову однажды давать объяснение и московскому генерал-губернатору, причем с раскрытием имени московского корреспондента — Пастухова[27].

В конце 60 — начале 70-х годов цензура явно не доверяла Трубникову. Известный либерализм его самого, независимость сотрудников вроде Н. С. Лескова, активная деятельность в газете М. В. Трубниковой, связанной с передовыми слоями столичного общества: Ткачевым, Стасовой и др., общественная деятельность Трубниковой в последующие годы, несмотря на развод супругов в 1867 г., ее знакомство с А. А. Серно-Соловьевичем, А. И. Герценом, видимо, также сыграли в этом не последнюю роль. Активность жены Трубникова не могла пройти незамеченной жандармским управлением и не отразиться на репутации Трубникова. Когда, например, в 1872 г. он попросил утвердить соредактором (вместо ушедшего в 1871 г. Усова) ординарного профессора Петербургского университета А. П. Чебышева-Дмитриева, постоянного сотрудника газеты, Главное управление по делам печати отказало в просьбе, несмотря на положительный отзыв о нем и III отделения и Министерства народного просвещения. Главное управление по делам печати посчитало, что Чебышев «в своих статьях (преимущественно фельетоны) следовал направлению, которое в цензурном отношении не может быть признаваемо одобрительным...»[28]. Та-

[26] ЦГИА. Дело по изданию газеты «Биржевые ведомости», 1865, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 81, л. 117—120. Жалоба осталась без последствий, так как Лесков был командирован в Ригу Министерством народного просвещения.

[27] Там же, л. 93.

[28] ЦГИА. Дело по изданию газеты «Биржевые ведомости», 1865, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 81, л. 247 об.

кое отношение Главного управления было характерно к изданиям, не вызывавшим полного доверия правительства.

Однако следует отметить, что в самые лучшие годы издания либеральные идеи в газете Трубникова сосуществовали с консервативными. Так, в 1869 г. Трубников выступил против А. И. Герцена, в 1872 г. извратил революционное содержание «Капитала» К. Маркса и т. д.

В 1872 г. Трубников, вложивший в издание газеты деньги жены, начинает нервничать, жаловаться на финансовые трудности. Особенно чувствительными оказались запрещения розничной продажи газеты в 1870, 1872 и 1873 гг. Материальный ущерб был весьма ощутимым. Теперь и Трубников, которому вначале «Временные правила о печати» казались весьма прогрессивными, понял, как он ошибся. Цензура сохраняла за собой много способов контролировать и направлять развитие прессы. Ему не удалось, как он рассчитывал, обойти конкурентов.

По мере того как количество замечаний «Биржевым ведомостям» растет, Трубников охладевает к газете и начинает искать покупателя. Таким покупателем оказался В. А. Полетика, который 9 марта 1874 г., до окончания сделки, на правах соиздателя вошел в редакцию и стал полным хозяином газеты. Не добившись в октябре 1874 г. утверждения Полетики редактором, Трубников после нового предостережения, объявленного в сентябре 1874 г.[29], продает право на издание газеты некоему Карпинскому, и Полетика с 1875 г. становится ведущим лицом в газете «Биржевые ведомости». Тогда же была продана им и «Вечерняя газета». В 1874 г. к Полетике и Карпинскому отошла и типография Трубникова, за которую Трубникову было выплачено около 200 тыс. руб.

Газета под руководством Полетики (1874—1879) значительно отличалась от прежних «Бир-

---

[29] Это предостережение фактически было вторым, но поскольку первое было снято с газеты в 1872 г. (по случаю 200-летия Петра I), то формально оно вновь считалось первым.

жевых ведомостей» более последовательным и смелым либерализмом. Изменился и состав сотрудников. На смену А. В. Никитенко, Н. Х. Бунге, В. П. Безобразову, Э. Р. Вредену, М. П. Горчакову, А. П. Чебышев-Дмитриеву, Г. П. Данилевскому, С. В. Максимову, И. Ф. Васильевскому, П. Н. Петрову, К. М. Сементковскому и другим приходят рекомендованные Некрасовым братья Курочкины, Н. А. Демерт, Н. К. Михайловский, А. Н. Плещеев, А. М. Скабичевский.

Еще до официальной продажи газеты Трубниковым Главное управление по делам печати отмечало: «...со времени принятия г. Полетикою участия в издании «Биржевых ведомостей» (причем он на деле стал, как известно, полным хозяином издания) изменился, как дошло до сведения Главного управления по делам печати, прежний состав сотрудников газеты, в число которых приглашены были личности вроде известного Демерта, и газета приняла вредное направление, вызвавшее предостережение»[30].

Но Трубникова уже не устраивала подобная газета, и позднее он решительно отмежевывался от этих месяцев совместного (формально) с Полетикой выпуска газеты. 14-летний период руководства «Биржевыми ведомостями», который сам Трубников считал наиболее продуктивным и удачным, закончился. Трубников не мог предполагать, что продажа газеты Полетике, как и кратковременное сотрудничество с ним, ее либеральный характер в конце 70 — начале 80-х годов впоследствии явятся для него причиной больших неприятностей.

В 60-е годы журнально-газетная деятельность Трубникова не ограничивалась только изданием двух газет «Биржевых ведомостей» и «Вечерней газеты». После освобождения от предварительной цензуры «Биржевых ведомостей» Трубников с 1866 г. начинает издание приложений к ним. Первоначально (20 февр.) он получил разрешение на издание учено-литературных «Ежемесячных прибавлений» объемом 18—20 печатных листов без особой подписной платы за них. Учено-литератур-

[30] ЦГИА, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 61, л. 303, 304.

ное приложение к «Биржевым ведомостям» выходило всего 9 месяцев (апрель—декабрь 1866 г.). Сохраняя программу «Биржевых ведомостей», журнал имел отделы: политики, литературы, экономики, науки и искусства. В нем печатались материалы о международных политических событиях, статьи политико-экономического содержания, по истории техники, финансам, давалась хроника-обзор производственных открытий и усовершенствований, беллетристика, большей частью переводная, и др.

В 1867 г. Трубников просит об изменении названия приложения, чтобы получить возможность распространения его по подписке (7 руб. в год), но без изменения программы (т. е. по программе «Биржевых ведомостей»). Такое разрешение ему было дано. Так появился ежемесячник под названием «Записки для чтения» (1867—1869), в котором наряду с беллетристикой печатались статьи по экономике, истории, естествознанию, этнографии. Много места в нем занимали материалы по истории техники, промышленная и научная хроника, очерки экономики отдельных областей страны. Журнал пропагандировал популярную в буржуазной политэкономии «теорию услуг», выступая за увеличение промышленного и железнодорожного строительства, за экономическое освоение окраинных районов; на его страницах защищалась идея всеобщего обязательного обучения, система земских школ. В журнале печатались Г. Вамбери, А. Евреинов, П. Кропоткин, Д. Смышляев, А. Шипов и др.

Но и на этом не закончилась кипучая предпринимательская деятельность Трубникова. В 1866 г. он выступает инициатором организации Русского телеграфного агентства (РТА). Предваряя переговоры иностранных представителей и других петербургских журналистов с правительством об открытии телеграфного агентства, 4 и 5 декабря 1865 г. Трубников в своей газете печатает текст Международной телеграфной конвенции, которая была заключена в Париже 5 мая 1865 г. и которую признало русское правительство. Затем составляет компанию и 12 мая 1866 г. в № 109 «Биржевых ведомостей» помещает извещение об учрежде-

нии Русского телеграфного агентства. Ни на минуту не выпуская инициативы из своих рук, 18 мая 1866 г. он начинает хлопоты о разрешении издавать с июня бюллетени телеграмм РТА.

В сентябре того же года Трубников добился, что Министерство внутренних дел сообщило циркулярно всем губернаторам о создании РТА и возможности печатать политические телеграммы в тех «Губернских ведомостях», где был отдел политики, а коммерческие — без ограничений[31].

Два года — с 1866 по 1868 — в Петербурге выходили «Телеграммы Высочайшие утвержденного Русского телеграфного агентства». Однако не все шло гладко. Несмотря на снижение подписной платы, тиражи «Телеграмм» были небольшими, и в 1868 г. Трубников временно прекратил их издание. Прекратив издание «Телеграмм» в столице, РТА не отказалось от продолжения подобной деятельности в других городах. Так, например, в 1866—1868 гг. делались попытки издания бюллетеней телеграмм в Москве, в 1870 г. — в Оренбурге, в 1871 г. — в Тюмени.

В 1877—1878 гг. Трубникову удалось снова некоторое время издавать в Петербурге Бюллетени телеграмм, но теперь он, не рассчитывая выдержать конкуренцию с МТА Краевского, использовал Бюллетени лишь как повод для создания новой газеты «Телеграф».

Несмотря на некоторые неудачи, весь этот период Трубников действует весьма энергично, стремится завоевать особое, привилегированное место в печати, заручившись поддержкой правительственных учреждений.

Во всех своих начинаниях он проявляет хорошую осведомленность о постановке буржуазно-газетного дела в Европе; в прошениях ссылается на берлинские и лондонские газеты, знает международные договоры и конвенции, относящиеся к газетному делу. Трубников по-своему верно понимал обстановку в стране, надеялся на быструю буржуазную перестройку русской жизни, более активную

[31] ЦГИА. Дело по освобождению от цензуры политических телеграмм и изданию телеграмм РТА, 1866, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 497, л. 50.

помощь его изданиям со стороны Министерства внутренних дел и Министерства финансов. Но казенный либерализм 60-х годов оказался призрачным. Много лет спустя, полностью отказавшись от былого либерализма, Трубников особенно ценил эти 14 лет своей журналистской деятельности и гордился ими.

В письме, поданном начальнику Главного управления по делам печати в 1894 г., он прямо похвалялся, что «Биржевые ведомости» «не подвергались за 14 лет ни одному предостережению, ни единому судебному взысканию, в то время как остальным газетам, освобожденным от предварительной цензуры, кроме массы состоявшихся определений, имевших последствием судебные взыскания, дано было 58 предостережений»[32]. Так велико было желание изобразить себя в глазах правительства безупречным человеком и журналистом, что Трубников «запамятовал», что и у него были взыскания и даже одно предостережение.

В прошении, поданном министру внутренних дел в 1895 г., Трубников еще более откровенно писал о себе как о постоянном верном слуге самодержавия. За труды на поприще печати и литературы, писал он, «я имел многократно счастие получать всемилостливейшия награды и денежные пособия по Высочайшему повелениям трех Императоров: Александра II, Александра III и ныне благополучно царствующего государя, как это можно видеть из дел министерств: внутренних дел и финансов... Начав публицистическую деятельность еще в 1857 г., я за сим непрерывно в течение *семнадцати* лет (1859—1875) издавал ежедневную политическую и экономическую газету «Биржевые ведомости» с приложением «Вечерней газеты» и ежемесячного литературного журнала»[33]. Но это писалось много лет спустя. Все было не совсем так, как в 1894—1895 гг. представлялось Трубникову. Не желая и не умея выразить интересы подлинно массового читателя, Трубников к середине 70-х годов не вы-

---

[32] ЦГИА. Дело по изданию г. Трубниковым в С.-Петербурге газеты под названием «Экономические ведомости», 1893, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 780, л. 28.

[33] Там же, л. 43, 43 об.

держал конкуренции и оказался банкротом. Не сумев в своих изданиях соединить интересы капитала и потребности массового читателя, не найдя другого способа укрепиться в газетном деле, кроме установления прямой связи с правительством, которая однако не оказалась прочной и доверительной, он потерпел неудачу.

Политическая невоспитанность, откровенные колебания от либерализма к монархизму, невозможность опереться на смелое общественное мнение русских предпринимателей, отсутствие демагогических способностей Суворина, недостаток в средствах мешали укреплению Трубникова в газетном мире. Оставаясь приверженцем либерально-консервативной идеологии, он надеялся, что правительство окажет ему поддержку и даст субсидию, тем более, что техническую сторону газетного дела он знал хорошо. Правительство же не хотело тратить средства на поддержку именно Трубникова. Орган печати, защищающий частное предпринимательство и сохраняющий верность монархии, но не завоевавший массой аудитории, не представлял чего-то из ряда вон выходящего в системе русской печати. Таких предложений было более чем достаточно, и правительству было кого субсидировать, кроме Трубникова. Представители же капитала видели в Трубникове скорее конкурента, нежели своего идеолога.

В 1874 г. в условиях усиливающегося цензурного гнета, рассчитавшись со старыми изданиями, Трубников делает новые многочисленные попытки для укрепления в газетном мире.

Сам он позднее с ложной скромностью, лицемерно, чтобы не усиливать впечатления от своих неудач, писал: «...в видах временного отдыха, но с целью не прерывать свою постоянную публицистическую деятельность, я вслед за сим (прекращением в 1874 г. издания «Биржевых ведомостей». — *Б. Е.*) лишь на короткое каждый раз время издавал ежедневные газеты: «Новое время», «Телеграф» и «Биржевую газету»[34]. Но это, конечно, не

[34] ЦГИА, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 780, л. 43, 43 об. «Новое время» было приобретено Трубниковым в 1874 г. у Нотовича и в 1876 г. продано Суворину.

так. Просто ни одно из этих изданий он не сумел сделать мощным и влиятельным, приносящим ему славу и деньги. Косвенно неискренность этих слов изобличает злобу и ненависть Трубникова, проявившиеся в 80—90-е годы к тем преуспевающим издателям, которые перекупали у него упомянутые выше газеты.

В 1880-е годы, во время победоносцевского террора, Трубников еще больше правеет и пытается строить свой дальнейший успех газетчика, опираясь на союз с монархической властью. Он с откровением истинного монархиста служит царизму, разоблачает и клеймит «либерализм», западноевропейских буржуазных политэкономов. Но неудовлетворенность ходом русского экономического прогресса, слабостью русского капитала все еще беспокоят Трубникова. Пути преодоления этих недостатков он ищет уже в прямом сотрудничестве с монархией.

Спекулируя на реакционном курсе правительства и меньше всего думая о служении обществу, Трубников вновь пытается восстановить свои личные позиции в печати. Но полоса неудач для него так и не сменилась успехами. Для характеристики его как типа русского газетного предпринимателя-неудачника много дает исследование литературной продукции 80—90-х годов, как опубликованной, так и неопубликованной, сохранившейся в архивах (брошюры, журнал-дневник «Русский экономист», переписка с Министерством внутренних дел, верноподданные доклады царю, проспекты газет и т. п.).

В 1895 г. Трубников предпринимает шаги по организации обширного органа печати, который бы затмил и «Новое время» Суворина, и «Новости» Нотовича, и «Биржевые ведомости» Проппера, и другие ежедневные издания. Дважды он обращается к царю с просьбой разрешить ему издавать новый орган печати «Русский голос», и хотя в 1885 г. прошение было оставлено без последствий, оно ярко характеризует настроения, намерения и нравственность одного из газетных предпринимателей.

Прошение-ходатайство от 24/VII 1885 г. (сох-

ранившееся в архиве Главного управления по делам печати) начинается с перечисления собственных достоинств и заслуг (25 лет занимался издательским делом, 30 лет изучал финансы); затем, доказывая верноподданнические намерения, Трубников клеймит нигилистов: «Нигилисты в своих социальных стремлениях представляли особенности в том, что отличались наклонностью в религиозном отношении к безверию, в общественно-экономическом — к коммунизму, а в государственном строе — к представительному, даже республиканскому образу правления»[35].

Далее автор переходит к характеристике либеральной прессы, не стесняясь ни демагогии, ни откровенного шовинизма: «...польский и еврейский элемент, заполнивший редакционный личный состав наших газет и журналов, дает вреднотенденциозному печатному слову особый отпечаток космополитического характера, враждебный самодержавию»[36].

В числе либеральных газет, подрывающих основы самодержавия, названы: «Новое время», издание, авторитет которого укрепился после ослабления «С.-Петербургских ведомостей» и приостановки «Голоса», и «Новости», с намеком на еврейское происхождение ее редактора Нотовича. Далее Трубников совершенно в духе самодержавия заявлял, что одних отрицательных, карательных мер борьбы с крамолой мало, нужны и положительные, т. е. издание большой частной газеты правительственного направления.

Трубников считает себя способным к изданию подобной газеты в годы реакции и недвусмысленно просит лишь субсидий. Ведь для основания большой ежедневной газеты, указывает он, нужен капитал в 500 000 руб.[37]. «Борьба прежних моих изданий с господствовавшим отрицательным направлением журнализма, проникшим даже в сферы административные, надломили мои силы, и я вы-

---

[35] ЦГИА. Дело по ходатайству г. Трубникова о издании в С.-Петербурге обширного органа печати..., 1885, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 341, л. 13.

[36] Там же, л. 13 об.

[37] Там же, л. 17 об.

нужден был поэтому не раз до более благоприятного времени покидать публицистическое поприще, но ныне все изменилось к лучшему, и я считаю своим нравственным долгом начать снова свое общественное служение, уповая на божью помощь и на поддержку просвещенных государственных людей»[38].

Не исключено, что Трубников знал о намерении Александра II организовать еще в 1879 г. большую общедоступную патриотическую газету «при пособии от правительства»[39] с целью противодействия вредному направлению русской периодической печати. Трубников, хотя и с опозданием, как раз и предлагал свои услуги в этом деле.

Мысль о большой, субсидируемой правительством газете надолго овладела Трубниковым, несмотря на отказ в 1885 г. Спустя восемь лет он, не оставляя книгоиздательской и переводческой работы, возобновляет свои попытки к изданию большой националистической газеты с субсидией от правительства.

В апреле 1893 г. Трубников просит разрешения на издание «подцензурной еженедельной промышленной и земледельческой газеты под названием «Экономические ведомости» с выходящими вместе с нею приложениями под названиями: «Коммерческая газета» и «Журнал для акционеров». Министр внутренних дел Дурново просил дать по этому делу заключение министра финансов. Министр финансов ответил, что с его стороны нет препятствий к подобному изданию, но при условии, что Трубников не может рассчитывать на получение какой-либо правительственной субсидии»[40].

24 мая эти издания были разрешены. Выпустив девять номеров газеты (№ 1—31/X 1893 г.; № 9 — 25/XII 1893 г.), Трубников в декабре по-

---

[38] Там же, л. 21 об.

[39] ЦГИА. Дело по изданию общедоступной газеты с целью противодействия вредному направлению русской периодической печати, 1879, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 386.

[40] ЦГИА. Дело по изданию г. Трубниковым в С.-Петербурге газеты под названием «Экономические ведомости»..., 1893, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 780, л. 10.

дает новое прошение о разрешении издания ежедневной газеты «Русский голос». Мотивировка этого и последовавших за ним других трубниковских документов, сохранившихся в цензуре, представляет значительный интерес для характеристики газетного дела, иллюстрации связей крупных коммерческих газет с правительством, взаимных подсиживаний издателей и газетной конкуренции.

В прошении от 14 декабря 1893 г. говорилось: «24 мая сего года мне разрешено издание еженедельной газеты «Экономические ведомости» с приложениями... После того, как последовало означенное разрешение, австрийскому подданному г. Пропперу была расширена программа издаваемых им «Биржевых ведомостей» в смысле уравнения его издательских прав с правами издателя газеты «Новости и биржевая газета», выходящей в двух изданиях, причем второе дешевое издание, разрешенное г. Пропперу, дает ему возможность достигнуть наибольшей популяризации его изданий. Кроме того, г. Пропперу разрешены пять специальных еженедельных журналов в виде приложений к его газете.

Второй издатель экономического органа «Новости и биржевая газета», г. Нотович, имея так же, как и «Биржевые ведомости», широкую программу общей ежедневной политической, экономической и литературной газеты, получил недавно право на совместительство с его газетой по удешевленной подписной цене иллюстрированной газеты «Петербургская жизнь» [41].

На основании изложенного Трубников просит «уравнять» его права с правами перечисленных лиц и разрешить ему выпуск «ежедневной газеты, выходящей двумя изданиями — утром и вечером, без предварительной цензуры под названием «Русский голос», газеты политической, литературной и коммерческой, с приложением двух еженедельных журналов «Экономические ведомости» и «Журнал для акционеров».

Что же касается направления предлагаемой

---

[41] Там же, л. 18.

к изданию газеты, то оно достаточно определилось вышедшими уже нумерами «Экономических ведомостей» и останется неизменным в смысле истинно русского государственного учения»[42].

Весьма обширная программа с включением в нее беллетристики, мемуаров и т. п. должна была сделать новую газету массовой и конкурентоспособной.

Разрешение на ее издание без предварительной цензуры было дано 5/I 1894 г. с внесением обычного в таких случаях залога в размере 5 тыс. рублей. Но Трубников, не приступая к реализации нового предприятия, 6 марта 1894 г. обращается с прошением к царю о предоставлении ему со стороны правительства льгот по изданию «Русского голоса». В этом прошении автор ярко характеризует предполагаемое издание, оговаривает своих ближайших конкурентов, особенно Суворина — издателя самой распространенной газеты, и просит субсидии. В подлиннике прошения мы читаем:

«Русский голос» ставит себе задачею, согласно русскому государственному учению, создание положительной силы, не растлевающей, не разрушающей, а укрепляющей и зиждительной, которая была бы в состоянии облагородить и омолодить нравственные и умственные стремления печати.

На этот конец редактору «Русского голоса» предстоит неизбежно и прежде всего выйти во всеоружии известных ему нравственно-благонадежных и даровитых ученых, общественных и литературных сил, на борьбу с образовавшеюся у нас в печати своеобразною властью, потому что она есть власть создавать искусственно общественное мнение. Таковою властью пользуется «Новое время», занявшее совершенно случайно (Трубников никак не может примириться с тем, что это его бывшая газета.— *Б. Е.*) верховенство в столичных периодических изданиях и господствующее положение в печати вообще.

Между тем, направление этой газеты обнаруживает следующие характерные свойства и особенности: лесть низким страстям и инстинктам, принижение до толпы, фальшивый патриотизм, мнимую покорность перед властью, обман посредством слов, злоречие, исполненное зависти и распрей, наконец, фельетонный цинизм, доходящий до отсутствия простого человеческого стыда. Рядом с междустрочным отрицанием принципа собственности и с разрешением самых

---

[42] Там же, л. 18 об., 19.

труднейших научных проблем в двух-трех строках, «Новое время» называет доктрины популяризируемой им немецкой философии атеизма, положившей начало неприязни к Христу, «своего рода Евангелием» и обнаруживает явную тенденцию к поклонению обезбоженному и обездушенному разуму, этому идолу современной французской демагогии, не убеждая, а как бы гипнотизируя своих читателей, не забывая, однако, что капля воды, при ежедневном постоянном долблении, точит скалы...

Эта своеобразная зависимость русского общества в печати от «Нового времени» проистекает вследствие исключительных обстоятельств, сопровождавших издание этой газеты Суворина и в том числе: 1) расширение ее программы в целях наибольшей популяризации газеты до крайних пределов, до картинок и политических карикатур включительно; 2) дозволение к открытию под фирмою «Новое время» книжных магазинов в главных городах Империи и книжных лавок на сотне станций железных дорог, так что ни одно печатное произведение не может иметь более или менее успешное распространение без одобрения и содействия Суворина; 3) развитие через посредство этих магазинов и лавок розничной продажи «Нового времени» в провинциях, рядом с разрешением издавать эту газету для иногородних читателей вторым изданием, опережающим все другие столичные газеты на целые сутки, и 4) административные карательные меры против газеты Краевского «Голос», и ее запрещение имело последствием переход большей части подписчиков в «Новое время», способствуя сильному ея распространению и демократизации ея идей отрицательного характера.

Наконец, «Новое время» обоснованно было на значительной материальной правительственной поддержке, а именно: с 1876 г. министерством финансов (по Государственному банку) сделано было распоряжение, опубликованное в Указателе правительственных распоряжений по министерству финансов (№ 33), на основании которого одно только «Новое время» из всех частных газет избрано быть органом государственного банка, не говоря уже о том, что с того же времени издателю этой газеты открыт был широкий кредит в этом банке.

Такое распоряжение, до сих пор не отмененное, возбуждало искусственно доверие публики к «Новому времени», являющемуся будто бы официальным органом высшего государственного учреждения, а суммы, собираемые этою газетою за объемистые публикации государственного банка, по дорогой таксе, составили в общей сложности весьма значительный капитал, поступивший в пользу ея издателя.

Вследствие всего вышеизложенного правильная и успешная конкуренция положительного направления «Русского голоса» с вышеупомянутыми отрицательными элементами, находящими себе выражение в «Новом времени» ... представляется .. (делом) если не невозможным, то крайне затруднительным...

По сим основаниям имею счастие всеподданнейше просить Ваше императорское величество *повелеть оказать «Русскому голосу» возможное правительственное содействие,*

хотя бы в известной степени соразмерное с тем, которым пользовалось «Новое время» со времени перехода этой газеты в руки Суворина...»[43].

Этот документ чрезвычайно интересен для характеристики различных сторон газетного дела 80—90-х годов: условий распространения печатной продукции, субсидирования печати, концентрирования печатных изданий в одних руках и др. Вместе с тем подобный документ не мог порадовать цензурное ведомство, которое косвенно обвинялось в попустительстве либеральной непатриотической прессе. Не случайно это прошение было адресовано лично царю, а не Министерству внутренних дел. То, что оно оказалось пересланным из канцелярии его императорского величества в министерство было не в интересах подателя.

Прошение было внимательно прочитано в канцелярии, о чем свидетельствуют пометки на полях и в тексте, и 19 марта переслано в Министерство внутренних дел. Здесь его изучили еще раз, и Трубникову было сообщено об отказе в просьбе. Характеристика, которую дал Трубников «Новому времени», не могла польстить цензурному ведомству, призванному хранить благонадежность печати. Раздражение начальника Главного управления по делам печати против Трубникова было велико. Ведь в царской канцелярии читали, какой предосудительной газетой было «Новое время», и вина цензуры была очевидна. Это был новый просчет Трубникова.

В деле Главного управления по делам печати сохранился черновик записки его начальника Феоктистова, в которой он приказывает сообщить Трубникову, что ему в просьбе отказано, что министр внутренних дел докладывать о нем царю не будет, поскольку прошение поступило к министру из канцелярии его императорского величества. Причем в записке есть такая пометка для чиновника, составлявшего ответ, характеризующая

---

[43] ЦГИА. Дело по изданию г. Трубниковым в С.-Петербурге газеты под названием «Экономические ведомости», 1893, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 780, л. 24 об., 25. Выделено в подлиннике.

неприязненное отношение Феоктистова к Трубникову: «На бланке обыкновенно у нас стоит: «свидетельствую свое почтение такому-то» — но я этого не желаю» [44].

19 марта 1894 г., в день отказа, Трубников обращается с письмом к министру внутренних дел, в котором снова стремится оговорить «Новое время» как выразителя «иудаизма», «равно материализма, социализма и анархизма», доказывает необходимость «положительного покровительства» его «Русскому голосу» [45]. Ему уже мало «отрицательного покровительства», которое оказывается «Новому времени» и заключается в устранении помех по распространению газеты, в том, что Суворин «и сподвижники его могут делать, говорить и писать... что они пожелают» [46]. Ему нужна именно субсидия и ничто другое.

Трубников был приглашен для личной беседы в Главное управление по делам печати. Как видно из его письма-объяснения от 24 марта по поводу состоявшейся беседы с Феоктистовым, в упрек ему была поставлена деятельность в «Биржевых ведомостях» в 1874 г. и его связь с Полетикой, купившим в том же году типографию и газету Трубникова. Речь, по-видимому, шла о неблагонадежных сотрудниках, появившихся в «Биржевых ведомостях» в 1874 г., так как Трубников, решительно отмежевываясь от Полетики, перечисляет в письме всех своих постоянных сотрудников, среди которых не было неугодных правительству лиц и которые вместе с ним ушли из «Биржевых ведомостей» в «Новое время» [47]. «...За время литературной деятельности моей, в течение 37 лет, я не знаю ни одного такого случая, — пишет Трубников, — нарекания или газетной сплетни, на которые я не был бы в состоянии дать... объяснение в свое оправдание» [48].

---

[44] ЦГИА. Дело по изданию г. Трубниковым в С.-Петербурге газеты под названием «Экономические ведомости», 1893, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 780, л. 26.

[45] Там же, л. 27.

[46] Там же, л. 26.

[47] Там же, л. 27.

[48] Там же, л. 28, 28 об., 29.

Но все эти хлопоты не увенчались успехом. В субсидии было отказано, о чем Феоктистов сообщил Трубникову официальным письмом 4 апреля 1894 г.[49].

Не помог и прекрасно отпечатанный 26 апреля 1894 г. типографским способом на четырех страницах большого формата проспект новой газеты Трубникова, специально направленный министру внутренних дел, под названием «О новой национальной газете «Русский голос». Указанный проспект отличается многословием, велеречивостью, сдобрен изрядной порцией ненависти к социализму. «Прежде чем думать о так называемых вопросах... пора перестать... исповедовать отрицательные учения... Собственность, единственная цель и необходимая награда труда, является, к общему удивлению, вопросом спорным. Последователи авантюристов социализма, сеющих вражду и ненависть к чужому имуществу и не замечающих в себе самих широко раскрытых глаз лишь на чужое, стремятся принести в жертву, смотря по обстоятельствам, в той или другой степени — собственность. Это — вечный позор для человеческого ума!» [50].

Однако без субсидии Трубников не хотел и не мог начать издания, и в конце 1894 г. назрела угроза потери им издательских прав. 24 декабря 1894 г. Трубников пытался продлить право на издание: «...полная организация для подобного органа большой повседневной печати личного состава редакционных сил, повсеместно в России и за границею, — писал он, — устройство обширных механических приспособлений, необходимых ныне для таких изданий, требуют срока более годичного» [51].

Министр отказал и в этой просьбе. Право на издание было утрачено с января 1895 г.

На протяжении всего 1895 г. Трубников неоднократно хлопочет о возобновлении права на издание газеты. «Причем, — писал он 10 мая 1895 г., — я не испрашиваю ни денежных пособий, ни новых

[49] Там же, л. 30.
[50] Там же, л. 31 об. Текст печатного проспекта.
[51] Там же, л. 35.

льгот или преимуществ сравнительно с другими изданиями»[52]. Но все это было напрасно. На прошении от 8 декабря 1895 г. было написано: «Г. министр приказал отказать»[53]. Последний решительный отказ он получил 9 января 1896 г.

Трубникову ничего не осталось, как публично излить свое недовольство конкурентами, цензурой, материализмом, атеизмом и социализмом, что он и сделал в двух брошюрах 1896 и 1899 гг., посвященных русской печати, причислив к социалистам своего злейшего конкурента Суворина[54]. Это была исповедь политически невоспитанного буржуазного консерватора, черносотенца и клерикала, обиженного... монархией. Политическая неграмотность Трубникова, его полное непонимание социалистической доктрины, демагогия проявились ярче всего в таких выражениях как: «Чернышевский, Писарев и Суворин — создатели нигилизма в России»; «К. Маркс, поклонник Бакунина»[55]; «Для человека, знакомого с философиею... трудно понять, каким образом социализм может совмещаться в одной голове с материализмом...»[56] и т. д. и т. п.

Трубников очень чутко реагирует на проникновение в Россию идей марксизма, развитие рабочего движения. Задним числом он доносит на газету «Новое время», которая в 1872 г. популяризировала социалистическое учение К. Маркса «в виде критики, через которую проглядывает междустрочная апология его доктрины. Учения К. Маркса совершенно сходны с программою германских социал-демократов»[57], — предупреждает Трубников. Особенно его беспокоит проникновение в Россию подпольной литературы, цель которой подстрекать рабочих к стачкам и беспорядкам.

Вместе с тем Трубников пытается защитить

---

[52] Там же, л. 43 об.

[53] Там же, л. 49.

[54] См.: Трубников В. К. Вопросы печати. Пбг., 1896; он же. Печать как власть настоящего над будущим. Спб., 1899.

[55] Трубников К. Печать как власть настоящего над будущим, с. 5, 9.

[56] Трубников К. Вопросы печати, с. 2.

[57] Трубников К. Печать как власть настоящего над будущим, с. 13.

существование либерально-консервативной оппозиции: «...истинный либерализм, чуждый всяким вредным политическим теориям, становится в оппозицию для защиты порядка и права, и поэтому не имеет ничего общего с ложным либерализмом, который в погоне за популярностью находится всегда в оппозиции и всегда готов ниспровергнуть законный порядок... В каждом государстве действуют в печати два направления: *консервативное и либеральное*», — пишет он. И словно испугавшись, добавляет: «...при нашем государственном устройстве консервативное начало в периодической печати должно постоянно иметь перевес» [58].

Издание в 1897 г. газеты «Мировые отголоски» не могло утешить отставного издателя, и 24 января 1898 г., отчаявшись в успехе, Трубников бросил на 383 номере и это предприятие. Есть сведения, что в 1901 г. он повторно получил разрешение на издание «Русского голоса», но, занятый коммерческой деятельностью и проектами оздоровления русских финансов, реализовать его не успел. Добиваясь из года в год (1901, 1902, 1903) права на издание газет, в хлопотах, Трубников умер.

Непоследовательность, трусость, неумение четко выразить интересы своего класса — буржуазии, невозможность преодоления консервативных препятствий консервативными же способами, консерватизм мышления, невозможность «нормально» (по-буржуазному) действовать в полуфеодальном государстве — вот причины неудачной деятельности Трубникова на поприще печати.

В целом все это было характерно для значительной части буржуазно-купеческого класса в пореформенную эпоху. Не помогали и материальные вложения. Именно робкое поведение представителей класса не позволило добиться более значительных успехов в газетно-журнальной деятельности Трубникову, Баймакову, Полетике. Русское правительство не шло навстречу тем представителям торгово-промышленного капитала, которые не были связаны с ним особыми узами. Правительство достаточно сдержанно относилось к ини-

---

[58] Трубников К. Вопросы печати, с. 23.

циативе отдельных представителей торгово-промышленных кругов. Только личные связи, доверие и поддержка крупных государственных чиновников в XIX в. обеспечивали успех таких предпринимателей от печати, как Суворин, Комаров, Проппер и др.

КРАМОЛА В ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ПЕЧАТИ

РАСПРАВА ЗА ПАМЯТЬ О ДОБРОЛЮБОВЕ

(*Из архива «Биржевых ведомостей»*)

«Биржевые ведомости» — одно из наиболее крупных ежедневных изданий второй половины XIX — начала XX в. История этой газеты почти не изучена, хотя она играла не последнюю роль в политической и литературной жизни страны. Фактически под этим названием выходило несколько разных газет, последовательно сменявших друг друга и выражавших идеи умеренного либерализма.

«Биржевые ведомости» были основаны Трубниковым и издавались им с 1861 по 1874 г. В 1874 г. газета была продана В. Полетике и в 1879 г. переименована в «Молву». Но уже в следующем, 1880 г., она появилась вновь под названием «Биржевые ведомости». Теперь ее издателем выступил С. Проппер, а редактором — П. Макаров. Будучи буржуазным органом, газета в конце концов сблизилась с кадетами и октябристами. В истории печати начала XX в. она снискала себе самую дурную славу продажностью и ненавистью к революционным массам. В предреволюционные годы В. И. Ленин ни об одной газете не отзывался так уничижительно, как о «Биржевых ведомостях», называя ее презрительно «Биржевкой»[1]. Действительно, после событий 1905 г. газета оказалась на крайнем правом крыле русской печати. Но на первых порах, в начале своего существования, отражая идеи либерализма, испытывая определенное

---

[1] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 234; т. 34, с. 92, и др.

влияние второй революционной ситуации в России, «Биржевые ведомости» проявляли известную оппозиционность по отношению к самодержавию. Газета рядилась в тогу сочувствия демократическим идеям и в связи с этим подвергалась гонениям со стороны цензуры и правительства. За период с 1880 по 1902 г. она трижды получала предостережения, два раза подвергалась временной приостановке, пять раз запрещалась ее розничная продажа, дважды — печатание частных объявлений [2].

Первое официальное предупреждение «Биржевые ведомости» получили в 1882 г., за попытку обсуждать бесправное положение печати. Второе — в 1886 г. за «неоднократно уже обнаруживающееся вредное направление», а конкретно — вот по какому поводу. В 1886 г. исполнилось 50 лет со дня рождения и 25 лет со дня смерти Н. А. Добролюбова. Газета осмелилась отметить эту дату, использовав ее для выражения своих либерально-демократических симпатий. В № 314 от 17 ноября 1886 г. на первой полосе под рубрикой «Картинки и наброски» воспроизводилась первая строфа предсмертного стихотворения Добролюбова «Милый друг, я умираю...», а затем шли рассуждения о Добролюбове как о «безвременно погибшем писателе и критике», «молодом учителе» лучшей части русского общества. Преждевременная смерть была единственным уделом «всех честных» людей в той обстановке, в какой находились Добролюбов, Писарев, Решетников, Никитин и им подобные литераторы, заявляла газета.

«Сегодняшние поминки, — писал автор статьи, скрывшийся под псевдонимом Знакомец, — должны напомнить все это нашему дряблому, сомневающемуся, малодушному, а в большинстве лицемерному и лживому поколению журнальных деятелей и должны послужить им лучшим уроком. Я не хочу разбирать, кто придет сегодня на могилу покойного писателя... Я только хочу напом-

---

[2] Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура. М., 1905, с. 195.

нить, что жизнь и смерть этого лучшего и благороднейшего из людей ... должна заставить нас опомниться и дать себе отчет: «куда мы идем, к чему стремимся и куда должны идти и к чему должны стремиться!».

Кажется, я ясно выразился, и понять меня должны по крайней мере свои. Я бы даже предложил в память этого славного журнального деятеля сплотиться и организовать на каких угодно началах хоть сколько-нибудь солидарную семью. Ведь нам-то уж право стыдно идти врозь, когда все мы служим одной идее, ратуем за одни и те же интересы; у всех у нас один и тот же враг, вечный исконный враг народного блага, народного труда, закона, правды и христианской любви. С этим врагом боролся и покойный Добролюбов и все его славные сподвижники...».

Не будем сейчас останавливаться на отношении газеты и ее сотрудника к идейному наследию Добролюбова. В данном случае нас интересует другое — реакция цензуры и официальных кругов на попытку почтить память революционного деятеля. Статья газеты, несмотря на явную демагогию, общие места и расплывчатость призывов, стремление «привязать» Добролюбова к колеснице либеральной оппозиции, обратила на себя самое серьезное внимание цензурного ведомства. Имя Добролюбова оставалось грозой для самодержавия и 25 лет спустя после его смерти. Неудивительно, что на автора и газету незамедлительно обрушились кары. Статья о Добролюбове наделала столько паники в правящем лагере, что о проступке газеты доложили царю. «Биржевые ведомости» должны были быть наказаны за свою дерзость.

В архиве Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел имеется «Справка о деятельности издателя «Биржевых ведомостей» С. Проппера», которая раскрывает неизвестные ранее детали карающей акции правительства и цензуры. «Справка» представляет особый интерес еще и потому, что в официальном сообщении о взыскании газете не было упомянуто имя Добролюбова. Текст официального распоряжения ми-

нистра внутренних дел от 19 ноября 1886 г. гласил: «Принимая в соображение, что газета «Биржевые ведомости» неоднократно уже обнаруживала вредное направление и что, несмотря на полученное ею предостережение, продолжает упорно держаться его, доказательством чего служит, между прочим, статья в № 314 этой газеты, помещенная под рубрикой «Картинки и наброски», министр внутренних дел... согласно заключению совета Главного управления по делам печати *определил*: объявить газете «Биржевые ведомости» *второе* предостережение в лице издателя, австрийского подданного Станислава Проппера и редактора, титулярного советника Павла Макарова»[3].

А вот что мы читаем в «Справке», предназначенной не для широкой публики, а для внутреннего пользования цензуры: «...в 1886 г., № 314, «Биржевые ведомости» напечатали восторженный панегирик социально-демократическому писателю Добролюбову, за что автор статьи был выслан административным порядком из Петербурга, а газета получила второе предостережение. Докладывая о сем государю императору, министр внутренних дел объяснял: «Можно сказать, что в последнее время наша периодическая печать отвыкла от подобных возмутительных заявлений и тем более непростительна дерзость «Биржевых ведомостей»... На подлинном докладе государь император изволил собственноручно начертать: «Какое нахальство». Редактор же Макаров довел до сведения Главного управления по делам печати, что по болезни он не мог редактировать этот нумер, который и был выпущен издателем Проппером»[4].

Да, в эпоху торжества Победоносцева, в условиях запрещения легальной демократической печати в России («Дело», «Отечественные записки»), такое выступление либеральной газеты было возмутительным с точки зрения охранителей царского трона. Доброе слово, сказанное в память борца, четверостишие из его стихотворения, опуб-

---

[3] Библиограф, 1886, № 11, с. 711—712.

[4] ЦГИА. Дело об издании газеты «Биржевые ведомости», 1865, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 82, л. 326 об., 327.

ликованное на первой полосе распространенной газеты, — это ли не преступление, это ли не вызов российскому самодержцу и его слугам?

Из другого дела по изданию газеты «Биржевые ведомости» того же архива следует, что после публикации крамольной статьи от редакции потребовали сообщить имя автора. Им оказался Семен Михайлович Краев, который был тогда же выслан в Варшаву для дальнейшего водворения на жительство в Екатеринославль.

В ответе на запрос варшавского генерал-губернатора о личности Краева (который пожелал остаться на жительстве в Варшаве) Главное управление по делам печати МВД сообщало дополнительные сведения о причинах наказания газеты и ее сотрудника: «...по случаю двадцатипятилетия со времени смерти Добролюбова, одного из главных представителей социально-демократического направления в нашей литературе, произведены были на Волковом кладбище и на обводном канале в С.-Петербурге беспорядки, в которых участвовала преимущественно учащаяся молодежь обоего пола. Утром этого дня в № 314 газеты «Биржевые ведомости» появилась статья, явно рассчитанная на то, чтобы возбудить сочувствие молодежи к проповедникам (революционных — зачеркнуто. — *Б. Е.*) демократических учений...»[5].

Хотела ли редакция газеты действительно поддержать революционное выступление молодежи или нет — остается вопросом. Но реакция самодержавной власти была однозначной и двадцать пять лет спустя со дня смерти критика, и сорок лет, о чем писал В. И. Ленин в статье «Начало демонстраций» в 1901 г.: «...18 числа — произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как

---

[5] ЦГИА. Дело об издании газеты «Биржевые ведомости», 1877, ф. 776, оп. 6, ед. хр. 169, л. 211, 211 об.

и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства» [6].

Имя Краева сейчас мало что говорит современному читателю. Однако он еще раз упомянут в книге С. М. Проппера «Was nicht in die Zeitung Kam...»[7] как автор статьи о 10-летии со дня смерти Боголюбова — участника Казанской демонстрации.

«НОВОЕ ВРЕМЯ» О «КАПИТАЛЕ» К. МАРКСА

Либерально-консервативная газета «Новое время», издаваемая без предварительной цензуры Ф. Устряловым, в номере от 23 апреля (5 мая) 1872 г. опубликовала пространную передовую статью о I томе «Капитала» К. Маркса, вышедшего в переводе на русский язык. Статья положительно оценивала книгу, подчеркивая ее особое место в политико-экономической литературе. В отзыве говорилось о важном значении «Капитала» для понимания тенденции экономического развития России, о силе главных тезисов, положенных в основу исследования, опровергать которые «было бы слишком рискованно для защитников буржуазии» [8]. О статье и о карательных мерах, постигших газету в связи с этой публикацией, был хорошо осведомлен К. Маркс, который внимательно следил за всеми откликами на свою книгу в России. «...Газета получила от полиции предостережение — ее пригрозили закрыть», — сообщал он в письме к Зорге от 23 мая 1872 г. [9].

---

[6] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 370.

[7] «Was nicht in die Zeitung Kam. Erinnerungen das chefredakterus der «Birschewyje wedomosti», S. M. Propper. Frankfurt, 1929, s. 135—136.

[8] Подробнее о содержании этой статьи и ее месте среди других откликов на русский перевод I тома «Капитала» К. Маркса см. в кн.: Реуэль А. Л. Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX в. и марксизм. М., 1956, с. 238—240.

[9] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 33, с. 395.

Знакомство с делом Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел об издании газеты «Новое время» проливает дополнительный свет на историю карательных действий царских властей против русской газеты и причины, побудившие цензуру строго наказать газету и ее редактора, хотя ни редактор, ни издатель вовсе не были людьми радикального умонастроения и, публикуя эту и другие статьи, меньше всего хотели демонстрировать свое неуважение к существующему строю.

В Деле сохранилось прошение редактора газеты ст. советника И. Сухомлина от 9 мая 1872 г., адресованное министру внутренних дел, из которого видно, как ретиво и грубо выполнялись предписания Главного управления по делам печати полицией, как боялось правительство пропаганды революционного учения К. Маркса именно в газете — издании, доступном массе читателей. Ведь выход I тома «Капитала» отдельной книгой не вызвал особого беспокойства цензуры; публикация откликов в ежемесячных журналах, подобных «Вестнику Европы», также не пугала ее.

Следует иметь в виду, что в прошении, выдержки из которого публикуются ниже, одновременно говорится о двух статьях, ставших причиной объявления двух предостережений. В этих следующих одно за другим административных наказаниях и заключалась угроза прекращения издания. Третье предостережение, как известно, означало приостановку газеты на срок до 6 месяцев. Понимая гибельность этого, редактор вынужден был отказаться от своих обязанностей, надеясь хоть так облегчить положение печатного органа, да и свое собственное.

В прошении Сухомлина мы читаем: «Последовавшие в течение 4-х дней два предостережения редактируемой мною газете «Новое время» за передовую статью № 106 и за фельетон № 110, — заключают в себе столь тяжкие в лице моем обвинения, что они не могли не произвести во мне глубокого нравственного потрясения, — а способ объявления полициею этих предостережений — в 2

и 3 часа ночи (подчеркнуто красным карандашом. — *Б. Е.*), нарушивший покой моего семейства, окончательно отозвался на моем здоровье, так что я вынужден на время удалиться от всяких занятий и труда... Обвинение меня, — нелицемерно преданного правительству и его законам, — последовало по поводу двух статей: во 1) передовой № 106, объясняющей научное значение в политико-экономической литературе Западной Европы нового сочинения Маркса «Капитал»; основная мысль этого сочинения — не идеи социализма, а идея ограничения привилегий и злоупотребления капитала относительно трудящегося класса, и 2) фельетона № 110, в котором критически очерчивается литературное достоинство недавно изданных сочинений поэта Викт. Гюго и историка Мишле... все эти три книги дозволены цензурою (подчеркнуто, на полях против этих слов пометка: «не дозволены, ибо в цензуре не были»[10]. — *Б. Е.*) и обращаются в продаже; напечатанные об них в газете две упомянутые статьи чисто критического взгляда (подчеркнуто, на полях пометка: «идут дальше автора». — *Б. Е.*) и не заключают в себе никакого сочувствия (подчеркнуто. — *Б. Е.*) к суждениям авторов. Естественно, что ввиду разрешения этих книг к обращению в публике, мне не могло прийти на мысль, что правительству нежелательны даже беглые заметки (подчеркнуто, на полях пометка: «целые теории, а не заметки». — *Б. Е.*) об этих книгах и что следует избегать оных...»[11].

Подчеркнутые места и замечания на полях прошения, сделанные в Министерстве внутренних дел, изобличают ход мыслей царских администраторов, их непреклонное желание искоренить крамолу в газете, изобличить редакцию в проповеди социалистических идей. Конечно, такие репрессии делали невозможным не только дальнейшее об-

---

[10] Имеется в виду предварительная цензура.

[11] ЦГИА. Дело об издании газеты «Новое время», 1866, ф. 776, оп. 3, ед. хр. 439, л. 122, 122 об., 123.

суждение книги К. Маркса, но и простое упоминание о ней в газете.

Вместе с тем цитированный документ иллюстрирует холопское раболепие либеральной прессы и ее деятелей перед правительством и цензурой, говорит о желании редактора во что бы то ни стало оправдаться перед властью, спасти свою репутацию благонамеренного человека, который однако не мог не возмутиться действиями полиции.

ЗАПРЕЩЕННАЯ СТАТЬЯ О НЕМЕЦКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАХ

(*Из архива «Иллюстрированной газеты»*)

«Иллюстрированная газета» Баумана — Зотова представляла собой образец довольно распространенного в пореформенной России популярного издания для семейного чтения, для массовой городской аудитории. Она появилась в 1863 г. в результате ряда слияний предшествующих популярных иллюстрированных еженедельников Баумана—Зотова: «Иллюстрации», «Иллюстрированного семейного листка» и «Иллюстрированного листка». Все они носили преимущественно охранительный и отчасти развлекательный характер. Но это не означало, что правительство, цензура не следили за их содержанием. Именно то обстоятельство, что «Иллюстрированная газета» была рассчитана на низшие слои грамотного населения, делало ее предметом строгого наблюдения в цензурном комитете и поводом неоднократного обсуждения в Главном управлении по делам печати МВД.

Так, в декабре 1869 г. за изложение в разделе «Журналистика» содержания материалов газеты «Неделя», подвергшейся административному наказанию, цензору «Иллюстрированной газеты» было сделано замечание «за неосмотрительность» [12].

---

[12] Автору обозрения «Журналистика» было поставлено в вину подробное изложение статьи Демерта «Земство и сельское духовенство», корреспонденции из Нижнего Новгорода (в № 16 «Недели»), статьи Е. Конради «Новейшие усо-

В июле 1871 г. Главное управление снова обращало внимание цензурного комитета на необходимость «более строгого цензирования газеты» [13], исходя из того, что в ней отмечен «какой-то черезчур грустный отъявленный пессимизм в корреспонденциях из внутри России о безысходной бедности, заедающей наших мужиков, о развитии в селах и деревнях «бывших крепостных людей одного пьянства» и только что «не голода» (с. 378), жалобы на «сельские начальства», составляющие «пародию начальства», на «становых», которых «не найдешь и с гончими» (с. 379), выходки против «проповедей» наших сельских священников и т. п.» [14]. Обращалось внимание на стихотворение Л. Трефолева «Дорожный разговор», «выражающее ту же тенденциозность, которая несовместима с понятием о подцензурном издании» [15]. И «принимая во внимание, что это издание дешевое, а потому доступное для недостаточного класса людей» [16], Главное управление требовало в дальнейшем более строгого отбора материала.

В свою очередь цензурный комитет в отчете за 1869 и 1870 гг. давал такой отзыв об «Иллюстрированной газете» и «Воскресном досуге»: «Оба издания разнятся по внешнему виду, но внутренне их содержание почти тождественно. Общий тон их — недовольство администрацией, соболезнования о бедном загнанном положении меньшей братии и особенно рабочего класса, заступничество за свободу религиозных верований, всевозможное поощрение женскому труду и эмансипации женщин, безусловное, часто неразборчивое преклонение перед личностями, выдающимися по талантам в искусстве и литературе или по своей граж-

---

вершенствования воспитательной машины» и «в особенности» «Исторических писем» Миртова (Лаврова), а также «Очерков истории рабочего класса» А. Михайлова.— ЦГИА. Дело по изданию «Иллюстрированной газеты», 1863, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 53, л. 45.

[13] Там же, л. 83.

[14] Там же, л. 82.

[15] Там же, л. 83.

[16] Там же.

данской деятельности; стремление выставлять некоторых польских деятелей в привлекательном для польских патриотов свете.

Переводные рассказы из истории западных государств большею частью относились к эпохам социальных переворотов. При популярном характере изданий такое содержание их требовало усиленного внимания цензуры»[17].

Царские чиновники несколько преувеличивали предосудительность материалов газеты, хотя нельзя отказать и редакции в стремлении дать объективную информацию о положении в стране и за границей. Но наиболее смелые попытки в этом роде пресекались цензурой еще до выхода номеров «Иллюстрированной газеты». Так, в январе 1873 г. по докладу цензора Ратынского была запрещена статья «Германские демократы», представляющая собой очерк деятельности В. Либкнехта и А. Бебеля.

В 1871 г., во время франко-прусской войны и Парижской Коммуны, немецкие социалисты не поддались шовинистическому угару и протестовали против братоубийственной войны немецкого и французского народов, открыто возражали в Северо-германском рейхстаге против военных ассигнований и присоединения к Германии Эльзаса и Лотарингии. За этот протест в 1872 г. В. Либкнехт и А. Бебель были привлечены к суду и осуждены на два года тюремного заключения. «Иллюстрированная газета» в январе 1873 г. решила рассказать читателям о судебном процессе и биографиях осужденных, а также дать их портреты.

Статья начиналась словами: «В Лейпциге был недавно процесс, наделавший много шума. Судили не за поступки, а за вредные теории, проповедуемые германскими демократами»[18]. А далее приводились факты из жизни В. Либкнехта, А. Бебеля и А. Гепнера — немецкого социал-демократа, также привлекавшегося по этому процессу. Самое большое внимание было уделено В. Либкнехту

---

[17] ЦГИА. Дело по отчетам Спб. цензурного комитета, 1869, ф. 777, оп. 2, ед. хр. 28, л. 10, 10 об.

[18] Там же, ед. хр. 53, л. 136. Корректура.

как главному обвиняемому и старшему по возрасту среди подсудимых. Сообщалось, что он член германского парламента, писатель, отец семейства, указывалась дата его рождения (1826). Подчеркивалась его блестящая образованность. Автор статьи говорил о преследованиях немецкого демократа прусским правительством, штрафах и тюремных заключениях, разоривших семью. Сообщалось об участии Либкнехта в революции 1848 г., в Баденском восстании, о вынужденной эмиграции его в Швейцарию, а затем в Англию. В Швейцарии Либкнехта избрали президентом Немецкого рабочего союза, а в Лондоне он вступил в общество, целью которого была борьба против угнетения пролетариата.

Далее в статье шла речь о высокой идейной принципиальности немецкого революционера, отмечался факт его борьбы со Швейцером — руководителем Всеобщего германского союза в связи с поддержкой последним политики Бисмарка. «Либкнехт говорил на суде, что известный барон Швейцер, бывший президент общества германских рабочих, был агентом Бисмарка... Либкнехт сознался, что он республиканец, но не намерен нарушать законов, и действительно, он поступал всегда осторожно» [19], — заключает автор статьи.

О Бебеле говорилось значительно меньше, лишь как о соратнике Либкнехта: «Возле Либкнехта на скамье подсудимых был Бебель, также член германского рейхстага. Это честный и искусный токарь, отец семейства, но образование его не блестяще» [20]. Роль Бебеля в процессе явно недооценивалась русской газетой, хотя он занимал в нем не менее смелую и яркую позицию в борьбе с прусской военщиной. Именно ему принадлежат пламенные слова: «Мир хижинам, война дворцам!».

«Третий обвиняемый Гепнер, издатель «Volksstaat» — демократической газеты, выходящей в Лейпциге, меньше известен, — сообщала заметка. — Он обвинялся только в сообщничестве

---

[19] Там же, л. 136.
[20] Там же.

с двумя первыми и... был оправдан, а двое первых осуждены на двухлетнее заключение в крепости»[21].

Вывод цензора гласил: «... ·как статья, так и портреты совершенно неуместны в распространенной дешевой газете как популяризация личности и деятельности известных демократов и социалистов»[22]. Крамола была пресечена в самом зародыше.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И АСТРАХАНСКИЕ ГАЗЕТЫ (1883—1889)

В год приезда Чернышевского в Астрахань (1883) в городе выходили две газеты: «Астраханские губернские ведомости» и «Астраханский справочный листок». Первая являлась традиционной газетой местной администрации. Ее редакторами в 1880-е годы были чиновники: надворный советник Клопотовский, коллежский регистратор Н. Зеленский, Крестовский, Добронравов и др. В неофициальном отделе газеты астраханская жизнь с ее социальными противоречиями находила своеобразное отражение: пожары, подкинутые младенцы, нанесение побоев, продажа имущества и т. п. Но все это не выходило за рамки обычной газетной хроники и не возбуждало в читателях особого интереса.

«Астраханский справочный листок» также был характерным явлением провинциальной печати. В 80-е годы справочные листки имелись практически в каждом большом городе, и «Астраханский справочный листок» не был исключением. Он стал выходить вскоре после прекращения газеты «Волга» (1862—1865) — частного либерально-буржуазного органа, который в 1864 г. пытался подвергнуть критике крупных рыбопромышленников-монополистов и вскоре был закрыт.

В редакционной статье первого номера «Астраханского справочного листка» от 25 марта 1866 г.

---

[21] Там же.
[22] Там же.

подчеркивался информационно-справочный характер издания: его задачей было возможно быстрое распространение в среде местного общества всякого рода объявлений и публикаций. В газете была широко представлена официальная хроника, печатались объявления, «выписки из Четьи Минеи». Цена 3 руб. в год обеспечивала ей 300 постоянных подписчиков.

В 80-е годы под редакторством Л. Т. и Н. Л. Росляковых газета пыталась зарекомендовать себя как либеральная. В ней помещались статьи и заметки с критикой отрицательных сторон местной жизни, в некоторых из них чувствовалось сочувствие к простым людям. Это создавало ей популярность городской газеты. Сюжеты ее статей и темы хроник — отсутствие мостовых, дурные жилища, недостаток чистой питьевой воды, грубые махинации местных коммерсантов, тяжелое положение пришедших на промыслы русских рабочих и киргизов. И хотя в газете в 1889 г. сотрудничали некоторые поднадзорные ссыльные: Е. Н. Чириков, бывший студент Казанского университета В. И. Кларк[1], она не выходила за рамки самой скромной умеренности.

Чернышевский был знаком с работниками газеты, с ним пытался сблизиться и ее редактор. Однако Чернышевский, будучи невысокого мнения о «Листке», не сходился с ним.

Бывший редактор «Саратовского листка» Хованский писал в воспоминаниях: «Желая узнать адрес Николая Гавриловича, я заехал в редакцию «Астраханского листка». Тут меня немного напугали: редактор сказал, что бывать у Чернышевского небезопасно... Потом сам Николай Гаврилович рассказывал мне, как редактор «Астраханского листка» имел поползновение с ним познакомиться, но Чернышевский отклонил это желание ради его же пользы»[2].

Летом 1887 г. у Чернышевского в Астрахани

---

[1] Дела астраханской городской полицейской управы, 1889 г.

[2] Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 2. Саратов, 1959, с. 280.

побывали студенты Чердынцев и Хлебникова. Позднее Н. Чердынцев опубликовал запись беседы с Чернышевским, которая представляет немалый интерес для понимания отношения революционного публициста к местной буржуазно-либеральной прессе 80-х годов и его взглядов на работу в подцензурных изданиях вообще.

Чернышевский говорил в беседе: «Работайте! Работают же люди! Знаю — тяготятся. А по-моему, сами не правы. Здесь газета издается. Я знаком с редактором. Вечно жалуется на цензора — строг очень, много черкает, убытки от переверстки номера. А я говорю: кто же виноват? Требования цензора знаете! Выполняйте их, неприятностей и не будет. Ведь цензор не изменится от того, что вы его требований не исполняете!»[3]. Эти слова могут быть примером тонких иносказаний Чернышевского.

Сам Чернышевский работал в «Современнике», все материалы которого подвергались предварительной цензуре, и тем не менее он умел, обходя цензурные рогатки, говорить о том, о чем хотел сказать публике. По мнению Чернышевского, человек, решительно настроенный против самодержавных порядков, не должен ссылаться на трудности литературной работы в самодержавном государстве: он обязан искать средства для борьбы с таким положением. Ссылки же на цензурные трудности часто оказывались уловкой либеральных редакторов и сотрудников для оправдания своей робости и нежелания всерьез бороться против самодержавия. Таким уловкам Чернышевский не сочувствовал.

Надо или бороться, как бы говорил он в беседе со студентами, или выполнять требования администрации и жить с ней в мире; сваливать же на цензуру свое неумение и нежелание бороться — не позволительно. Да и не с цензором следует бороться, чтобы освободить печать от ига самодержавия. Это убеждение, выработанное Чернышевским еще в 60-е годы, осталось неизменным.

---

[3] Цит. по: Ерымовский Н. Я. Чернышевский в Астрахани. Астрахань, 1964, с. 143.

Относительный успех «Астраханского справочного листка» в 80-е годы побудил сына священника М. Попова приступить к изданию еще одной газеты в Астрахани — «Астраханского вестника». Это была ежедневная торгово-промышленная и литературная газета. Ее первый номер вышел 15 апреля 1889 г., т. е. за несколько месяцев до отъезда Чернышевского из Астрахани.

«Наше скромное желание, — писала редакция в первом номере, — наша заветная мечта — честно и добросовестно послужить своему родному краю. Это и будет нашим девизом. Обратить особенное внимание на своеобразное, выдающееся значение нашего края составит первую заботу, главнейшую задачу нашей газеты. Ввиду этого на торговый и экономический отделы нашей газеты будет обращено самое серьезное внимание. Имена лиц, благосклонно взявших на себя обязанность заведования означенными отделами, вполне ручаются за серьезную и добросовестную разработку всех торгово-промышленных и экономических вопросов края».

С первых номеров газета взяла серьезный тон. В ней широко была поставлена информация из губернии, публиковалось много коммерческих объявлений, вместе с тем встречались также статьи о Ст. Разине, Бестужеве-Марлинском, Петре I.

В № 15 за 1889 г. в газете печатается статья о Салтыкове-Щедрине, в которой период редактирования писателем «Отечественных записок» назван «золотой порой деятельности знаменитого ... журнала».

Привлекают внимание фельетоны Е. Чирикова, который из «Астраханского справочного листка» перешел в новую газету. В «Материалах для биографии Чичикова», породнив Чичикова, Хлестакова, Молчалина, Фамусова и перенеся их в 80-е годы XIX в., писатель обличал корпорацию жуликов и бюрократов.

Газета перепечатывала повести и рассказы популярных писателей из столичных изданий.

Обращаясь к своим корреспондентам на местах, редакция как бы возвращалась к заветам «Искры» Курочкина и Степанова. Она писала: «Ищите прав-

ды, одной правды! Она скрасит все. Не жертвуйте ни малейшей частичкой ее для красного словца или удовлетворения уязвленного самолюбия, а тем паче для какой-нибудь посторонней, личной цели» [4]. Во времена, когда погоня за красным словцом, использование своего положения корреспондента для сведения личных счетов, вымогательства, тщеславного красования были нормой поведения буржуазного газетчика, такое обращение стоило много.

«Астраханский вестник» своеобразно отметил совпадение 25-летия преследования газеты «Волга» и начало своего издания: «...год выхода «Астраханского вестника» совпадает с 25-летием со времени одного из замечательных эпизодов в истории прессы не только астраханской, но и вообще провинциальной...» Редакция намекала на экономические санкции, с помощью которых пытались задушить газету, в 1864 г. поднявшую голос против монополистов-рыбопромышленников, разоблачавшую вопиющие подробности положения «ловцов и других, причастных рыбному делу бедных людей». Ее лишили бумаги. «Чтобы знать, чего стоила эта борьба редакции, нужно перевернуть несколько листов, и мы увидим номера газеты... на такой ужасной и невозможной бумаге... Февраль, март и апрель печаталась «Волга» на простой оберточной бумаге, с трудом найденной у какого-то виноторговца» [5].

Газета проявляла религиозную и национальную терпимость. В № 74 за 1889 г., отвечая некоему «Г», редакция писала: «...мы никогда не позволим себе запачкать страницы нашей газеты статьями, подобными вашей. Мы не считаем себя в праве порицать ту или другую религию или национальность». Именно с этой астраханской газетой поддерживал связи Чернышевский, посещал ее редакцию и в какой-то степени влиял на ее характер. В редакции состоялась и его известная встреча с Е. Чириковым, обмен репликами по поводу очерка «Свинья», опубликованного в «Книжках «Недели» [6].

---

[4] Астраханский вестник, 1889, № 1.

[5] Там же, № 68.

[6] Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. 2, с. 393.

«Астраханский вестник» был единственным астраханским изданием, упомянувшим имя Чернышевского. В «Хронике» 58 номера за 1889 г. среди различных сообщений: об увольнении в отпуск начальника губернии князя Л. Д. Вяземского, о новой больнице в слободке Николаевской, о скором приезде артиста Владимирова, находим несколько строк о Чернышевском: «Н. Г. Чернышевский, вследствие полученного разрешения от правительства, переезжает на постоянное жительство из Астрахани в Саратов. Известие об этом помещено уже в «Сарат. дневнике». Приписка сделана явно для местного начальства, которое могло строго взглянуть на такую информацию.

Другие астраханские газеты вообще не обмолвились ни словом об отъезде ссыльного писателя из города.

РЕПОРТЕР СПАСАЕТ БОЛГАРСКИХ ДЕТЕЙ. В. А. ГИЛЯРОВСКИЙ В ГАЗЕТЕ «РУССКОЕ СЛОВО»

Существуют лишь отрывочные сведения о сотрудничестве в газете «Русское слово» известного русского репортера. Сам Гиляровский писал в книге «Москва газетная»: «Работаю в «Русском слове» только по ...просьбе» Дорошевича. «Уезжая за границу, он всегда просил меня писать и работать больше, хотя и при нем я работал немало» [1].

Тем не менее у нас до сих пор нет полного представления о сотрудничестве репортера в газете Сытина, о тематике и жанровом разнообразии его материалов. Сами публикации не выявлены и никем не собраны. Достоверно известно, что им была напечатана серия статей о гнилых нитках («Нитки»), репортаж «Ураган», заметка о цирке, несколько публикаций под рубрикой «Московская старина». Но все это не отражает, видимо, и малой доли того, что сделал Гиляровский для самой распространенной и информированной газеты конца XIX — начала XX в.

При разнообразии тематики его выступлений в любом сюжете журналиста привлекали обездолен-

---

[1] Гиляровский В. А. Соч., т. 2. М., 1960, с. 220.

ные и обиженные судьбой, обстоятельствами люди, факты проявления доброты и самоотвержения. В этом заключалось его журналистское кредо.

Остановимся на двух забытых репортажах Гиляровского о болгарской семье в газете «Русское слово». Летом 1905 г. Гиляровский получил анонимную записку от лиц, знавших его как защитника бедноты. В записке сообщалось, что в районе старого Арбата, в гостинице «Дон», в номере 12, в чрезвычайно тяжелом положении находится семья иностранца, состоящая из трех человек, матери и двоих детей.

Журналист отправился по указанному адресу и первый раз в своей «продолжительной и богатой впечатлениями» жизни увидел человека, умирающего от голода. Это был ребенок семи лет, что было особенно страшно.

Верный своей привычке газетного репортера, Гиляровский при входе в гостиницу узнал, что речь идет о болгарской семье.

«—Кто живет в 12-м номере? — спрашиваю швейцара.

—Болгарка бедная... Прямо с детьми с голоду умирают...»

Гиляровский бывал в Болгарии. Первый раз как доброволец во время русско-турецкой войны (1877—1878), второй раз в 1903 г. в 25-летний юбилей освобождения Болгарии от турецкого ига. Как ветеран освободительной войны он хорошо знал свободолюбивый, гордый братский народ, и тем неприятней поразило его известие о бедствии в Москве болгарских людей.

Гиляровский поднялся в номер, извинился за визит и сразу же заговорил о Болгарии. Недоверие к журналисту исчезло, и болгарская женщина рассказала ему свою печальную историю.

Болгарка А. Манолова, учительница гимназии в Пловдиве, потеряв мужа, переехала в Грецию, чтобы открыть там начальную школу. Но скоро оказалась без средств к существованию. На последние деньги приехала она в Москву в надежде на помощь официального славянского общества. Однако бюрократические порядки в обществе оказались таковы, что болгарская женщина очутилась без

помощи. Лишь один из служащих общества дал ей из своих личных денег небольшую сумму и рекомендацию устроиться на работу швеей. Однако и там ей отказали: много своих мастериц. Начался голод. Все вещи были проданы, из номера гонят, кипятка и белья не дают. Положение отчаянное, но, как рассказывала горничная, семилетний Любомир и трехлетняя Райка молчали, что голодны. Когда же горничная догадалась дать мальчику кусочек хлеба, он уже не мог есть. Состояние его было близко к голодному тифу. Тогда горничная забила тревогу, соседка послала за доктором. Еще момент — и мальчик бы умер. «И сейчас бедный Любомир не может ни пить, ни есть», с трудом принимает лекарство, которое ему бесплатно устроил доктор. Наступил третий день после визита доктора. Но положение по-прежнему оставалось отчаянным, пишет Гиляровский. «Пока кормят жильцы-соседи, но их мало и люди также без средств. С квартиры гонят. Ни на лечение ни на пищу... и ехать некуда! и молчат...»[2] — так заканчивает Гиляровский свой первый репортаж о бедствиях болгарской семьи. Особенно его поражает чувство собственного достоинства, гордость всех членов этой маленькой семьи. Он дважды подчеркивает, что, находясь в отчаянном положении, все они не жалуются и не попрошайничают.

Через несколько дней репортер вновь посетил болгарскую семью. Свой второй репортаж он начинает словами: «Я видел сейчас счастливую семью в номерке, занимаемом г-жой Маноловой»[3].

Манолова со слезами на глазах встретила Гиляровского словами: «Добрая, добрая Москва! Все в ней добрые! Благодарю... благодарю! Дочка Райка поправилась, разбирается в подаренных ей книжках с картинками. Любомир, который четыре дня назад был полумертвым, уже ест суп, показывает игрушки». Москвичи через Гиляровского передали болгарской семье значительную сумму денег. Их щедрость действительно оказалась русской,

---

[2] Русское слово, 1905, № 194.

[3] Там же, № 198 (далее цитируется по этому источнику).

широкой: добровольные пожертвования составили более тысячи рублей. Теперь болгарская учительница могла осуществить свою заветную мечту — открыть школу в Болгарии и воспитывать детей в духе самой теплой любви к русским людям. «Она это говорит, — пишет Гиляровский, — а слезы радости заливают глаза. Ей не хватает слов выразить чувство благодарности помогающим ей москвичам. И действительно, столько задушевного, трогательного произошло за эти дни...»

Свой второй репортаж Гиляровский заканчивает словами: «В настоящее время г-жа А. Манолова, принося сердечную, глубокую благодарность всем добрым людям, отозвавшимся на ее горе, просила меня заявить, что... как только поправится сын и она сама окрепнет от пережитых волнений, они уезжают на родину. Спасибо Москве!».

В этом эпизоде поучительно все — и оперативность репортера, быстро откликнувшегося на событие, и умение войти в доверие к людям, оказавшимся в беде, и результативность выступления, не говоря о живости и простоте изложения, т. е. наличие всех тех качеств, которые до сих пор привлекают в журналистской практике Гиляровского.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА ГАЗЕТ В РОССИИ

Основными формами распространения газет на протяжении всего XIX в. были подписка и розничная продажа.

Подписка в конторе редакции, нескольких крупных магазинах по продаже книг, а с 1852 г. через газетную экспедицию почтамтов давала основную массу подписчиков. Кроме частных лиц, газеты выписывали клубы (дворянские, купеческие), гостиницы, трактиры, библиотеки учебных заведений, кабинеты для чтения при редакциях газет. Социальный состав читателей и подписчиков носил ярко выраженный классовый характер. Журнал «Книжник» в 1865 г. сообщал, например, такие сведения о социальном составе читателей периодической печати (подписчиках) по Полтавскому уезду. Из общего числа (732) подписчиков, вернее, подписок (ибо одно лицо могло выписывать несколько изданий),

дворяне и чиновники получали 502 экз., правительственные, административные и учебные заведения — 141, купечество — 44, духовенство — 43, мещане и проч. — 2 экз.[1].

Вот свидетельство более позднего времени, относящееся к одной из окраин России — Михайло-Семеновскому округу Амурской области: в 1896 г. 20 экз. газет и журналов выписывало духовенство, 10 — купцы, 7 — чиновники, 8 — учителя и 4 экз. — выходцы из народа[2]. Случайной эту статистику не назовешь. Она достаточно верно характеризует читательскую аудиторию царской России и подписку.

Розничная продажа газет была более демократична, более доступна для низших слоев населения, но она запаздывала в своем развитии. Долгое время отдельные экземпляры можно было приобрести только в конторе редакции. Розничная продажа газет в России была разрешена в 1865 г. Газеты продавались разносчиками на оживленных улицах крупных городов, на перронах железнодорожных вокзалов, в некоторых табачных и бумажных лавках.

В Петербурге газеты продавались главным образом на Невском проспекте — главной улице города и на перронах железнодорожных вокзалов. В Москве — на Арбате, Тверской и Мясницкой улицах. Количество людей, официально торговавших газетами вразнос, колебалось в разные годы. В 1867 г. по отчету инспекторов типографий и т. п. заведений в Петербурге их было 149, в 1869 — 175 человек[3]. Некоторые газеты в 1867 г. ежедневно продавались газетчиками в Петербурге в количестве, достигавшем 1000 экз. и более («Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Петербургский листок»). С 1869 г. все газетные торговцы снабжались особыми бляхами с номером, которые получали вместе с газетами от нескольких хозяев. В числе первых хозяев были ст. сов. Максимов, тит. сов.

---

[1] Книжник, 1865, № 2, с. 137, 138.

[2] Амурская газета, 1897, № 5.

[3] ЦГИА. Отчет инспекторов типографий и т. п. заведений.., 1867, ф. 776, оп. 29, ед. хр. 3, л. 132; ед. хр. 4, л. 21, 22.

Тихменев, купец Коробков. Иногда газетами вразнос торговали и лица, не имевшие на это формального разрешения. Они подвергались преследованию чинов полиции, суду и штрафу.

В 1870 г. официально право нанимать разносчиков и проводить розничную торговлю в столице имели 58 человек (28 мещан, 19 крестьян, 3 купца, 3 отставных солдата, 3 иностранных подданных, 1 ремесленник и 1 отставной офицер). Из них самостоятельно без найма рабочих торговали 18 человек (10 мещан, 5 крестьян, 2 отставных солдата и один иностранец). Остальные нанимали от двух до шестидесяти разносчиков. Шестьдесят разносчиков нанимал купец второй гильдии Рено; 26 — мещанин Екшурский, 20 — купец Холмушин, по 16 разносчиков нанимали восемь хозяев, по 10 — четыре, по 6 — семь, по 5 — один хозяин, по 4 разносчика держали тринадцать человек. Всего, таким образом, было 362 разносчика.

До нас дошли фамилии крестьян, имевших право торговать газетами вразнос. Причем среди них была и одна женщина-крестьянка: Голубцова. Крестьяне Гусев, Филипов и Голубцова нанимали по 16 разносчиков, крестьянин Исаков нанимал 10 разносчиков, Федотов и Тимофеев — по 6, Гаврилов и Семенов — по 2, а Константинов, Савельев, Груздев и другие торговали сами без найма помощников.

Знаем мы некоторые фамилии тех, кто подвергался преследованию за незаконную продажу газет. Так, например, в 1872 г. полицией были задержаны: крестьянский мальчик Егор Яковлев, подвергнутый штрафу в 25 коп., крестьянский мальчик Павел Голубин 12 лет, освобожденный от наказания по малолетству.

Разрешение на право торговать газетами в розницу и нанимать разносчиков, как писал один из чиновников Министерства внутренних дел, «выдавалось не каждому просителю, а лишь такому, который по собранным справкам оказывался вполне благонадежным»[4]. Заметно возросла продажа га-

---

[4] ЦГИА. Отчет инспекторов типографий за 1876 г., ф. 776, оп. 29, ед. хр. 11, л. 38.

зет в связи с сербскими событиями и русско-турецкой войной. В 1876 г. ежедневно на улицах Петербурга в розницу продавалось 9 227 экз. печатной продукции.

«Газетная торговля в отчетном году, — писал инспектор по наблюдению за типографиями, — приняла весьма широкие размеры. Политические события особенно отразились на розничной продаже отдельных номеров газет... Большим спросом пользовались: «Новое время», «Голос» и отчасти «Русский мир»[5].

В 1867 г. за незаконную торговлю газетами были задержаны крестьяне Иван Петров, Иван Гадалин, Мирон Ермолаев, Алексей Ушаков, Яков Пигин, Егор Иванов, Василий Савин, Севериан Шарков и др. Все они были оштрафованы по суду на разную сумму от 50 коп. до 8 руб.

В 1877 г. ежедневная продажа газет в столице на улицах разносчиками увеличилась на три с половиной тысячи экземпляров по сравнению с предыдущим годом и по отчетам инспекторов составила 12 716 экз. в день, в том числе: «Голос» — 3 870 экз., «Новое время» — 3 825, «Русский мир» — 770, «Телеграфические бюллетени» — 560, «Санкт-Петербургские ведомости» — 390, «Новости» — 225, «Биржевые ведомости» — 140 экз. и т. д.[6].

Во время русско-турецкой войны полицейские часто вылавливали подростков, которые продавали газеты на улицах, выкрикивая: «Купите, купите! Наших побили!»

К 1880 г. общее число газет, ежедневно продававшихся в Петербурге в розницу, достигает 23 980 экз. «Голос» продавался в числе 4 500 экз., «Новое время» — 4 000, «Петербургский листок» (выходил 5 раз в неделю) — 2 200, «St. Peterburger Zeitung» — 1 115, «Минута» — 600, «Новости» — 370 экз. и т. д.[7].

Еще более внушительные цифры представляет 1890 г. Всего вразнос за год продано: «Петербургской газеты» — 2 459 393 экз., «Нового времени» —

---

[5] Там же, л. 33, 33 об.
[6] Там же.
[7] Там же, ед. хр. 12, л. 42.

1 824 857, «Петербургского листка» — 1 722 885 экз. Число газетчиков составило 537 человек[8].

В провинции развитие розничной торговли проходило значительно медленнее. Местная администрация тормозила развитие торговли газетами еще в большей степени, чем столичная. Ее чиновники широко использовали статью 117 цензурного устава, где говорилось, что торговать газетами «не в лавках, а на улицах и площадях», а равно как и вразнос при наличии установленного торгового свидетельства (на право торговли) можно только с дозволения местного полицейского начальника.

О злоключениях газетной торговли в провинции не раз сообщалось в печати.

В середине 70-х годов, когда заметно увеличилась розничная продажа газет, особенно «Нового времени», «Голоса» и других, столичных издателей охватило беспокойство, так как они считали, что руководители розничной торговли получают слишком большие барыши за посредничество между редакциями и читателями. Дело в том, что в 1873 г. градоначальник ограничил круг лиц, занимавшихся розничной продажей в Петербурге. Было определено семь человек, каждый из которых мог нанимать до 16 разносчиков. Общее число газетчиков в столице уменьшилось до 112 человек. Все разносчики должны были одеваться по форме, иметь на шапке медную бляху с надписью «Газетчик». Но этого количества продавцов оказалось мало. В 1874 г. право на разносную торговлю газетами снова получил Екшурский, перешедший к тому времени из сословия мещан в купечество, и др. В 1876 г. всего продавцов газет было 144.

В 1876 г. редактор газеты «Русское обозрение» Градовский выступил с рядом статей — «Об основах безопасности и благополучия», «К вопросу об уличной торговле произведений печати»[9], в которых порицал существующий порядок розничной торговли газетами в Петербурге. По его наблюдениям с каждого проданного экземпляра газеты разносчиком хозяева берут по 1/4 коп. и еще по

---

[8] Там же, ед. хр. 19, с. 41, 42.

[9] Русское обозрение, 1876, № 14, 17.

20 коп. за бляху. Восемь человек, захватившие в свои руки розничную торговлю, получают в год 30 000 руб. дохода.

Об этом же писал и Суворин. Ему представлялось, что уличная продажа газет в Константинополе «свободнее... чем в Петербурге, где она поставлена под контроль каких-то шести-семи разносчиков и таким образом монополизирована».

«Эти несколько разносчиков получают из редакций газеты по 4 коп., сдают их другим разносчикам по 4 1/2 к, а сии последние продают публике по 7 коп. Привилегированные разносчики таким образом пользуются 1/2 или 1 копейкой с каждого нумера». Предположив, что в Петербурге в день продается 10 000 экз. газет, Суворин подсчитал, что даже при присвоении 1/2 коп. привилегированные разносчики имеют доход 18 250 руб. в год[10]. Ясно, что при максимальных допущениях доход должен выглядеть еще более внушительным, чем при подсчетах Градовского.

Тогда-то и задумались некоторые издатели об организации своих агентств по розничной продаже газет. Под нажимом общественности и реальной потребности в увеличении розничной продажи газет правительство в 1878 г. разрешило первые артели газетчиков в Петербурге. С 1 мая 1878 г. начала успешно действовать Артель уличных продавцов произведений печати, в состав которой вошел 51 человек. С 25 мая того же года открыла действия артель Общего склада изданий для разносной торговли газет и журналов. Для торговли на улицах было нанято 50 человек[11].

Уже в мае первая артель продала 121 041 экз. газет и еженедельных журналов, вторая — 22 217. Всего за шесть месяцев (май—октябрь) артелью уличных продавцов было распродано 687 179 экз. газет и журналов, средним числом на день 3 734. Общий склад за тот же срок продал 600 876 экз. средним числом на день 3 265[12].

---

[10] Новое время, 1876, № 131.

[11] Указатель по делам печати 1878 г., № 22, 15 ноября, с. 644.

[12] Артель уличных продавцов произведений печати и артель Общего склада гг. редакторов повременных изданий

Но деятельность этих артелей не изменила факта эксплуатации разносчиков и получения высоких барышей как хозяевами, так и посредническими артелями.

В 1888 г. к вопросу о доходах газетчиков вернулись столичные издатели. Как сообщалось в печати, ряд издателей петербургских газет «собирались у В. В. Комарова для обсуждения положения, созданного неправильно организованной г. Голубинским розничной продажи газет». Они избрали комиссию, которая должна была пересмотреть устав «Общей конторы газетчиков», чтобы заведование делом «находилось всецело в руках самих издателей» [13].

Однако, как справедливо заметил журнал, опубликовавший это сообщение, поскольку на собрании были не все издатели, то дело приняло такой вид, «как будто на место г. Голубинского № 1 пробирается г. Голубинский № 2-ой» [14].

Конкуренция, погоня за прибылью все же толкали издателей на организацию своих агентств по сбыту газетной продукции.

Отдельные издатели создавали артели разносчиков по продаже только своей газеты: «Биржевые ведомости» в Петербурге, «Новости дня» в Москве, «Южный край» в Харькове и т. д. [15]. Другие издатели, а чаще посредники стали искать в провинции людей, которые бы занимались сбытом угодных им газет. Постепенно местные издатели или посредники-контрагенты стали добиваться монопольного права на торговлю печатными изданиями в городах и целых районах.

Суворин, например, в 1903 г. приобрел монопольное право торговли произведениями печати в

действовали успешно на протяжении всего XIX в., и в 1890 г. первая насчитывала 150, а вторая — 230 разносчиков (ЦГИА, ф. 776, оп. 29, ед. хр. 19, л. 112, 112 об.).

[13] Книжный вестник, 1888, № 3, с. 192.

[14] Там же.

[15] В отчете инспектора по наблюдению за типографиями в Петербурге за 1890 г. указывается, что Авсеенко — редактор-издатель «С.-Петербургских ведомостей» — держал 15 разносчиков, издатель газеты «Гражданин» Мещерский — 35, издатель газеты «Русская жизнь» Пороховщиков — 16 человек (ЦГИА, ф. 776, оп. 29, ед. хр. 19, л. 112).

цветниках и парках Кавказских минеральных вод. Кроме определенной платы, он обязался высылать в Управление Кавказских минеральных вод все ежедневные газеты России и до 26 иностранных журналов [16].

Особенно острая борьба за монопольное право торговли газетами развернулась на станциях железных дорог.

Первоначально торговля газетами производилась на перронах трех вокзалов в Петербурге, но и она встречала противодействие полиции. В 1865 г. в одном из столичных журналов появилась такая заметка: «Мы прочли недавно между газетными известиями о запрещении продажи книг и газет отдельными номерами на Николаевской железной дороге на основании того, что такая продажа производит беспорядки. Мы не знаем, о каких беспорядках говорит местная администрация, но решительно не можем понять, почему такая продажа, еще весьма незначительно у нас развитая, производит у нас беспорядки, тогда как на такие беспорядки никто не жалуется ни в Париже, ни в Лондоне, ни на железных дорогах центральной Германии, где деятельность книжной продажи, конечно, уже не чета нашей» [17]. Конечно, подобные ограничения воспринимались журналистами и читателями с беспокойством. Даже в стихах Некрасова того времени мы находим отголосок на запрещение торговли газетами на железных дорогах. В «Песнях о свободном слове» поэт замечал, что популярная газета «Голос»

...изнывает в тревогах:
Точно ли вышел запрет,
Чтоб на железных дорогах
Не продавали газет?

Однако, несмотря на подобные ограничения, розничная продажа газет на станциях железных дорог, а затем и на пароходных пристанях развивалась. Дельцы-издатели очень скоро прибрали к рукам эту торговлю. Книгоиздатель В. Генкель был первым, кто стал заниматься торговлей книгами, кален-

---

[16] Книжный вестник, 1903, № 8, с. 243—244.
[17] Книжный вестник, 1865, № 24, с. 494.

дарями и газетами на линиях казенных железных дорог. От него монопольное право торговать произведениями печати на короткое время перешло к П. Гайдебурову — издателю газеты «Неделя».

Правления отдельных железных дорог, их частные владельцы вскоре научились извлекать из этого выгоду и стали с торгов продавать и перепродавать право распространять литературу и периодические издания на линиях своих железных дорог. Причем они требовали определенного подбора периодических изданий в киосках (или, как их тогда называли, «книжных шкафах») соответственно своим вкусам и политическим симпатиям.

В 1884 г. Совет главного общества российских железных дорог, например, передал право торговли книгами и газетами на всех станциях линии общества Ландцероту — издателю «Железнодорожного спутника». Позднее у Ландцерота право торговли на ряде железных дорог перекупил издатель газеты «Новое время» Суворин. Появились агентства по реализации периодических изданий собственных фирм. Тот же Суворин в 80-е годы имел агентство для реализации «Нового времени». Затем возникли и контрагентства, которые наряду со своими изданиями продавали и какую-то часть тиражей других издательств, взятых на комиссию. Опять-таки здесь одним из первых проявил инициативу Суворин.

Право монопольной торговли газетами на отдельных линиях железных дорог имел также издатель газеты «Новости» Нотович, издатель «Московских ведомостей» Грингмут и др.

К концу XIX в. по отзыву современников железнодорожные линии приняли в ущерб покупателям «узко-партийный» характер, т. е. на одних можно было найти только газету «Новости», на других — «Новое время», на третьих — «Московские ведомости». Когда пассажиры требовали другие газеты, им отвечали: «Уже проданы». Так конкурирующие издатели обеспечивали распространение своих изданий. Соперничество между ними носило откровенный характер.

Продажа газет и журналов на железнодорожных вокзалах имела и другие пороки, от которых

чаще всего страдал потребитель. В одном из журналов в обозрении книжной торговли на станциях железных дорог писалось в 1902 г., что далеко не на всех станциях имелись торговые точки. «Из нескольких тысяч русских железнодорожных станций едва ли наберется десятая доля таких, на которых существует продажа книг и периодических изданий, девять же десятых обходятся без книготорговли»[18]. Распределение «книжных шкафов» было крайне неравномерным. Вблизи от столиц и крупных городов киоски устанавливались сравнительно часто, а по мере удаления в глубь страны число их неизменно сокращалось. Особенно плохо было поставлено дело на Сибирской железнодорожной магистрали.

Если киоск не давал ощутимого дохода, владелец тотчас же закрывал его, не заботясь о клиентах. В 1903 г., например, был закрыт «шкаф», из которого производилась газетная и книжная торговля на станции Кашин. Еще раньше закрылся книжный киоск на станции Красный холм. Оборот киоска на станции Красный холм равнялся около 100 руб. в год, на станции Кашин — 300—400 руб., что считалось убыточным. В «шкафах» на станциях Савелово, Бежица дела шли намного лучше, но и там доходы еле покрывали затраты на их содержание[19].

Коммерческую выгоду, а это было главным для владельцев агентств и контрагентств сулила продажа периодических изданий только на крупных станциях.

Другим недостатком торговли в станционных киосках произведениями печати была недобросовестность агентств. Здесь, отмечали современники, дело обстоит «еще печальнее». Торговцы считали, что как только русский человек сел в вагон, так ему тотчас же необходимо развеселиться, а потому и предлагали «нелепейшую, заезженную русскую юмористику с дачниками, тещами, неверными женами и прочими неизбежными предметами еженедельного переливания из пустого в порожнее, За все это добро, давно известное... берут... втрое,

---

[18] Книжный вестник, 1902, № 33, с. 1017.
[19] Книжный вестник, 1903, № 20, с. 637.

вчетверо дороже того, что оно стоит на месте производства»[20]. Часто на дальних станциях литература сбывалась устаревшая, по завышенным ценам, в расчете, что пассажир «все купит».

Недобросовестности торговцев не было границ. В 1902 г. «Самарской газетой» был уличен в завышении цен на произведения печати Грингмут. И это был не единичный случай. Но владельцы 5—6 крупных газетных агентств и контрагентств держались крепко за негодные порядки и платили огромные деньги за сохранение своей монополии. На некоторых линиях контрагентства в начале XX в. за право торговли произведениями печати платили до 40 000 руб.[21]. Конечно, издержки с лихвой окупались за счет пассажиров, которые догадывались об этом не всегда.

Однако при всех несообразностях газетно-журнальной торговли на железных дорогах книжные «шкафы» подчас были единственным местом, где наверняка можно было приобрести свежую газету, особенно это относилось к небольшим провинциальным городам. Закрытие при станции киоска по продаже периодической печати было тяжелым ударом, ибо в самом городе или поселке не было розничной продажи газет и журналов.

Не лучше обстояло дело с продажей газет и журналов на пароходных пристанях. Сведений об этом сохранилось еще меньше, но все же они есть и небезынтересны.

Право торговли на пристанях являлось также монопольным. Обычно откупались пристани одного или нескольких пароходств в большом городе, а иногда по всей линии. Например, на пристанях волжских пароходств «Надежда» (бывш. Зевеке), «Кавказ и Меркурий», Любимова и Каменских в Нижнем Новгороде торговлю с 1895 г. держал некто А. Миронов. На пристанях общества «Самолет» произведениями печати торговал будущий издатель М. Клюкин. Торговля книгами, журналами и газетами была организована, как признавался сам

---

[20] Там же, 1902, № 33, с. 1017—1020.
[21] Книжный вестник, 1903, № 20, с. 637.

Клюкин, «по образцу и типу, как она производится на казенных железных дорогах»[22].

Для торговли в черте города каждый торговец должен был иметь «разрешительное свидетельство» с фотокарточкой от губернатора. Продавец не имел права выкрикивать названия газет и книг, зазывать покупателя, сходить с указанного ему места. Он должен быть «трезвого поведения и вежлив»[23].

Некоторые пароходства допускали на своих пристанях двух-трех продавцов от разных фирм, но обязательно по согласованию с городской управой или губернатором. Естественно, эти разрешения давались не бесплатно. Интересно, какими условиями было обставлено согласие Миронова допустить на нижегородских пристанях около «мироновского шкафчика» торговлю другими фирмами.

Он требовал иметь газеты в том же ассортименте и продавать их не дороже, чем он. Была установлена такса: «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Новое время», «Herold» — по 10 коп. за номер; «Московский листок», «Русский листок», «Петербургскую газету», «Курьер» — по 8 коп.; местные («Волгарь» и «Нижегородский листок») — по 5 коп. за номер. Продавец должен был предлагать товар только тогда, когда покупатель сам подойдет к нему[24].

В 1903 г. в Нижнем Новгороде Г. Демьяновым — бывшим редактором «Нижегородских губернских ведомостей» — была создана артель продавцов печати с правом торговли на пристанях и мостках. Некоторые пароходства согласились допустить книгоношей этой артели на свои пристани, но монополия Миронова и Клюкина не была поколеблена.

В годы первой русской революции (1905—1906) царское правительство, черносотенцы повели особо ярую борьбу с «книжными шкафами», т. е. с розничной торговлей произведениями печати, испугавшись влияния периодических изданий, проникавших в широкие слои населения и частично получав-

---

[22] Книжный вестник, 1903, № 23, с. 731.
[23] Там же, 1902, № 35, с. 1110.
[24] Там же.

ших распространение через киоски железных дорог и пароходных пристаней[25].

Распространение печати — важная сторона истории газет и газетного дела. Розничная торговля, служащая материальным интересам издателей, вместе с тем является показателем популярности того или иного периодического органа, потребности в чтении. Ограничение розничной торговли, контроль за ее состоянием со стороны царской администрации свидетельствуют о боязни официальных кругов печатного слова и связанного с его распространением повышения культурного уровня, осведомленности и политической грамотности населения.

ЛЕГАЛЬНАЯ ГАЗЕТА В КРУГУ МОСКОВСКИХ РАБОЧИХ

При недостатке литературы о газетном деле XIX в. особенно мало достоверных сведений о чтении в это время газет народом, рабочими. Они встречаются в немногочисленных воспоминаниях самих рабочих и еще реже — в воспоминаниях газетчиков, литераторов, артистов, в то время как начиная со второй половины прошлого века трудовая Москва, рабочие и другие категории трудящихся тянулись к печатному слову.

В воспоминаниях старого рабочего Е. И. Немчинова и певца П. И. Богатырева, опубликованных в книге «Ушедшая Москва» (М., 1964), есть сведения о том, что в конце 60-х годов, в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг., крестьяне и рабочие с интересом читали и слушали газету преимущественно в трактирах — своеобразных читальнях того времени. Трактиры обычно получали «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Полицейские ведомости», различные еженедельники. Позднее определенным успехом у рабочих пользовалась газета «Московский листок».

[25] Былое, 1906, № 2, 3, 4, 6. Хроника репрессий по отношению к печати.

Розничная торговля газетами в Москве, как и везде, была подчинена местным полицейским властям, которые всячески тормозили ее развитие. В 1865 г. Москва имела всего 27 разносчиков. Но постепенно розничная продажа увеличивалась. В 1895 г. в городе было уже 228 разносчиков газет, объединенных в 20 артелей [1].

В середине XIX в. отдельный номер газеты можно было приобрести и в местах книжной торговли: на складах, в магазинах, лавках, киосках, ларях, торгующих книгами, нотами, картинами, табаком, галантереей. На рубеже XX в. в городе имелось 227 точек по продаже периодических изданий. Большинство из них было сосредоточено в центральных районах города: Арбат, Тверская (ул. Горького), Мясницкая (ул. Кирова). Очень слабо была развита торговля периодическими изданиями на окраинах, в рабочих по тем временам районах, в Мещанской, Лефортовской, Якиманской и Серпуховской частях. На 223 000 жителей этих четырех районов приходилось всего лишь 10 торговых точек.

Простой народ, по свидетельству «Книжного вестника», в основном покупал книги и периодические издания или «под Сухаревой башней», или у разносчиков, «переплачивая благодаря особенностям этой торговли» [2]. На Сухаревке бедный любитель чтения часто оказывался жертвой аферистов и жуликов, которые сбывали, правда, за бесценок, разрозненные и старые газеты.

Но подобные свидетельства очень отрывочны, скупы и слабо документированы. Поэтому нельзя не отметить с удовлетворением затерявшееся в журнальной периодике прошлого социолого-статистическое исследование московского публициста и педагога П. Шестакова с характеристикой читателя из рабочей среды. Это исследование преследовало несколько специфическую цель: автор хотел показать зависимость заработка рабочих от их грамотности и призвать деятелей московского отделения Русского технического общества к распространению

---

[1] Книжный вестник, 1895, № 4, с. 13—14.
[2] Книжный вестник, 1902, № 36, с. 1151.

образования среди московских рабочих. Попытка изменить положение рабочих к лучшему без ломки существующего общественного строя обличает в авторе заурядного либерала. Но в данном случае нас интересует другое — фактический материал, позволяющий составить представление о читателях из среды рабочих-текстильщиков конца XIX в.

Статьи Шестакова заслуживают внимания, поскольку все сведения, кроме данных о заработке, были собраны «непосредственно путем личного опроса рабочих на местах их работы»[3].

Статистическое исследование грамотности рабочих московской ситценабивной фабрики Циндель автором проводилось дважды: в 1895 и 1899 гг. О результатах первого исследования сообщено только то, что «1) Уровень грамотности рабочих, достигая среди мужчин 70,6% и среди женщин 8%, стоит на высоте, значительно превосходящей уровень грамотности в тех губерниях, к которым принадлежат рабочие по своему рождению; 2) Средний дневной заработок... у грамотного рабочего выше...»[4].

Материалы повторного исследования оказались значительно богаче. Автором было опрошено 1417 человек, что составляет около 75% работающих. Среди них грамотных оказалось 955 человек, или 67,4%. Автор констатирует: «...стремление к знанию с большою силою пробудилось в рабочем классе... образовательные потребности рабочих переросли простую грамотность»[5].

Из 955 грамотных текстильщиков 797 человек, или 83,5%, — активные читатели, остальные 158 человек, или 16,5%, «заявили, что они ничего не читают, ни книг, ни газет». Шестаков выяснил основные причины такого отношения к чтению. Оказалось, что 40% нечитающих рабочих старше 50 лет, с ослабленным зрением или неграмотные. Остальным мешает читать «усталость как результат продолжительности рабочего дня»[6].

---

[3] Русская мысль, 1900, № 1, с. 157.
[4] Там же.
[5] Там же, с. 173.
[6] Там же, с. 174, 180.

Среди постоянно читающих рабочих была выделена группа «читающих одни газеты», причем тягу рабочих к газете исследователь объясняет неудовлетворительным подбором книг в библиотеках. Он пишет: «...некоторые из... рабочих библиотечным книгам предпочитают газеты. Газеты же, как мы увидим ниже, читают преимущественно наиболее грамотные рабочие» [7].

Вывод весьма знаменательный! Последующий опрос показал, что периодические издания читало 324 рабочих, т. е. 35% от числа грамотных. Из них газеты читало 272 человека, журналы — 52. «Такое число читающих периодические издания, составляющее более трети всех грамотных, следует признать весьма значительным, особенно принимая во внимание, что этот род литературы вообще имеет у нас слабое распространение...», — заключает Шестаков [8].

Далее было выяснено, как рабочие достают газеты. Исследователю удалось собрать 278 показаний, из которых видно, что только 135 рабочих читали газеты ежедневно. Подпиской пользовался 41 человек. Лично газеты выписывали 29 человек и сообща — 12. Постоянно покупали газету 15 человек (из них 6 человек сообща), от случая к случаю, по праздникам — 44 человека. Приобретали старые ежедневные издания на курево и прочитывали их — также 44 человека. Но чаще всего газеты для чтения рабочие брали у родных и знакомых. Таких оказалось 83 человека. Из числа непостоянных читателей 51 человек знакомился с газетами в трактирах. Особенно интересно отметить несколько случаев совместного приобретения газет восемнадцатью текстильщиками.

Опрос показал также, что рабочие читали следующие газеты: «Курьер», «Московский листок», «Московские ведомости», «Новое время», «Новости дня», «Неделю», «Полицейские ведомости», «Русское слово», «Русские ведомости», «Русский листок». В этом не последнюю роль, как отмечает Шестаков, играла дешевизна их. Интересно объясняли

---

[7] Русская мысль, 1900, № 1, с. 176.
[8] Там же, с. 177.

рабочие популярность «Русского слова» в 1899 г.: «покупали ее из-за «Воскресения» гр. Толстого, которое в этой газете перепечатывалось из «Нивы»[9].

Из журналов наиболее популярными среди рабочих были: «Будильник», «Вокруг света», «Живописное обозрение», «Журнал для всех», «Мир божий», «Народное благо», «Нива», «Природа и люди», «Русская мысль», «Русское богатство». Некоторые рабочие знакомились с несколькими изданиями, отмечал Шестаков. Опрос 268 человек показал, что в среднем на 1 рабочего приходилось по 1,48 периодического издания.

Эти сведения, разумеется, не затрагивали распространения среди рабочих нелегальных, революционных изданий. С учетом распространения в рабочей аудитории подпольной литературы общая картина была бы еще более внушительной.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ГАЗЕТЧИКА. ГРИМАСЫ ПРОФЕССИИ

В XIX — начале XX в. царское самодержавие как государственная власть цивилизованной страны нуждалось в гласности, т. е. в периодической печати. Но в силу своего бюрократического, классового характера она не доверяла, за небольшим исключением, большинству работников печати. Это недоверие, враждебность отразились на правовом положении и условиях работы всех журналистов и, в первую очередь, работников ежедневных изданий.

Все категории журналистов испытывали самовластие администрации. Выполнять свои обязанности было трудно и простому репортеру и редактору газеты. Чиновники Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел и других ведомств не церемонились с работниками столичных и провинциальных газет. Полицейские чины, руководители местных органов городского самоуправления, чиновники губернских правлений,

---

[9] Русская мысль, 1900, № 1, с. 179.

частные предприниматели, помещики, купцы, просто рассерженные обыватели — все могли нанести незаслуженное оскорбление журналисту, надругаться над ним, помешать исполнению профессиональных обязанностей.

Правовое положение журналиста-газетчика было крайне неопределенным. Ни в одном законе государства права представителей печати не были предусмотрены. Администраторы различного ранга могли потребовать недопущения в печать статей и заметок, казавшихся неугодными, предосудительными; редактора или корреспондента газеты могли удалить из биржевой залы (как это случилось с редактором «Рыбинского листка» в 1864 г.), лишить возможности собрать справки по делам городской управы (что произошло с сотрудниками «Самарской газеты» в 1903 г.), возбудить судебное дело по ничтожному поводу.

Не удивительно, что такие условия способствовали озлоблению работников печати, толкали некоторых из них на унизительные поступки, заставляя сводить личные счеты. «Если мы, газетные волки, вечно всеми травимые, иногда слишком зверски и резко огрызаемся, — нам это простительно»[1], — писал молодой Горький в 90-е годы.

В начале XX в. все чаще слышатся жалобы на бесправие журналиста, особенно характерное для провинции. Обычным явлением становится выдворение неугодного журналиста из города, физическая расправа над ним. «Ищут корреспондента... выживают корреспондента... бьют корреспондента. Вот все, что бывает известно читателю о лицах, трудами которых наполняется значительная часть газет, — писал М. С. Ольминский в 1902 г. — Иных сведений о корреспондентах в печати не встретите»[2].

В одном из писем А. П. Чехову сотрудник газеты «Приазовский край» А. Б. Тараховский сообщал, что в связи с его фельетонами о городской жизни

---

[1] Горький А. М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 23. М., 1953, с. 75.

[2] Ольминский М. С. Что такое корреспондент.— В кн.: Веревкин Б. П. Михаил Степанович Ольминский. М., 1972, с. 82.

он получил много писем угрожающего содержания: «Обещают и избить и убить. Ничего не поделаешь — запасся револьвером и ношу всегда с собой»[3].

Заведующему редакцией и двум сотрудникам «Южного курьера», читаем в журнале «Книжный вестник», «выдано свидетельство на право ношения огнестрельного оружия для самозащиты»[4].

В том же журнале в январе 1903 г. можно было прочитать: «...в елецкое отделение газеты «Орловский вестник» явился некий «интеллигент» и со стулом кинулся на представителя газеты»[5].

Нелепость и комизм отдельных ситуаций для многих журналистов оборачивались личной трагедией.

3 декабря 1902 г. «неожиданно скончался редактор-издатель газеты «Северный край» Э. П. Фальк, приехавший в Петербург по делам своей редакции. Покойному было только 40 лет, он «пользовался цветущим здоровьем» до того момента, когда (4 года тому назад) приступил в Ярославле к изданию газеты. Газетные и издательские тревоги подорвали его здоровье. Сердце не выдержало напряжения...»[6], — сообщал «Книжный вестник».

Не случайно А. С. Серафимович, суммируя свои многолетние наблюдения, писал о труде журналиста: «Когда вы входите в типографию, вас поражает одно неизменное обстоятельство: между наборщиками нет стариков.

То же самое поражает в редакциях — старики там встречаются в виде исключения. Журнальная деятельность, как и типографская работа, не терпит инвалидов, которых безжалостно отметает и в которых очень быстро превращает своих деятелей.

Да иначе и как могла влиять эта постоянная кочевая жизнь из редакции в редакцию, из города в город при массе нервного, всю душу выпивающего труда, при постоянной борьбе не только посред-

---

[3] Цит. по: Чехов А. П. Полн. собр. соч. в 30-ти т. Письма, т. 8. М., 1980, с. 590.
[4] Книжный вестник, 1902, № 39, с. 1257.
[5] Книжный вестник, 1903, № 1, с. 25.
[6] Там же, 1902, № 50, с. 1664.

ством газеты, но и в газете, при постоянно сосущем сознании, что говоришь и пишешь по разным внешним условиям совсем не то, что нужно бы[7].

Уже к концу 70-х годов типичным явлением газетного мира стали мелкие подсиживания, возбуждение дел о диффамации местными чиновниками, купцами, промышленниками.

Административные чины задерживали редакционную почту. Газеты из-за опасения утраты корреспонденции давали фиктивные адреса, избегали писать в конвертах с бланком редакции и т. д. Журналисты в полной мере познали произвол и самодурство обывателей. «То гг. городские головы и «председатели собраний» объявляют войну гласности, то обидится кто-нибудь из «власть имущих», то обыватель, вооружившись дрекольем, учинит засаду и выведет из строя кого-нибудь из «состава редакции», — писал В. Г. Короленко в статье «Из истории одной провинциальной газеты»[8].

В весьма щекотливом положении оказывался человек, заподозренный в сотрудничестве с редакцией газеты, особенно если его считали автором обличительной корреспонденции. Один из журналов в начале XX в. рассказал о таком курьезном случае, ссылаясь на сведения газеты «Дальний Восток». Босяк владивостокского ночлежного дома прислал редакции письмо, в котором просил «печатно» опровергнуть предположение о его авторстве в газете. Владивостокские босяки, заподозрив, что он является автором очерка «Бездомные», где подробно описывалось их общество, проучили «шпиона-автора», «изукрасив физиономию» и дав совет больше не показываться им на глаза.

В 1903 г. вопрос о правовом положении корреспондентов обсуждался в правительствующем сенате. Сообщая об этом, журнал «Книжный вестник» подчеркивал, что сенатом сделано разъяснение о том, что удаление посторонних лиц (корреспондентов) из собраний общественного характера не предоставлено безусловному произволу председателя.

---

[7] Там же, 1903, № 21, с. 673.
[8] Русское богатство, 1904, № 6, с. 250.

«Что же касается корреспондентов газет, то их присутствие признается необходимым во всех случаях, так как это дает возможность обществу осуществлять свой контроль над деятельностью общественных учреждений»[9]. Разъяснение сената, несомненно, имеет важное значение, отмечает журнал, так как права представителей печати нигде в законах не предусмотрены.

Однако такое разъяснение мало что изменило в положении журналиста-газетчика.

* *
*

Не лучше было положение рядового корреспондента внутри редакции: подсиживания, конкуренция, борьба за положение в редакции с каждым годом становились все ощутимей.

Не удивительно, что в таких условиях формировалась особая каста газетчиков-поденщиков, людей без определенных политических взглядов, ремесленников, видевших в журналистике только свой личный успех и средство обогащения. Без характеристики этого слоя работников дореволюционной печати картина развития русской газеты была бы неполной. Беспринципность, наглость, развязность, желание использовать авторитет печатного слова в корыстных целях — неотъемлемые черты значительной части буржуазных газетчиков.

Еще в середине 60-х годов, когда начался процесс капитализации газетной печати, журналисты стали обращать внимание на наличие в своей среде таких корреспондентов и репортеров, которые использовали ежедневную печать, свою профессию в целях вымогательства и шантажа, мелкого жульничества.

«Санкт-Петербургские ведомости» 8 июля 1865 г. писали: «Нравы нашего литературного задворья становятся все более и более дикими. Про обличителей разных трактиров, ресторанов и проч.

[9] Книжный вестник, 1903, № 34, с. 1087.

приходится слышать вещи самого возмутительного содержания. Они являются всюду, едят, пьют, получают подарки и хвастают, что обличат тотчас, если что не по ним, т. е. если не дадут им взятки или спросят за выпитое вино и съеденный обед деньги»[10].

Чуть ли не через полвека А. В. Луначарский, характеризуя нравственный мир буржуазной газеты, писал о подобных работниках пера: «Один взял с кого-нибудь взятку и за это должен во что бы то ни стало поместить заметку; другой хочет кого-нибудь потопить и т. д. Это убийственная атмосфера для буржуазного журналиста, который чувствует, что он делает общественное мнение, что он *держит трубу славы и бесславия в своих руках.* Какой бы маленькой работой он не занимался, однако он держит в своих руках репутацию многих людей, всевозможные нити — финансовые (торговые), экономические, уголовных интриг и т. д.». Эта обстановка делает его «одной из самых бандитских фигур»[11].

Честные журналисты постоянно в конце XIX в. ставили вопрос о создании Союза журналистов — профессионального объединения работников печати для ограждения их интересов, для борьбы с нравственным падением товарищей. Но общие социальные условия, законы капиталистических отношений, господствующие в легальной дореволюционной печати, политика самодержавного правительства являлись преградой на пути к социальному оздоровлению нравов, психологии, практики журналистов буржуазно-монархической прессы. Только революция освободила журналистов-профессионалов от рабского, подлого положения, восстановила их человеческое достоинство.

---

[10] Спб. ведомости, 1865, № 172 (8 июля). Одна из провинциальных газет писала, что театральные рецензенты раздают лавры «за бутерброды».

[11] Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика, 1968, № 2, с. 79.

Из истории высшего журналистского образования

На рубеже XIX и XX вв. в связи с ростом русской периодической печати, особенно газет, и развитием всех отраслей полиграфического производства все яснее вырисовывалась необходимость создания учебных заведений для подготовки полиграфистов и журнально-газетных работников. В среде русских журналистов возбуждается вопрос о высшем образовании работников печати. Одновременно усиливается, как никогда прежде, интерес к постановке высшего журналистского образования за рубежом. Газеты, специальные издания, в частности журналы «Книжный вестник», «Вестник книгопродавцев» и другие, помещают сообщения о высшем образовании в Германии, Англии, Швейцарии. Опираясь на опыт зарубежных университетов, создаются проекты русской высшей школы журналистов, которые, однако, в условиях самодержавного государства так и не осуществились.

В 1900 г. в журнале «Вестник книгопродавцев» [1] было сообщено об открытии 6 января того же года высшей школы журналистов (Journalisten Hochshule) в Берлине, ставящей своей задачей дать специальное образование будущим работникам прессы.

Через два года другой журнал — «Книжный вестник» (1908, № 42) — сообщил уже об издании учебника по журналистике. В заметке говорилось, что директор Берлинской высшей школы журналистов Вреде в сотрудничестве с другими лицами составил и издал в Берлине руководство по журналистике («Handbuch der Journalistik»), заключающее в себе «систематическое изложение всех задач и работ, составляющих профессию журналиста».

В 1902—1903 гг. в том же издании находим сообщения об учреждении школ журналистов в Англии, Швейцарии и США. Все эти сообщения интересны и сейчас, поскольку в них дано изложение программ учебных заведений.

«В Лондоне скоро будет организовано новое учреждение — школа журналистов», — читаем в

[1] Вестн. книгопрадавцев, 1900, № 4, с. 66—67.

20-м номере за 1902 г. журнала «Книжный вестник». Мысль о создании такой школы принадлежала редактору «Westminster Gazette» В. Гилю. Сообщалось, что один миллионер гарантировал школе на первые три года ее существования ежегодную субсидию в 3000 фунтов, что школе уже выделено помещение и т. д.

Программа школы, сообщал журнал, «обнимает все журнальное дело. Будут читаться лекции об искусстве редактирования, о способах составления передовых, фельетонов, парламентских отчетов, интервью, телеграмм, разных заметок. Кроме того, слушатели будут посвящаться в тайны набора, стереотипии, печатания и проч. К курсу будут допускаться окончившие среднее учебное заведение»[2].

В № 25 того же журнала за 1903 г. рассказывалось, что ректор Цюрихского университета в торжественной речи заявил о скором учреждении специального факультета для журналистов. Начало уже положено. В весеннем семестре проф. Бец уже читал лекции по истории немецкой журналистики. Для организации факультета был приглашен, по утверждению журнала, редактор газеты «Züricher Post» д-р Веттештейн, который должен руководить преподаванием всех предметов, имеющих отношение к журналистике. Д-р Веттештейн читал уже курсы по практической журналистике в различных городах Швейцарии[3].

А главный редактор нью-йоркской газеты «World» Дж. Пулицер в том же году явился организатором особого «газетного факультета» при Колумбийском университете, которому подарил 200 000 долларов. «Пулицер желает, чтобы в С.-А. Соединенных Штатах существовала высшая школа газетного дела, подобно тому, как существуют высшие инженерные, медицинские и другие специальные училища. На газетном факультете студенты будут изучать администрацию, законы, историю и этику газетного дела, литературные газетные формы, будут практиковаться в репортаже, писании

---

[2] Книжный вестник, 1902, № 20, с. 639—640.
[3] Книжный вестник, 1903, № 25, с. 803.

передовых и всяких других статей под руководством опытных профессоров-журналистов»[4].

Повышенный интерес в России к разным формам высшего образования журналистов за границей не был случайным и чисто познавательным. Русские журналисты в это время серьезно думали о создании своей школы журналистов. Нужда в подобном заведении чувствовалась не менее остро, чем в Германии. Об этом говорили в Москве и Петербурге.

Кружок петербургских журналистов в 1902 г. обсуждал вопрос о возможности создания в Петербурге высшей школы журналистов. Директором школы предполагалось избрать П. Д. Боборыкина[5]. Однако учредить школу не удалось. Нечто подобное было создано в 1904 г. в Москве под названием курсов для журналистов. Правда, курсы не могли быть высшим учебным заведением.

В октябре 1904 г. в № 40 журнала «Книжный вестник» со ссылкой на газету «Новое время» сообщалось, что в Ученом комитете Министерства народного просвещения под председательством академика Н. Я. Сонина рассматривался проект открытия в Москве «Научных и практических курсов для журналистов» по инициативе и программе заслуженного профессора Л. Владимирова.

Леонид Евстафьевич Владимиров — видный юрист-криминалист — одно время состоял профессором Харьковского университета и, кроме того, был известен как защитник, выступивший по ряду громких процессов. По его идее, цель курсов заключалась в том, чтобы «лицам, не получившим образования на юридическом факультете, дать систематическое собрание этико-юридических знаний, необходимых для изучения, понимания и обсуждения вопросов общественной жизни, составляющих предмет так называемой публицистики»[6]. Курсы должны были занять три учебных семестра по 4 месяца в каждом. Окончившим курсы полагалось выдавать соответствующие свидетельства. Проектировались как теоретические, так и практические

---

[4] Там же, № 34, с. 1091—1092.
[5] Книжный вестник, 1902, № 5, с. 1454.
[6] Там же, 1904, № 40, с. 1123.

занятия. «Книжный вестник» отмечал, что программа семестровых теоретических занятий очень напоминает, правда в сокращенном виде, программы юридического факультета университетов с добавлением, однако, таких предметов, как этика, история русской и иностранной литературы, стилистика, история печати и др.

В ноябре прессой было подтверждено сообщение о том, что Владимиров получил разрешение на открытие курсов, и сообщалось, что для поступления на курсы не требуется никакого специального образовательного ценза. Принимались лица обоего пола. Такие условия привели на курсы демократическую публику, и есть сведения, что слушатели курсов в 1905 г. самоотверженно участвовали в баррикадных боях. Занятия должны были начаться 1 февраля 1905 г. в помещении высших классов Лазаревского института восточных языков.

В программу теоретического курса были включены: энциклопедия права, этика, политэкономия, всеобщая история литературы, судебное, финансовое, полицейское право, всеобщая история сцены, история искусств, репортаж.

Практические занятия включали в себя: рефераты по литературе, составление передовых статей, отчетов о разных публичных заседаниях, судебных отчетов, писание литературных статей, рисование, фотографирование и счетоводство в применении к книжному и газетному делу.

К сожалению, мы не располагаем более подробными сведениями о деятельности курсов. Однако можно сказать, что потребность в высшей (или равной ей) школе журналистов в России конца XIX — начала XX в. была весьма определенной. Проектируемые учебные заведения удачно сочетали в себе и теоретическое и практическое образование, не давая явного предпочтения одному из них.

Содержание

БОРИС ИВАНОВИЧ ЕСИН

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ
(газетный мир XIX века)

Зав. редакцией *М. Д. Потапова.* Редактор *Т. М. Ильенко.* Художник *В. В. Гарбузов.* Технический редактор *Г. Д. Колоскова.* Корректоры *И. Л. Демин, М. К. Соболева*

Тематический план 1983, № 141
ИБ № 1652

Сдано в набор 29.04.82. Подписано к печати 11.10.82. Л-80849. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 8,13. Изд. № 2421. Зак. 408. Тираж 7300 экз. Цена 70 коп.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7. Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

Цена 70 коп.

